

РИЧАРД
АДАМС

МАЙЯ

Роман

От автора бестселлеров
«ШАРДИК» и «ОБИТАТЕЛИ ХОЛМОВ»

Я хотел написать книгу о девушке,
которая начинает жизнь, не имея буквально ничего,
кроме сверхъестественной, божественной красоты.
«Майя» — это отражение моей веры в природную,
неотъемлемую чистоту женского духа.

Ричард Адамс

АЗБУКА

18+

Ричард Адамс покори́л мир своей первой книгой «Обитатели холмов». Этот роман, поначалу отвергнутый всеми крупными издательствами, полюбился миллионам читателей во всем мире, был дважды экранизирован и занял достойное место в одном ряду с «Маленьким принцем» А. Сент-Экзюпери, «Чайкой по имени Джонатан Ливингстон» Р. Баха, «Вином из одуванчиков» Р. Брэдбери и «Цветами для Элджернона» Д. Киза.

За «Обитателями холмов» последовал «Шардик» – роман поистине эпического размаха, причем сам Адамс называл эту книгу самой любимой во всем своем творчестве. Изображенный в «Шардике» мир сравнивали со Средиземьем Дж. Р. Р. Толкина и Нарнией К. С. Льюиса и даже с гомеровской «Одиссеей». Перед нами разворачивалась не просто панорама вымышленного мира, продуманного до мельчайших деталей, с живыми и дышащими героями, но история о поиске человеком бога, о вере и искуплении. А следом за «Шардиком» Адамс написал «Майю» – роман, действие которого происходит в той же Бекланской империи, но примерно десятилетием раньше. Итак, пятнадцатилетнюю Майю продают в рабство; из рыбацкой деревни она попадает в имперскую столицу, с ее величественными дворцами, неисчислимыми соблазнами и опасными, головоломными интригами...

Впервые на русском!

Ричард Адамс Майя

Richard Adams
MAIA

Copyright © Watership Down Enterprises, 1984
All rights reserved

© А. Питчер, перевод, 2017

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017

Издательство АЗБУКА®

* * *

Питеру Джонсону и Майклу Махони – мне очень повезло с зятьями

*ὕγιαίνειν μὲν ἀριστον ἀνδρὶ θνητῷ,
δεύτερον δὲ καλὸν φυαν γενέσθαι,
τα τρίτον δὲ πλουτεῖν ἀδόλως,
καὶ το τέταρτον ἡβάν μετὰ των φίλων.*

*Благо высшее смертному – здоровье,
А второе – пригожим уродиться,
Третье – честно богатством владеть,
А четвертое – молодость с друзьями.
Древнегреческая застольная песня (сколий),*

VI–V вв. до н. э.

(пер. А. Парина, О. Смыки)

οὔτε γὰρ ἐν τοῖς ἄλλοις ζώοις οὔτε ἐπὶ τῶν ἐθνῶν ὀρώμεν τὴν ἀνδρείαν ἀκολουθοῦσαν τοῖς ἀγριωτάτοις, ἀλλὰ μᾶλλον τοῖς ἡμερωτέροις καὶ λεοντώδεσιν ἦθεσιν.

Ведь ни у животных, ни у варварских племен мы не замечаем, чтобы храбрость непременно сопутствовала самым диким из них; напротив – скорее более кротким и тем, которые похожи на львов.

Аристотель. «Политика», кн. VIII, часть 4

(пер. С. Жебелева)

От автора

Я весьма признателен Питеру Карсону, Бобу Готтлибу и Джону Гесту за их ценные замечания при написании книги.

Элизабет Эйдон, Дженис Нил, А. М. Шевалль-Нильссон и Дженис Уоттерсон отпечатали рукопись, и я сердечно благодарю их за помощь. Кроме того, отдельной благодарности заслуживает Элизабет Эйдон, которая тщательно выверила последовательность повествования и указала на ряд несоответствий.

Примечание автора

Читатели «Шардика» заметят, что карты Бекланской империи и Беклы, включенные в эту книгу, несколько отличаются от предыдущих, однако ничего странного в этом нет. Ряд мест (к примеру, Лэк и Тиссарн) не упоминаются в «Майе», а потому не указаны на карте, и, наоборот, озеро Серрелинда, Найбрил и Суба не упомянуты в «Шардике» и, следовательно, не указаны на картах в предыдущем романе.

События, о которых рассказывается в «Майе», происходят за несколько лет до событий, описанных в «Шардике».

Действующие лица

Список составлен в алфавитном порядке и предназначен для удобства читателя. Сюда не включены второстепенные персонажи, появляющиеся в одном эпизоде, зато указаны те, кто не принимает активного участия в действии, но часто упоминается героями.

Анда-Нокомис – дословно «сын стрекозы», см. *Байуб-Оталь*

Астара – см. *Нокомиса*

Ашаكتиса – уроженка Палтеша, прислужница Форниды

Байуб-Оталь, также именуемый Анда-Нокомис – субанский бан, внебрачный сын Нокомисы и верховного барона Урты, сводный брат Эвд-Экахлона

Бель-ка-Тразет – верховный барон Ортельги

Бериальтида – ортельгийка, спутница Та-Коминиона

Берро – солдат, носильщик Майи в Бекле

Бларда – крестьянский парень, брат Клестиды

Гениед – надсмотрщик в услужении у Лаллока

Гехта – крестьянка в усадьбе к северо-западу от Беклы

Дераккон – верховный барон Беклы, формально возглавляет режим Леопардов

Джарвиль – привратник Сенчо, впоследствии привратник Майи

Дифна – невольница Сенчо, позднее бекланская шерпа, то есть гетера

Домрида – владелица заведения «Лилейный пруд» в Теттит-Тонильде

Дригга – старуха, соседка Морки, сказительница

Еджерет – юродивый в Бекле

Зай – так Оккула называет своего отца Бару, торговца драгоценностями

Зан-Керель – катрийский офицер, приближенный короля Карната

Зирек – коробейник

Зуно – молодой человек в услужении Лаллока, впоследствии дворецкий Форниды

Каппарах – капитан бекланской армии

Карнат – король Терекенальта

Келси – старшая из трех младших сестер Майи

Кембри-Б'саи – маршал бекланской армии, отец Эльвер-ка-Вирриона

Керит-а-Трайн – генерал бекланской армии

Керкол – крестьянин

Клестида – жена Керкола

Крох – субанец

Лаллок – дильгайский работорговец в Бекле

Ленкрит-Доль – барон Верхней Субы

Лиррита – самая младшая из сестер Майи

Локрида – прислужница Мильвасены в Бекле

Лума – субанка

Майя – тонильданка

Малендик – сторож складов Н'Кесита

Мегдон – надсмотрщик в услужении у Лаллока

Мекрон – старейшина субанской деревни, муж Пиньяниды

Мендел-эль-Экна – капитан лапанской армии, сторонник Рандронота

Мериса – белишбанка, невольница Сенчо

Мильвасена – дочь хальконского барона Энка-Мардета

Молло – капитан первопроходцев в отряде Эллерота

Морка – жена Таррина

Н'Кесит – уроженец Кебина, торговец кожами в Бекле

Нала – средняя из трех младших сестер Майи

Нассенда – субанский лекарь

Неннонира – бекланская шерна

Нокомиса (буквально: «стрекоза») – прозвище Астары, субанской танцовщицы, матери

Байуб-Оталя, возлюбленной верховного барона Урты

Огма – хромая служанка-рабыня

Оккула – чернокожая невольница

Отависа – бекланская рабыня, впоследствии шерна

Пакада – начальник бекланской тюрьмы

Парден – надсмотрщик в услужении Лаллока

Пеллан – слуга Байуб-Оталя

Пиньянида – субанка, жена Мекрона

Рандронот – владыка Лапана

Сантиль-ке-Эркетлис – хальконский барон

Саргет – зажиточный бекланский виноторговец

Секрон – знатный лапанец, сторонник Рандронота

Сельпиррен – кебинский торговец, приятель Н'Кесита

Сенда-на-Сэй – бывший верховный барон Беклы, убит Деракконом

Сендекар – генерал бекланской армии

Сендиль – палтешец, спутник Неннониры

Сенчо-бе-Л'вандор – верховный советник Беклы, возглавляет сеть осведомителей

режима Леопардов

Сессендриса – сайет (домоправительница) маршала Кембри

Спельтон – тонильданский солдат

Та-Коминион – знатный ортельгиец

Таррин – Майин отчим

Теревинфия – сайет (домоправительница) Сенчо

Тескон – субанец, сторонник Ленкрита

Толлис – один из командиров в отряде добровольцев Эллерота, подчиненный Молло

Фел – субанец, сторонник Ленкрита

Флейтиль – знаменитый бекланский скульптор (внук Великого Флейтиля)

Фордиль – известный бекланский музыкант

Форнида – дочь Кефиальтар-ка-Воро, верховного барона Палтеша, благая владычица

Беклы, наместница Аэргты

Фравак – бекланский торговец металлом, бывший хозяин Сенчо

Франли – хозяйка постоянного двора «Тихая гавань» в Мирзате

Хан-Глат – глава фортификационного корпуса бекланской армии, построил крепость в

Дарай-Палтеше

Чийя – уртайка, невольница в Бекле

Шенд-Ладор – сын коменданта бекланской крепости, сторонник Леопардов

Эвд-Экахлон – сын и наследник верховного барона Урты, сводный брат Байуб-Оталья

Эллерот – сын и наследник саркидского бана, командир отряда добровольцев в войске

Сантиль-ке-Эркетлиса

Эльвер-ка-Виррион – сын бекланского маршала Кембри-Б'саи

Энка-Мардет – хальконский барон, отец Мильвасены

За речной излучиной, в тысяче шагов от водопадов, купы деревьев рассеивали грохочущий рев струй, превращая его в тихий монотонный гул – непрерывный и беспрестанный, не похожий ни на завывание ветра, ни на жужжание насекомых, ни на кваканье лягушек в прибрежных болотах. Зимой он звучал плеском бурного ливня, а летом, в засуху, становился тихим журчанием ручейка в зарослях, но не смолкал никогда.

За излучиной река ускоряла бег; у дальнего берега, на мелководе, среди валунов, гальки и топляка, светлая быстрая рябь сверкала в лучах полуденного солнца. На ближнем, крутом берегу темная речная гладь тускло отражала высокое небо и кроны деревьев. В прибрежной зелени пестрели цветы – ярким ковром расстилались по лугам, пышной кипенью покрывали кусты и свисали с ветвей шафранными, алыми и белоснежными гирляндами. Над рекой веяли приторные, медовые и пряные ароматы; с тонким звоном металась мошкара, стрекотали прозрачными крыльями стрекозы. Иногда к поверхности воды поднималась рыбина, заглатывала неосторожную муху и, плеснув хвостом, снова уходила в глубину.

На дальнем берегу, среди камышей и мятлика, неподвижно застыл керриот – зеленая цапля из тонильданских топей, – жадно высматривая лягушек на мелководе. Время от времени он стремительно наклонял длинную тонкую шею, пронзал добычу клювом, заглатывал ее целиком и снова замирал.

Солнце клонилось к вершинам деревьев; на воду легли длинные тени, и керриот всполошился. Пугливая птица чутко и опасно следила за переменами света и тени, за малейшим дуновением ветерка, за шелестом стелющихся трав. Керриот беспокойно переступил длинными тонкими ногами, а потом поднялся в небо над рекой и, медленно взмахивая крыльями, полетел к водопаду.

С высоты птичьего полета виднелись утесы, уходящие вверх на двадцать локтей, откуда обрушивались в реку пенные потоки; на вершине горы голубела под солнцем неподвижная гладь озера. Водопадов было два, каждый в пятьдесят локтей шириной, а между ними лежал островок, в это время года поросший незабудками и золотистыми кувшинками, что покачивались у самого края, будто с любопытством заглядывая в бездну.

Керриот покружил над озером и начал плавный спуск к изножью водопадов, но у плоских камней его что-то спугнуло. Он круто повернул, перелетел к зарослям ивняка и скрылся на болоте.

Вблизи гул водопадов рассыпался на бесчисленное множество звуков: глухой рокот, громкое журчание, звонкая капель, тихое шипение водяной пыли, прерывистое бульканье, мерный плеск быстрых струй и раскатистые удары воды о камни. Над бурлящими водопадами разносился тоненький девичий голосок:

Ах, зачем, зачем я на свет рождена?

Молю, ответь мне, великий Крэн!

Иштар, иштал а-стир.

Дочь моя, ты мужу в жены суждена.

Иштар а-стир, на-ро, иштал а-ронду.

Самой девушки видно не было. Песня, вспугнувшая кериота, произвела бы совсем иное впечатление на слушателя, окажись таковой поблизости. В девичьем голосе звучала не только жизнерадостность, но и чарующая невинная истома. Впрочем, юная певица этого не осознавала, как не осознают своей прелести звери и птицы. Пение смолкло, однако на камни у воды никто не вышел. Водопад продолжал грохотать. Внезапно откуда-то издали снова послышался призрачный напев:

Ах, мощна моя пуста, беден мой дом!
Кто наполнит ее, великий Крэн?
Иштар, ишталъ а-стир.
Я дам тебе мужа с волшебным жезлом.
Иштар а-стир, на-ро, ишталъ а-ронду.

Из-за пелены падающей воды выступила крепкая, ладная девушка лет пятнадцати, пышущая здоровьем и полная задора юности. Сверкающие струи текли по обнаженному телу, хлестали по плечам, омывали высокую грудь и упругие ягодички. Девушка рассмеялась, запрокинула голову под пенные струи, потом закашлялась, вскинула руки, защищая лицо, потянулась и застыла в этой позе, чуть покачиваясь на носках. Радужная завеса воды то обволакивала ее прозрачным плащом, то струилась по спине.

Впрочем, женственным формам и двусмысленной песенке противоречили наивное лицо и непосредственные манеры юной красавицы. В этом глухом уголке она по-детски восторженно предавалась бездумной забаве и играла с водопадом в прятки, ничуть не смущаясь своей наготы. Возможно, она уже извела усталость, голод и болезни, но еще не подозревала, что в мире существуют жестокость и несчастья, и только понаслышке знала о других опасностях, подстерегающих одиноких купальщиц. Впрочем, смутное осознание своей красоты сквозило в каждом движении девушки, которая нежилась под усердными и неумными струями, омывавшими все ее тело – плечи, живот, бедра и ягодички.

В сладких грезах и мечтах о воображаемом будущем ни восторженные юные девы (тягот они пока не извела, а потому о бедах не думают), ни умудренные жизнью женщины (с тяготами они хорошо знакомы, и думать о бедах не хочется) не опираются на суровый опыт действительности.

Когда девушке прискучило скользить на прохладных валунах в изножье водопада и глядеть сквозь струи, как стражник сквозь бойницы крепостного вала, она в последний раз окунулась в колышущуюся завесу, запрыгала по плоским камням к озерцу, нырнула и быстро поплыла на мелководье. Там она перевернулась на спину, опустилась на песчаное дно, кое-где усыпанное мелкой галькой, оперлась затылком о пенек и замерла, раскинув в стороны ноги и руки.

Весенних цветов не счесть на лугу,
Где телка покорно ждет быка.
Иштар, ишталъ а-стир.
Дочь моя, я тебе помогу...
Иштар а-стир, на-ро, ишталъ а-ронду.

Она захихикала, и вода накрыла ее с головой, заглушив слова песенки. Девушка встала и побрела по мелководью, собирая золотистые и розовые кувшинки на длинных жилистых стеблях и сплетая их в венок. С утеса неподалеку свисал алый трепсис. Она сорвала охапку длинных плетей, добавила их к гирлянде и надела украшение на шею.

Потом она пошлепала ногой по воде, вытащила застрявшие меж пальцев травинки и склонила голову, вдыхая аромат цветочного ожерелья на плечах. Внезапно, совсем как ребенок, которому не сидится на месте, она бросилась обрывать цветы – все без разбору: пушистые головки геллий, маргаритки, пурпурные смолевки, оранжевые сильфии – и соорудила из них пояс, браслеты и хрупкую корону, для прочности оплетя ее побегом трепсиса. За уши девушка заложила крупные алые цветы, а еще один воткнула в ямку пупка – но цветок там не удержался. Тогда она с вызывающей улыбкой, будто дразня возмущенного собеседника, насобирала целый ворох незабудок и стала вплетать тонкие стебли в густые волосы на лобке, украшая пах небесно-голубым цветочным покровом.

– Я – владычица Беклы!

Она призывно вскинула руки над головой, с напускной торжественностью шагнула вперед и тут же, наступив на острый щебень, ойкнула и поджала ногу, потом надула губы и топнула по воде. Взметнулся фонтан брызг. Девушка достала со дна камешек, сердито плюнула на него и отбросила к деревьям, затем стремительно выскочила на берег, отбежала к дальнему концу озера, вошла на глубину и, раскинув руки, легла навзничь. Медленное течение утянуло ее в центр, где она неподвижно застыла на воде, по-прежнему обвитая цветочными украшениями; на поверхности виднелись только лицо и бугорки груди. Она глядела в небо, на клонящееся к закату солнце.

– Не слепи мне глаза, не то я тебя своим сиянием ослеплю! – прошептала она. – Попробуй обожги меня! Я же в воде! Вот так-то...

Вода чуть покачивала девушку; гирлянды набухали влагой, постепенно расплетались, и течение уносило цветы – то кувшинка, то незабудка отплывали в сторону, кружились в медленных водоворотах у берега и пропадали. Она снова осталась нагишом. Постепенно ее отнесло к мелководью, где вода доходила до колен.

Солнце опустилось ниже. Тени сгустились над водопадами, превращая радужную белизну струй в однообразную, унылую серость. Девушка родилась и выросла у воды и, прекрасно умея плавать, весь день провела на озере. К вечеру она устала, проголодалась и озябла. Она подошла к берегу, присела на корточки и справила малую нужду. Потом, выбравшись из пруда на траву, встала на колени, нетерпеливо отжала воду из длинных волос, натянула на мокрое тело сорочку и заношенный холщовый сарафан, взобралась по каменистому склону и босиком неторопливо двинулась вдоль берега озера, освещенного лучами заходящего солнца.

Девушка не подозревала, что все это время за ней наблюдали, – она ничего не слышала за ревом водопада и не видела того, кто прятался за деревьями. Как только она исчезла из виду, мужчина выскочил из своего укрытия, пробежал вдоль берега и упал ничком. Он зажмурил глаза, похотливо засопел и в исступлении всем телом ткнулся в траву, которой только что касалась его падчерица.

У дальней оконечности озера, за деревней, узкая тропка вела вдоль берега к выгону. Там, у ограды, стояла бревенчатая хижина – просторная, но ветхая. За выгоном начинались поля проса, а на грядках во дворе зеленели конусы поздних брильонов.

В сумерках на тропинку выбежала босоногая одиннадцатилетняя девчушка, вздымая клубы пыли, и бросилась навстречу сестре. Обе остановились. Девочка торопливо вгрызлась в ломоть черного хлеба.

– Чего тебе, Келси? – спросила старшая.

– Майя, матушка осерчала, что тебя так долго нет.

– Ну и пусть!

– Я, как увидела, что ты идешь, решила предупредить. Она меня послала коров с выпаса пригнать, потому что Таррин еще не вернулся. Так я побегу, а то и мне влетит.

– Поделись хлебушком, – попросила старшая.

– Ой, Майя, мне ж ничего не останется!

– Дай кусочек, не жадничай. Есть хочется, сил нет. А я ужином с тобой поделюсь.

– Знаю я твои кусочки, – вздохнула Келси и чумазыми пальцами отщипнула корку.

Майя взяла хлеб, задумчиво пожевала, проглотила.

– Пусть только попробует меня без ужина оставить, – сказала она.

– Ага, она к тебе придирается, – с детской непосредственностью заявила Келси. – Похоже, за что-то невзлюбила, вот только за что, не пойму.

– Не знаю, – пожалала плечами Майя. – Да мне на нее плевать!

– Она сегодня весь день жалуется, мол, ты уже взрослая, а от работы отлыниваешь, по хозяйству не помогаешь, ей все самой делать приходится. А еще говорит...

– Мало ли что она там говорит! Таррин не приходил?

– Нет, как с утра ушел, так еще не возвращался. Ну, я побегу, – сказала Келси, дожевывая последние крошки хлеба, и вприпрыжку помчалась по тропе.

Майя неспешно, с ленцой, направилась к дому. У дверей хижины она остановилась, сорвала с куста оранжевый цветок санчели и воткнула в волосы за левым ухом, откинув за спину мокрые пряди.

На порог выбежала пухлая малышка лет трех и уткнулась Майе в колени. Майя, подхватив сестренку, расцеловала ее в румяные щеки:

– Куда это ты несешься, Лиррита? Никак в Теттит собралась?

Малышка рассмеялась. Майя с улыбкой стала раскачивать девочку, негромко напевая:

Мы с Лирритой отправимся в поход,
Возьмем верный меч и острый кинжал,
В Бекле нас знатный красавец ждет...

– Ты всю ночь будешь горло драть, лентяйка этакая?! Лишь бы по округе шляться, тварь! – донеслось из хижины.

Изможденная женщина помешивала варево у очага. Лицо со впалыми щеками еще

хранило очарование былой красоты – так в вечернем небе заметны отсветы уходящего дня. Черные волосы припорошила печная зола, а глаза, воспаленные от дыма, глядели зорко и недовольно.

Даже в стусившихся сумерках обстановка хижины выглядела убого. На земляном полу повсюду валялся мусор: рыбы кости, очистки, огрызки и кочерыжки, прохудившееся ведро, грязное тряпье, какие-то прутики и хворостинки – Лиррита, играя, вытащила их из поленницы. К вони прогорклого жира примешивался сладковатый запах детской мочи. Пламя в очаге освещало треснутое весло у дальней стены. По хижине метались длинные дрожащие тени.

Женщина, не дожидаясь ответа Майи, опустила половник в котел, обернулась и угрожающе подбоченилась, выставив тяжелый живот. Из-за сломанного переднего зуба в речи слышалось змеиное шипение.

– Келси еще коров не пригнала, Нала белье во дворе собирает – ну, если его с веревки не стянули... Отчим твой невесть где шляется...

– Я уж давно белье принесла, – объявила чумазая девятилетняя девочка, полускрытая грудой плетеных корзин в темном углу. – Mam, дай поесть!

– Ах, вот ты где! Сначала приберись тут, а потом есть проси. Пол вымети, мусор в очаг выбрось, а потом за водой сходи. Глядишь, и на хлеб заработаешь.

Майя по-прежнему стояла у порога, качая на руках малышку.

– Где тебя носило, а? Мы тут весь день горбимся не покладая рук, а ты чуть ли не нагишом разгуливаешь, ухажеров завлекаешь, чисто шерна бекланская! – гневно воскликнула мать. – Что это у тебя за ухом?

– Цветок, – ответила Майя.

Мать выдернула пламенеющий бутон из волос дочери и швырнула на пол:

– И без тебя вижу, что цветок! Посмей только сказать, что не знаешь, зачем санчель за левым ухом носят!

– Ну и что такого? – улыбнулась Майя.

– А то, что негоже в таком виде по округе расхаживать! Вон какая здоровая вымахала! Я с утра до ночи спину гну, а ты гуляешь замарашкой.

– Я сегодня в озере купалась, – возразила Майя. – Это ты замарашка. И воняет от тебя.

Мать хотела было отвесить ей пощечину, но Майя, не выпуская малышку, перехватила и вывернула занесенную руку. Женщина оступилась и едва не упала, разразившись проклятиями. Лиррита испуганно завизжала. Майя шикнула на сестренку и, покачивая ее на руках, подошла к очагу и налила себе похлебки в плошку.

– Не тронь еду, не про тебя варено! – заорала мать. – Вот отчима твоего накормлю, как вернется, а что останется – сестрам твоим пойдет, они заработали. Слышишь, мерзавка?!

Майя, не обращая внимания на крики, опустила Лирриту на пол, отнесла плошку к столу и уселась на шаткую скамью.

Мать подхватила с пола хворостину:

– Прекрати своевольничать, не то выпорю!

Майя поднесла плошку к губам, хлебнула через край и предупредила:

– Ты меня не замай, а то самой не поздоровится.

Мать злобно уставилась на нее, взмахнула хворостиной и бросилась на Майю. Та вскочила, опрокинув скамью, и швырнула в мать плошку недоеденного варева. Горячий суп пролился на грудь, плошка упала на пол. Кончик хворостины оцарапал Майе руку. Тут Келси

вернулась из коровника и удивленно уставилась на мать с сестрой, которые, навалившись на стол, колотили друг друга по головам и плечам. Сумеречное небо в дверном проеме заслонила чья-то фигура.

– Да ради Крэна и Аэрты! Что тут происходит? – воскликнул мужчина. – Чего вы орете на всю деревню? Эй, прекратите драку!

Он ухватил женщину за локти и притянул к себе. Она тяжело дышала, не выпуская из рук хворостины. Он выдернул у нее прутик и медленно обвел взглядом полутемную хижину, заметив и перевернутую скамью, и пролитый суп, и оцарапанную руку Майи.

– Из-за чего сыр-бор разгорелся? – с усмешкой спросил он. – Все, кончайте грызню. Ужин готов, или мне с пола подбирать? Я сети долго складывал, а то бы раньше пришел. Майя, ты куда? Подними плоску да на стол накрой.

В драке Майин заношенный сарафан разорвался; она наклонилась за плоской, и в прорехе показалась налитая грудь.

– А ты меня еще и порадовать решила? – рассмеялся отчим. – Дай поесть сначала, а потом погляжу. Морка, солнышко мое, из-за чего шум?

Женщина смочила лоскут в кувшине воды и утерла потное лицо.

Майя подняла плоску, свободной рукой зажала дыру в сарафане и ответила отчиму:

– Я на озеро ходила. Вернулась, поесть хотела, а мать говорит, что не заслужила.

Морка визгливо обрушила на мужа поток жалоб:

– Полон дом бездельниц, еще один рот вот-вот народится – и не ухмыляйся, тут без тебя не обошлось! – а есть нечего. Кто обещал на рынок сходить, а вместо этого полдня в Мирзате пьянствовал с дильгайским отродьем? Ага, я все знаю. Вот и девки растут лентяйками, все в тебя. Майя – та вообще пальцем не шевельнет, ей на все наплевать! Помяни мое слово, в Зерае закончит! А ты тоже хорош, ей потакаешь! И зачем только я с тобой связалась!

Таррин как ни в чем не бывало сидел за столом и неторопливо поглощал поданный Майей нехитрый ужин – хлеб, суп и рыбу – с видом человека, который, попав под внезапный ливень, надеется, что непогода скоро закончится.

Сам он, четвертый сын мельника, родился не в Тонильде, а в Йельде, тридцать девять лет тому назад, и вырос беззаботным и шальным парнем. Работал он с ленцой – лишь бы на пропитание хватало, – но, если нужда заставляла, трудился на совесть, а потому вскоре приобрел репутацию надежного работника. О завтрашнем дне он не беспокоился, в споры не вступал, а покладистый нрав и обходительность делали его приятным собеседником. Таррин от жизни ничего не требовал и не ждал. Однажды он нанялся погонщиком в торговый караван, что шел за железной рудой в Гельтские горы, и так отличился своим рвением, что один из бекланских офицеров захотел взять его на службу в чине тризата, с отменным жалованьем. Кому другому польстило бы такое предложение, но Таррин, пропустив с офицером стаканчик-другой в таверне, от завидного места отказался, а месяц спустя стал подсобным рабочим в тонильданской деревне, где ему приглянулась девушка из местных.

Девушки Таррина вниманием не обделяли – парень он был ладный, щедрый и ласковый, нрава доброго и обхождения уважительного. Впрочем, сами девушки в нем быстро разочаровывались, обвиняли в неверности и непутевости, на что Таррин добродушно пожимал плечами, дожидаясь, пока праведный гнев и упреки не обернутся слезами и не завершатся нежным примирением. Если же упреки не стихали, то он не обижался, а просто начинал ухаживать за другой.

Корили его обычно не за то, что он сделал, а за то, чего не сделал. На справедливые

обвинения у Таррина был один ответ – уйти прочь. Молодость его прошла легко и беззаботно, в смущенных улыбках и безропотных уступках. В общем, ему все сходило с рук.

Однако с подобным поведением мирятся недолго – взрослого мужчину порицают за то, что прощают юношам. За Таррином укрепилась слава человека легкомысленного; поговаривали, что, мол, хватит ему уже прохлаждаться да за юбками бегать, настало время одуматься.

Впрочем, врагов у Таррина не было, денег он не накопил, и подобные замечания нисколько его не огорчали. Лет в тридцать он на год нанялся на службу к Плорону, главному лесничему саркидского бана, и там, на весеннем празднике, встретил дочь Плорона Керемнису. Таррин стал за ней ухаживать – не из желания породниться со знатным семейством, а ради собственного удовольствия, – и Керемниса от него понесла.

Сам Плорон, человек хитрый и расчетливый, своего положения добился, среди прочих ухищрений, женитьбой на дочери родовитого человека, а потому неохотно, но готов был согласиться на свадьбу и даже приданого не пожалел. Однако Таррин, не имея никаких корыстных побуждений, ясно дал понять, что Керемниса ему не очень-то и нравится, чем жестоко оскорбил Плорона, который поклялся отомстить кровному обидчику. В южных провинциях империи Таррину оставаться было опасно, и он на три года ушел на север, в горы, где сперва промышлял канатным делом на острове Ортельга посреди реки Тельтеарна, а потом стал гуртовщиком в Терекенальте.

Там он и дожил бы до конца своих дней, если бы спустя три года после его бегства из Саркида не случилось восстание Леопардов в Бекле. Мятежники убили верховного барона Сенда-на-Сэя, а власть захватили Дераккон и пресловутая благая владычица Форнида, – впрочем, все это не обошлось без вмешательства Карната Длинного, короля Терекенальта. Терекенальт постоянно враждовал с Бекланской империей, и в королевстве от гнева Сенда-на-Сэя укрывались многочисленные беженцы. После восстания многие решили, что теперь возвращаться на родину безопасно; среди них был и Таррин, который все же предпочел держаться северных владений империи.

Поначалу он обосновался в Кебине Водоносном, но однажды весной, перегоняя стада дильгайского скотопромышленника на двадцать лиг к югу, в Теттит, попал на озеро Серрелинда, где встретил Морку. Молодая вдовушка с тремя дочерьми знакомству обрадовалась, и Таррин с ней сошелся легко – как и с десятком женщин до нее.

Даже без кормильца семья не нищенствовала – покойный муж оставил Морке хижину, стадо коров и рыбацкую лодку со снастями. Но жить в глухом уголке Тонильды было тревожно – пришедшие к власти Леопарды поощряли работорговлю, да и в деревне молодой вдове без мужчины не обойтись. Таррин, несмотря на легкомыслие и безалаберность, своим присутствием развеивал постоянные страхи Морки, и она с радостью делила с ним ложе и кров. Через три года родилась Лиррита.

Таррин, будто увязший в болоте валун, привык к неспешной, размеренной деревенской жизни: рыбачил на озере, учил старших девочек управляться с лодкой, даже землю пахал – иногда на делянке Морки, но чаще на соседских полях, где за работу платили; деньги он пропивал в мирзатских тавернах, а время от времени уезжал в Теттит по каким-то своим делам (как выяснилось впоследствии, весьма сомнительного характера), но всякий раз возвращался, хотя и сам не сознавал почему. По правде говоря, он не желал признавать, что возраст брал свое. Таррину отчаянно хотелось покончить с изнурительным трудом и жить в свое удовольствие с Моркой и ее дочерьми – особенно с дочерьми. Морка, измученная

тяжелой работой и постоянными тревогами, стала сварливой, склочной и раздражительной. Дочери ее не любили и побаивались, а отчима обожали и всячески баловали – им нравилось и его добродушное подтрунивание, и скабрзные шутки, и рассказы о приключениях и гулянках в Саркиде и Терекенальте. К девочкам он относился снисходительно, без строгости и, как многие стареющие бездельники, похвалялся своими подвигами перед детьми, которые, не зная жизни, принимали его слова за чистую монету.

И все же Таррин не уходил от Морки по другой причине – из-за Майи. Жил он, следуя своим прихотям, и о будущем не задумывался, а потому отцовских чувств к Майе не питал. Ему нравилось шлепать ее по заду, требуя ужина, подшучивать над ней и рассказывать в ее присутствии непристойные истории, громко смеясь над тем, как она наивно распахивает огромные синие глаза. Когда-то девушки наперебой увивались за Таррином, и он считал себя ценителем женской красоты. В последние полгода он, будто крестьянин, завистливо поглядывающий на соседскую телочку, увлекся юной прелестью Майи. Он с вожделением бросал на нее жадные взгляды – вот Майя смеется, дерзит матери, собирает цветы, купается в озере, по-детски не стесняясь своей наготы. От решительных действий Таррина удерживали два соображения: во-первых, Морка догадывалась о его намерениях и не скрывала своей злобной ревности. Возможно, она даже предполагала, что в один прекрасный день он ее бросит и сбежит с Майей в Теттит или Кебин, да куда угодно. Во-вторых, Майя была невероятно наивна, а невинную девушку легче изнасиловать, чем соблазнить, ведь она не представляет себе, что происходит, и не осознает плотских желаний, пробуждающихся в юном теле. По ночам Таррин, лежа с Моркой в кровати за занавеской, отделяющей угол хижины, мечтал о Майе – о ее румяных щеках и смущенно опущенных глазах, о прелестной наготе, о стыдливом шепоте, о восторженных ласках и об изумленных восклицаниях, о том, как она поддается порывам неведомой прежде страсти. Грезы его подпитывали воспоминания о былых победах – прошло уже немало времени с тех пор, как он завоевал очередное наивное сердце и лишил невинности девственницу.

Морка, ожидая рождения ребенка, стала гневливой и вспыльчивой; дочерей она ежедневно ругала, о своем внешнем виде не заботилась, домашнее хозяйство запустила и пребывала в постоянном изнеможении. Таррина к себе она не подпускала, находя в этом какое-то горькое удовлетворение. Впрочем, добродушная снисходительность Таррина объяснялась не его благонравием, а ленью и слабохарактерностью, а потому поведение Морки начало его раздражать. Морка, как и сам Таррин, со страхом осознавала, что приближается унылый закат ее дней, и часто с досадой и отчаянием воображала, что дочь похитила у нее и былую красу, и жизненные силы. Она с ненавистью смотрела на стройное, упругое тело дочери, на ее румяные щеки и золотистые кудри. Отец Майи был человеком бережливым и рачительным, умел вести хозяйство, и с ним семья процветала, но теперь Морка считала упрямую, своенравную красавицу-дочь лишним ртом.

Неподалеку от хижины, у озера, рос огромный ясень. Жаркими летними днями Майя удобно устраивалась среди раскидистых ветвей и, задумчиво жуя травинку, часами рассматривала свое отражение в зеленоватой воде, будто сонная кошка на завалинке. Когда Морка звала дочь помочь по хозяйству, подмести пол или начистить овощей для похлебки, Майя неохотно повиновалась – с ленивой, небрежной грацией, чем еще больше раздражала мать. Вскоре Майе надоели постоянные придирки, и она стала уходить к водопадам или в поля или проплывала на островок в центре озера, где весь день нежилась на солнце, возвращаясь домой только к ужину.

Семья жила бедно, но не впроголодь, впрочем еды всегда едва хватало. Девочки выросли, и Морке казалось, что достатка им никогда не видать. Таррина она старалась кормить сытно, хотя и однообразно – хлеб, яблоки, похлебка и каша, – а дочери перебивались объедками. Однажды Майю послали на рынок в Мирзат продать свежесбитое масло, но по дороге она съела добрую половину. Морка выпорола дочь и пожаловалась Таррину.

– Ей впредь неповадно будет, – добавила она.

Таррин расхохотался и потребовал, чтобы Майя показала следы порки. Рубцов оказалось всего два – после второго удара Майя выхватила у матери пруттик и переломила его о колено.

Сейчас, вспомнив об этом случае, Морка умолкла, сняла с гвоздя у двери деревянную лохань, приволокла ее к очагу и стала наполнять теплой водой, чтобы Таррин мог умыться. Таррин, заметив, что Морка отвернулась, лукаво подмигнул Майе и поднес палец к губам. Девушка улыбнулась в ответ, скинула сарафан и, завернувшись в старое одеяло, начала зашивать прореху.

Таррин утер ладонью рот, сплюнул на пол виноградные косточки, подошел к очагу и, усевшись на табурет, принялся разматывать грязные обмотки.

– Утихомирься, старушка моя, – сказал он, когда Морка поставила у его ног лохань с горячей водой. – В доме должен быть мир и покой. Жизнь слишком коротка, чтобы ее на ссоры тратить. – Он притянул ее к себе и усадил на колени. – Глянь лучше, чем я тебя порадую. Знаешь, что я серебро умею находить?

– Не городи чепухи! – угрюмо отмахнулась она.

– Я где хочешь серебро отыщу, – заявил Таррин, стремительно запуская руку ей за пазуху и вытаскивая оттуда серебряную монету. – Вот, видишь? Пятьдесят мельдов. Для тебя, моя красавица! Завтра как пойдешь сыр и масло продавать, так на рынке себе что-нибудь и купишь. Только не надо мне больше выговаривать про таверны да про дильгайское отродье. Ты же знаешь, я только тебя люблю, всем сердцем!

Морка ошеломленно уставилась на монету, осторожно взяла ее двумя пальцами и попробовала на зуб:

– Откуда это?

– Как откуда? Из-за пазухи! К дельдам твоим прилипла, а я и достал.

Майя, рассматривая шов в мерцающем свете очага, сдавленно захихикала.

– Бери, не бойся! – велел Таррин Морке. – Не краденая. Ты заслужила. А мне в награду поцелуй причитается.

Морка подозрительно посмотрела на него:

– С чего это ты так расщедрился? Опять в Теттит собрался, что ли? И когда тебя назад ждать?

– Никуда я не собираюсь! Завтра на озере порыбачу, если Майя сети починит. Вот ты с рынка вернешься, увидишь, сколько я рыбы наловлю – и карпа, и щуку, и форель. Мельдов восемьдесят заработаем, а то и больше. Не сомневайся. Нала, солнышко, – обратился он к девятилетней девочке, – уложи малышку. Ей давно спать пора. А ты, Келси, огонь в очаге потуши. Выгащи из огня полено, погаси его здесь, в лохани. Ну, не знаю, как вы, а меня ноги не держат. Майя, хватит уже шить, побереги свои ясные глазки. Завтра закончишь. Пойдем, красавица, – вздохнул он, обнимая Морку. – Сейчас уложим твое пузо, заодно я тебе и напомню, как ты им обзавелась.

Пятьдесят мельдов... Таких денег в доме давно не водилось, но Морка уже привыкла к непредсказуемому поведению Таррина и не стала допытываться, как он их раздобыл, хотя и

сгорала от желания узнать, где он провел день.

Лунные лучи, пробираясь сквозь ставни, освещали ветхие, давно не стиранные простыни и голую ногу Майи – девушка укладывала ее на приставленную к кровати скамью, потому что вдвоем с Налой на узкой койке было тесно. С матерью Майя постоянно бранилась, но сестер любила и заботилась о них как могла. Летними ночами приставная скамья избавляла от жаркой духоты, только поворачиваться было неловко. Засыпала Майя быстро и спала крепко.

В хижине, за закрытыми ставнями, жужжали мухи, по углам копошились мыши. Морка уснула. Таррин, чуть отодвинув занавеску, жадно глядел в щелку на обнаженные плечи и спутанные кудри Майи, залитые лунным сиянием.

Говорят, что лунный свет навекает сны. Майе что-то снилось. Таррин слышал ее неразборчивое бормотание, но проникнуть в мир ее грез не мог.

Поначалу сон Майи был лишен знакомых, привычных образов. Ее окружало безбрежное сияющее пространство. Потом она оглядела себя и увидела, что с ног до головы покрыта цветами – не просто увешана гирляндами, как недавно у водопада, а укутана в длинное одеяние, целиком сотканное из ярких лепестков, источающих восхитительный аромат.

– Я – владычица Беклы! – изрекла она без слов: мысли чудесным образом звучали в невидимой неисчислимой толпе, собравшейся у ее ног.

Сквозь эту толпу Майя медленно прошествовала к роскошному возку неподалеку, понимая, что ей предстоит проехать по огромному городу к какому-то святилищу, где ее наделят великой властью.

Возок радужно переливался, будто громадная перламутровая раковина. В ярко-красные оглобли была впряжена пара длиннорогих белоснежных козлов, богато украшенных золотой мишурой, алыми перьями и гирляндами овощей и фруктов – длинными стручками фасоли, пучками моркови, тыквами, кабачками и огурцами. Некая смутная фигура стояла у повозки и держала козлов под уздцы.

– Нет, я сама поеду! Это мои козлы! – воскликнула Майя, выхватила стрекало из чехла у сиденья и погнала козлов вперед.

Повозка качнулась, словно на волнах, и тронулась с места под одобрительный гул и возгласы невидимой толпы. Майя сидела, зажав меж колен выдолбленную тыкву, наполненную спелыми смоквами, и щедро разбрасывала сочные плоды по сторонам.

– Угощайтесь! – кричала она.

Сладко пахло смоковым соком. Невидимые люди суетились, расхватывая лакомство. Майя никого не различала в толпе, скрытой сияющим туманом, но чувствовала, что посреди всеобщего ликования ей угрожает смертельная опасность. Какой-то мерзкий толстяк сгреб смоквы в кучу и, ни с кем не делиясь, жадно поглощал плоды. Майя понимала, что он может ее убить, но его удерживала чернокожая девушка.

Наконец Майя достигла цели своего путешествия – ясеня на берегу, бросила поводья, прыгнула с повозки и, вскарабкавшись на излюбленное местечко среди ветвей, посмотрела на темную поверхность озера, но вместо своего отражения увидела там косматого старика, который добродушно глядел на нее. Она догадалась, что это водяной дух. Ей стало любопытно, действительно он живет под водой или неслышно подкрался к ней сзади и

выглядывает из-за плеча, отражаясь в озере. Майя повернула голову, ветви ясеня зашелестели, яркий свет застил глаза – и она проснулась.

Майя лежала неподвижно, вспоминая странный сон и повторяя про себя излюбленную отцовскую поговорку: «Коли не расскажешь сон, то исполнится он; коли скажешь кому, то не сбьется ему».

Она с небывалой яркостью помнила не то, что видела, а то, что чувствовала: невероятное великолепие и сияющую, доселе невиданную роскошь. Роскошь... и неминуемую опасность. И странного старика в воде. Майя не могла понять, хочется ей, чтобы сон сбылся, или нет. Впрочем, чему там сбываться?

А вдруг она его не остановит, и он сбудется – сам по себе, но не так, как ей хочется, а по-своему, как пророчества из сказок, услышанных от Таррина и от старой Дригги, что жила по соседству. А если сон сбудется, то как Майя об этом узнает – сразу или только потом?

В животе у Майи заурчало от голода. Она прислушалась: за занавеской размеренно посапывала мать. Братъ еду без спроса та не позволяла и была бы рада запереть кладовую, да на гельтский замо́к денег не было, – впрочем, домашние никогда и не видывали изделий гельтских мастеров.

Майя тихонько выскользнула из-под простыни, натянула полузаштопанный сарафан поверх сорочки и на цыпочках прокралась к кладовой. Хлипкая дверца была перевязана обрывком бечевки. Майя бесшумно развязала узел, ощупью сгребла с полки ломоть хлеба и кусок жареной рыбы – остатки Тарринова ужина, – украдкой подобралась к порогу, отодвинула дверной засов и вышла из хижины в прозрачно-сизый сумрак летнего утра. Звонко щебетали птицы, на озере протяжно вскрикнула выпь, плеснула вода. Майя присела на корточки и пописала в траву на обочине тропки, а потом, медленно добредя до раскидистого ясеня, взобралась на свое излюбленное место.

Она ничком растянулась на толстой ветви, уперла лоб в ладони и глубоко вдохнула воздух, собравшийся в ложбинке меж грудей. Ломоть черствого хлеба она сначала согрела в подмышке, а потом с наслаждением вгрызлась в него. Внезапно по озерной глади скользнул яркий луч света и вдали, над противоположным берегом, показался краешек восходящего солнца.

Ослепительное сверкание воды напомнило Майе недавний сон. «Коли не расскажешь сон...» Неожиданно ее осенило: как известно, сны посылает Леспа, прекрасная спутница бога Шаккарна. Если Леспа послала этот чудесный сон, значит Леспе и надо его рассказать, объяснить, что он выше Майинога разумения, и попросить богиню поступить так, как ей угодно. Так свой сон Майя и расскажет, и не расскажет.

Она разделась догола, сунула одежду в развилку дерева, повисла на ветке и, раскачавшись, прыгнула в озеро. Холодная вода обожгла тело. Майя выдула нос, умылась и поплыла к центру озера, рассекая водную гладь, что рыбьей чешуей сверкала под солнцем.

Посреди озера Майю охватило привычное, успокаивающее чувство уединения и неги. Она перевернулась на спину и посмотрела в высокое небо:

– Услышь меня, прекрасная Леспа, та, кто собирает сны среди звездной пыли и рассыпает их среди смертных! Благодарю тебя за чудесный сон. Прости меня, но я возвращаю его тебе, поскольку он выше моего разумения. Молю, прими его и даруй мне то, что тебе угодно!

– Майя! – донесся с берега визгливый голос матери.

Девушка перевернулась в воде, откинула со лба волосы и взгляделась в берег. Морка

стояла у двери коровника и, заслонив глаза рукой, смотрела на озеро.

«Странно... Почему она меня не видит?» – подумала Майя и тут же сообразила, в чем дело. Восходящее солнце светило Морке в глаза, и на сияющей поверхности озера голова Майи терялась в солнечных бликах. Девушка осторожно поплыла навстречу рассвету, стараясь не плескаться.

Она вернулась к ясеню только через два часа – вышла на берег, стряхнула воду с тела, отжала волосы, оделась и неторопливо направилась к хижине. Нала выбежала навстречу сестре:

– Майя, ты где была?

– На озере, вот где.

– Тебя матушка обыскала. Так осерчала!

– Ну, это не новость. А сама она где?

– На рынок ушла в Мирзат. И Келси с собой взяла. Она тебе велела кучу дел переделать, мне все пересказала, чтобы я тебе передала. Я все запомнила.

– Вот и славно. Только я для начала сети должна починить, меня Таррин вчера просил. Кстати, куда он подевался?

– Не знаю. Наверное, в деревню ушел. Но ты послушай, что матушка тебе велела, а то я забуду.

– Ладно, – вздохнула Майя. – Мало ли что она там велела! Что захочу, то и сделаю.

На берегу, под теплыми лучами солнца, Майя удобно устроилась в мягких складках огромной сети; узелки впивались в кожу сквозь тонкую ткань сарафана. Кусок полотна с разорванными ячейками Майя уложила на колени, пристроила рядом горшок со смолой, кусок воска, мотки бечевки и суровых ниток. Перемазанные смолой пальцы саднили от вязания тугих узлов.

Жужжали мухи, сверкала озерная гладь, где-то залиристо щебетала овсянка. Майя разжала усталые пальцы и мечтательно поглядела вдаль. Владычица Беклы... Таррин не раз подробно описывал, в чем именно заключаются ее священные обязанности, и рассказывал о бронзовой статуе Крэна, мастерски отлитой великим Флейтилем, – впрочем, Майе он признался, что сам ее никогда не видел.

– ...А если она этого не сделает, то урожая не жди. Земля так и останется бесплодной, ничего и ни у кого больше не вырастет, – утверждал он.

– Никогда? И ни у кого? – ахнула Майя.

– Никогда и ни у кого, – усмехнулся Таррин. – Ни у меня не вырастет, ни у всех остальных. Такая вот беда.

– Почему? Я не понимаю... – призналась она.

– Ничего, еще поймешь. Погоди, придет твое время... – Он ласково ущипнул ее за руку, рассмеялся и ушел в таверну.

Майя потянулась и зевнула. Сети она почти починила, работы осталось на полчаса, не больше. Любые просьбы Таррина она всегда выполняла с удовольствием, но починка сетей – занятие трудоемкое, скучное и утомительное. Внезапно Майю охватило уныние, жизнь предстала тоскливой чередой беспросветных дней: невкусная еда, грубая одежда, бесконечный выматывающий труд, привычное окружение – и никакой радости, никаких новых впечатлений. Единственной отрадой были вылазки на озеро. В прошлом году Таррин повел всю семью в Мирзат, на праздник виноградарей и виноделов, снисходительно

объяснив, что это – деревенское гулянье по сравнению с размахом торжеств, которые устраивали в Икете и Теттите. Майя с отчаянием сообразила, что ничего лучше этого праздника ей все равно никогда в жизни не увидеть. Владычица Беклы... Подумать только, замарашка в лохмотьях вообразила себя красавицей, уверовала в свою красоту! Кому нужна эта красота в развалюхе на окраине тонильданской глухомани? Знай себе чини сети, собирай хворост, нянчи банзи, много не ешь – остальным не хватит... Ах, как сладкого хочется! Майя с усилием сглотнула слюну.

На солнце Майю разморило. Тонкие пальцы ловко вязали бечеву в тугие узлы, потом расслабились и замерли. Девушка откинулась на мягкое переплетение веревок и закрыла глаза. Дул легкий ветерок, на берег с тихим плеском набегали волны, шелестела листва на ясене, жужжали мухи – весь мир вокруг пришел в движение, а в самом его центре, будто зачарованная спящая красавица, лежала Майя; грудь ее чуть заметно вздымалась и опадала под полузаштопанным сарафаном.

Майя очнулась от забытья из-за того, что кто-то стоял рядом и смотрел на нее. Она подскочила, но тут же с облегчением откинулась на сети.

– Ох, Таррин, как ты меня напугал! – воскликнула она. – Я тут задремала... Ты не думай, я уже почти все сделала, совсем чуть-чуть осталось. Вот, погляди...

Он улегся рядом с ней и пристально взглянул в глаза. Его молчание Майю встревожило.

– В чем дело? Стряслось чего? – спросила она.

– Все в порядке, – улыбнулся Таррин и ласково коснулся ее руки.

– Тогда посмотри на мою работу! Неужто я зря старалась?

Он рассеянно взял починенную сеть, растянул, проверяя узлы на прочность. Майя заметила, что пальцы его мелко подрагивают.

– Что с тобой? – испугалась она.

Внезапно он опутал ее неводом с головы до ног. Майя попыталась высвободиться, но Таррин, смеясь, толкнул ее на сложенные сети и придержал за плечи. Она расхохоталась – они с Таррином часто так дурачились, – а потом вдруг вскрикнула и прижала ладонь к лицу:

– Эй, ты мне чуть глаз не выхлестнул!

– Я рыбку поймал, золотую рыбку! Гляньте, какая красавица!

– Таррин, ну больно же! Посмотри, там синяк, наверное... – Майя, спутанная сетями, повернула лицо к свету.

– Ох, прости меня, рыбка Майя! Где болит? Дай поцелую! – Таррин приподнял ей голову и поцеловал покрасневшее веко. – Ну что, отпустить тебя, красавица-рыбка? Ты только попроси.

– Мне и здесь хорошо, – с притворной обидой ответила Майя. – А как надоест, я от тебя ускользну.

– Вот и славно. – Таррин улегся рядом с ней и прикрыл обоих сетями, будто пологом. – Знаешь, золотая рыбка, ты меня тоже поймала. А я тебе подарочек принес. – Он порылся в кармане и вытащил блестящий золотисто-коричневый комоч, от которого сладко пахло медом и орехами. – Вот, попробуй, тебе понравится, – предложил Таррин, с хрустом вгрызся в лакомство и начал жевать.

Майя сглотнула слюну и тоже откусила угощение. Невероятная, роскошная сладость обволокла рот. Майя закрыла глаза, отгрызла еще кусочек, прожевала и с удовольствием проглотила приторную тягучую массу, совершенно забыв о боли в глазу.

– Ах, как вкусно! Таррин, а что это?

– Трильса – орехи, жаренные в меду со сливочным маслом.

– А какие это орехи? Откуда они? У нас такие не растут... Ой, дай еще откусить!

– Орехи эти называются серрардо, их привозят в Икет чернокожие купцы откуда-то издалека, с юга. Еще хочешь?

– Да!

– Тогда бери... – Пристально глядя ей в глаза, Таррин зажал кусочек в зубах, обхватил Майины запястья и развел ей руки в стороны.

Майя сообразила, чего он от нее хочет, приподняла голову и прижалась губами к его рту. Ладони Таррина мягко легли ей на плечи, и он притянул ее к себе. Ухватив сладкую крошку, она ощутила во рту язык Таррина и вздрогнула. Дыхание ее участилось.

Таррин выпустил ее и улыбнулся:

– Ну что, понравилось?

– Не знаю...

– А если вот так? – Его рука скользнула под сарафан, ласково погладила грудь.

– Не надо! – воскликнула Майя, но сопротивляться не стала.

Таррин прижался к ней сильным, гибким телом, снова взял ее руку и потянул к себе между ног.

Майя вскрикнула от неожиданности, притронувшись к тому, чего раньше даже не представляла, и с испугом, будто новобранец, впервые идущий на врага, подумала: «Это не игра, а на самом деле... это происходит со мной». Она напряженно замерла в объятиях Таррина.

Внезапно Майя ощутила свое тело откуда-то извне – гладкая кожа, упругие формы, уверенные движения. Великолепное тело, способное без остановки переплыть озеро в лигу шириной, само знало, что делать, – если только Майя ему позволит. Она вздохнула, прижалась к Таррину и, дрожа, отдалась его ласкам.

Едва он вошел в нее, как Майя безоговорочно поняла, что именно для этого и родилась. Вся прежняя жизнь с ее детскими забавами и страхами исчезла, рассыпалась, как ореховая скорлупка, от тяжести Таррина, от его резких движений, от его прикосновений к ее телу... Казалось, вот-вот распахнутся огромные кованые ворота, за которыми скрыто удивительное сокровище, – только Майя была и воротами, и привратницей, и сокровищем одновременно. Она стонала, задыхалась и металась вместе с Таррином, будто они вдвоем ставили тяжелый парус.

– Ах, не... – пробормотала она, прижимаясь к Таррину.

Он замер и чуть отстранился:

– Что, милая?

– Не... не останавливайся! Ох, ради Крэна и Аэрты! Не останавливайся!

Он радостно рассмеялся, обнял ее покрепче и исполнил требуемое.

Наконец Майя пришла в себя. Таррин с улыбкой склонился над ней:

– Вот так рыбку я загарпунил, красавицу-рыбку! Загарпунил, да?

Она промолчала, часто дыша, как ребенок, играющий в прятки.

– Тебе хорошо, красавица Майя? – спросил Таррин.

Она кивнула. В огромных синих глазах блестели слезы.

– Хочешь еще трильсы? – Он поднес ей к губам кусочек лакомства.

Майя с наслаждением разгрызла орех.

– Нравится?

– Очень, – выдохнула она. – Мне это в новинку.

Таррин расхохотался во весь голос:

– Ты о чем это? О трильсе или...

Майя сообразила, как двусмысленно прозвучали ее слова, и тоже рассмеялась.

– Скажи, а ты с самого начала это задумал, когда велел мне сети чинить? – спросила она.

– Нет, что ты, золотая рыбка, ничего такого я не помышлял. Только мне давно этого хотелось, разве ты не знала?

– Ну, наверное, догадывалась. Теперь вот сама вижу...

– Ха! Конечно видишь – вот, погляди!

Майя закусил губу и отвела глаза.

– Что, красавица, не видала прежде зарда? Смотри хорошенько, теперь ты – женщина, тебе можно.

– Ой, а он теперь мягче... и меньше. Я тут подумала... – Майе не приходило в голову, что слова песни существуют отдельно от мелодии, поэтому она тихонько пропела: – «Я дам тебе мужа с чудесным жезлом»... Так вот это о чем!

– Верно, об этом и есть. А откуда ты эту песню знаешь?

– Мы с матушкой в Мирзат на рынок ходили по жару. У меня голова разболелась, вот я и осталась на постоялом дворе, в «Тихой гавани», там хозяйка такая косоглазая толстуха, Франли ее зовут.

– Да, я знаю.

– Франли меня у себя в спальне уложила, а в таверне народ собрался, пили и песни распевали, а я все слышала. Мне песня понравилась, я мелодию запомнила и слова тоже, только не все. Что не запомнила, потом придумала. Я же не знала, о чем она. Матушка однажды услышала, осерчала и строго-настрого запретила ее петь.

Таррин понимающе усмехнулся.

– Вот я и пела ее одна, у водопада. Ой, Таррин, а почему у меня кровь?

– Из терти? А, ничего страшного, в первый раз всегда так бывает. В озере искупаешься.

– Из... терти? – переспросила Майя.

Он нежно коснулся ей между ног.

– Вот твоя терть, – объяснил он. – А мы с тобой бастаньем занимались. Такое слово знаешь?

– Да, слышала, как гуртовщики меж собой переговариваются: мол, загоняй клятую корову в бастаные ворота.

– А мне вот не по нраву, когда ласковые слова в ругательства превращают. Не дело это, рыбка моя.

– Если я – рыбка, то какая?

– Карпик, – поразмыслив, ответил Таррин. – Хорошенький такой, золотистый. Знаешь, Майя, ты настоящая красавица. Все так скажут – и в Икете, и в Теттите, и даже в Бекле, хотя я там никогда не был. Вот честно, красивее девушки я не встречал. Ты с самой Леспой красотой сравнишься.

Майя не ответила, нежась в ласковых солнечных лучах. В спину ей давили узлы и веревки, но это нисколько не мешало наслаждаться теплом и покоем.

– Что ж, пора лодку выводить, – вздохнул Таррин чуть погодя. – Морка скоро вернется, я улов ей обещал. – Он встал, протянул Майе руку и помог подняться. – Кстати, ты...

– Что? – лениво спросила она.

– Ты смотри наш секрет никому не выдавай. А то слышал я, как ты во сне бормочешь.

«Вот опять он ерунду говорит, – подумала Майя. – Если я сплю, как узнать, молчу я или нет?»

Таррин, как большинство гуляк, был отзывчив (если это не доставляло ему особых хлопот) и приятен в общении. Волоките и распутнику, так же как воину, поэту или скалолазу, необходимы определенные черты характера. Таррин умело соблазнил Майю – не напугал ее, не обидел, не насильничал, не разочаровал, а доставил ей удовольствие и внушил глубокое убеждение, что произошло восхитительное событие: она преодолела очень важный рубеж в своей жизни. Впрочем, так оно и было. Беда заключалась не в том, что, собственно, сделал Таррин, а в том, в каком положении, по его вине, оказались они с Майей. Он мог бы сбежать с ней, а потом бросил бы на произвол судьбы. Он мог бы объяснить ей необходимость держать их связь в тайне, после чего их встречи продолжались бы украдкой. А мог бы и твердо заявить, что подобного больше никогда не повторится, – и слово свое сдержать.

Ничего этого Таррин не сделал. В его возрасте возможность наслаждаться неискушенной юной красавицей кружила голову не хуже йельдашейского вина. Он начал ухаживать за Майей, называть ее ласковыми именами и даже купил ей стеклянные бусы у бродячего торговца, хотя Морке давно уже подарков не делал. Потом заявил, что ему необходима помощь в выборе новой рыбацкой лодки (даром что в доме не было денег даже на пару весел), и пошел с Майей в Мирзат, где накормил сытным ужином в «Тихой гавани», – не только затем, чтобы ей угодить, а ради того, чтобы похвастать своей победой, впрочем сам он об этом не задумывался. Хозяйка таверны Франли хорошо знала Таррина, и его поведение вызвало неизбежные пересуды. Безрассудство и опрометчивость – два плода на одном стебельке, а потому неудивительно, что Таррин, однажды совершив безрассудный поступок, перешел к поступкам опрометчивым.

Дети быстро замечают любые перемены в семейных отношениях, и вскоре девятилетняя Нала начала расспрашивать Майю, чем та заслужила явное предпочтение Таррина. Сперва Майя пригрозила сестре, потом стала ее всячески ублажать, и сообразительная девочка не преминула обратить это в выгоду для себя.

Да и сама Майя вела себя так, что окружающие сразу же обо всем догадались. Если девушка отдается мужчине добровольно, не под угрозой насилия или по принуждению, то, как правило, влюбляется в своего соблазнителя. Для мужчины физическая близость – развлечение, а для женщины – основа дальнейших отношений. Майя окружила Таррина заботой и лаской: стряпала ему ужин, стирала одежду, чинила снасть и инструменты. Когда Таррин был дома, она расцветала, как актиния под водой раскрывает свои нежные яркие щупальца-лепестки; когда его не было, она замыкалась в себе, словно хрупкий первоцвет под дождем. К матери она стала относиться добрее, с невольным снисхождением. Разумеется, это не ускользнуло от внимания Морки.

Майя со щенячьим восторгом предавалась любовным играм, черпая в них наслаждение и уверенность в своих силах, – Таррин был учителем опытным, но нетребовательным. Воодушевления у нее было хоть отбавляй, и пусть представление о близости складывалось несколько однобокое (как о действиях, требующих выносливости и ловкости, а не чувств и душевного тепла), винить Майю за это не приходилось – Таррин на глубокие чувства был не способен, однако во всем остальном действовал с привычной сноровкой, обращаясь с

девушкой, будто трактирщик с бочкой браги.

Не важно, каким образом окружающие догадываются о тайной связи – так или этак, тайное всегда становится явным, если не сегодня, то завтра или послезавтра. Любовники воображают, что все им потворствуют, зла никто не желает, а сами они умело скрывают свои чувства и ничем себя не выдают – ни жестами, ни взглядами, ни обращением. На самом деле любовники очень неосторожны. Может быть, Морка подстроила им ловушку – сказала, что идет к старой Дригге за клубком ниток, а сама подсмотрела в щелку ставня, как Таррин ласкает Майю? А может, Франли намекнула Морке на происходящее? Или Майя во сне проболталась? Или Морка заметила на плече дочери следы зубов или еще какую знакомую любовную отметину? Все это не важно. Хуже всего было то, что Морка затаила горькую, мстительную злобу. Вслух выражать свои чувства она привычки не имела, носила обиды в себе, пока они не выплескивались наружу гниlostной, черной, беспощадной яростью. Там, где другая удовлетворилась бы громкой ссорой, разгневанная Морка не ведала меры.

Однажды утром, спустя несколько недель после починки сетей, Таррин взвалил на плечо котомку, заботливо собранную Майей, и на несколько дней отправился за десять лиг в Теттит-Тонильду, под надуманным предлогом покупки рыболовной снасти, – на ярмарку в Теттит каждое лето привозили веревки и канаты с Ортельги. На этом далеком острове, скрываясь от гнева Плорона, Таррин обзавелся приятелем по имени Вессек, который теперь ежегодно уступал старому знакомцу крупную партию товара по сходной цене, а тот выгодно сбывал веревки в окрестных деревнях. Поэтому раз в год Таррин просил кого-нибудь в Мирзате перевезти его через озеро, а затем присоединился к одному из торговых караванов, идущих в Теттит. Возвращаться домой с грузом было нелегко, но Таррина это не пугало.

Майя пошла проводить его до Мирзата. Чуть погода они переглянулись, Таррин взял ее за руку, помог перебраться через канаву и повел в рощицу, где на поляне тихонько журчал ручеек. В илистом пересохшем русле воды почти не было, но Майя, которую всегда тянуло к воде, нашла подходящую лужицу, быстро разделась догола и начала плескаться. Таррин полюбовался очаровательным зрелищем, потом взял Майю на руки, вынес на берег и уложил на зеленой лужайке.

Через полчаса Майя сонно шевельнулась и ласково погладила ему бок:

– Ох, Таррин, что же я без тебя буду делать?

– Я скоро вернусь.

– Когда?

– Дней через шесть, а может, через семь, как получится.

– Что получится?

– Рыбка моя золотая, не задавай лишних вопросов. У меня много тайных дел. – Он искоса поглядел на нее и довольно улыбнулся.

Майя помолчала.

– Глянь-ка сюда! – воскликнул Таррин.

Она удивленно уставилась на блестящую монету, зажатую в его пальцах:

– Ой, что это? Сто мельдов? Откуда?

– Видала? – ухмыльнулся он.

– Нет.

– Ну так посмотри! – сказал он, бросая ей монетку.

Майя поймала ее на лету, повертела в руках, рассматривая выбитые с обеих сторон изображения леопардов и загадочный образ неисповедимой Фрелла-Тильзе, указывающей на

росток тамаррика. Майя собралась было вернуть монетку Таррину, но он помотал головой:

– Это тебе, рыбка моя.

– Да что ты, Таррин, такие деньжищи! Вдруг подумают, что я украла?

– Или заработала, – с усмешкой поправил он. – Ты же у нас красавица. И впрямь заработала.

Майя покраснела:

– Не говори так, даже в шутку не говори! Стыдоба-то какая! Позорище! Я за деньги ни за что не...

Он понял, что она вот-вот рассердится, и поспешно перевел разговор на другое:

– Хочешь, я тебе пять двадцатимельдовых монеток дам? Вот, бери.

– Таррин, откуда такое богатство?

Он подбросил монетки в горсти:

– Да уж нажил!

– Признавайся, где взял? Украл, да? Ох, Таррин...

Он ласково коснулся ее руки:

– Успокойся, золотая рыбка, я их честно заработал.

Майя помолчала, нежась в лучах солнца, будто прелестная яркая бабочка.

– Как заработал? – наконец спросила она.

– Я патриот.

– Это что такое?

– Понимаешь, я человек рисковый, а за смелость хорошо платят. Мало кто берется за опасные дела, вот что я тебе скажу.

Таррин говорил серьезно, но Майя тревоги не испытывала, по-детски не задумываясь об опасности.

– Опасные дела? Для кого? А матушка знает?

– Для кого – секрет. Кстати, Морке об этом неизвестно, я только тебе рассказал. Так что смотри не разболтай.

– Я никому не скажу, честное слово! А что за дела?

– Секретные. Я – тайный гонец, за это мне и платят.

– Но тебе же самому в дороге деньги пригодятся.

– Подумаешь, сотня мельдов! Ты монетки-то припрячь, а то потеряешь еще.

Майя, послушно спрятав деньги, бросилась убаживать Таррина.

Расстались они в Мирзате у парома. Таррин встретил знакомого, договорился о переправе через озеро, а Майя неторопливо пошла домой, срывая цветы и гоняясь за бабочками, – она привыкла удовлетворять сиюминутные прихоти и жить в свое удовольствие.

К хижине она вернулась только после полудня. Санчель уже отцветала; ярко-оранжевые соцветия превратились в длинные пушистые сережки, и осенний ветерок разносил пух по округе. На конце длинной ветви покачивались три последних цветка. Майя вскарабкалась на пригорок, потянулась к ним, но внезапно выпустила ветку из рук и недоуменно уставилась во двор, туда, где у курятника стоял чурбан для рубки дров.

За раскидистыми платанами виднелся возок, запряженный двумя волами, которые с недовольным ревом мотали головами, отгоняя тучи мух. Сама возок был очень странным – Майя такого никогда прежде не видела: прочное прямоугольное сооружение из толстых, грубо обтесанных досок, с тяжелой, плотно пригнанной крышей, обитое четырьмя

железными полосами. Окно Майя не заметила – может, одно впереди, но ей не было видно, – только узкую прорезь на боковой стенке, под самой крышей. Сзади располагалась дверца с засовом, запертая на громадный висячий замок.

Майю распирало любопытство. Она не могла сообразить ни для чего этот возок – было же у него какое-то предназначение? – ни почему он стоит у хижины. И где его хозяин? Зачем он приехал? Майя решила, что это какой-то знакомец Морки и теперь они сидят в хижине или пошли стадо смотреть. В захолустье любые неожиданные гости – событие незаурядное. Майя возбужденно спрыгнула с пригорка и бросилась по тропинке к дому.

Мать сидела у очага и ощипывала куриную тушку. У ног Морки высилась кучка белых и бурых перьев. Едко пахло паленым, – похоже, пух залетал в огонь.

Морка неловко поднялась, отряхнула передник на выпирающем животе, опустила тушку на скамью и улыбнулась дочери.

– Уже вернулась? Так быстро? Ты не устала? Таррин о переправе договорился? – зачастила она.

Майя замаялась и удивленно посмотрела на мать. Морку почти никогда не волновало самочувствие дочери, а потому Майя не знала, что ответить.

– Устала? – помедлив, переспросила она. – Нет, что ты. Мам, а что там за возок такой...

– Значит, Таррин из Мирзата уплыл? – продолжала Морка, словно не слыша.

– Уплыл-уплыл, – нетерпеливо закивала Майя и дерзко добавила: – Если б не уплыл, я б еще не вернулась. Мам, так что за возок? Это кто приехал?

– Тебе что, солнце глаза застит? Или голову напекло? – с улыбкой спросила Морка. – Не видишь, что ли...

– А почему занавеска задернута? – удивилась Майя, глядя на спальный угол, отгороженный ветхим пологом. – Чтоб куры не забрались?

– Там кот все утро спит, – поспешно объяснила Морка. – Оставь его в покое. Лучше на стол погляди, а то так ничего и не заметишь, торопыга.

– На стол? – Майя обернулась и застыла, прижав ладони к щекам. Губы ее изумленно приоткрылись.

На чисто вымытом столе лежало бледно-желтое платье, расшитое синими и голубыми цветами и зелеными листьями. Гладкая мягкая ткань сияла и переливалась в дымном полумраке хижины. Майя, утратив дар речи от восхищения, решила, что ей привиделся этот роскошный наряд неописуемой красоты, а потом встревожилась: чудеса просто так не происходят.

Она медленно подошла к столу и завороченно взгляделась в сказочное одеяние, ощущая себя невежественной замарашкой и с досадой сознавая, что не в состоянии оценить всю его прелесть.

– Ну что, нравится? – спросила мать.

– Нравится... – рассеянно повторила Майя и неуверенно потянулась к шелковистой ткани. Смысл вопроса от нее ускользнул – с тем же успехом Морка могла спросить, нравятся ли дочери звезды или озеро.

– Ты пока его не трогай, – вздохнула Морка. – Прежде грязь с себя смой. Я тебе воды согрела.

Необычно ласковая и предупредительная забота матери вкупе с появлением странной повозки и чудесного платья потрясли Майю до глубины души, и она обессиленно опустила на скамью у стола:

– Мам, что случилось? Чей это возок? Кто в нем приехал? И куда они подевались? Это они платье привезли?

Морка, тяжело переваливаясь, подошла к очагу, взяла кружку и стала наливать горячую воду в лохань.

– Считай, повезло тебе, доченька. Купцы приехали, двое их. Наряды богачам продают.

– Наряды богачам!.. – воскликнула Майя, на миг забыв о платье, и недоуменно наморщила лоб. – А к нам зачем приехали? Мы-то у них ничего не купим. И где они, купцы эти?

– На озеро ушли, наверное. Жарко им стало. Ничего, скоро вернутся, так что ты поспедай.

– Мне спешить некуда, – возразила Майя и обиженно протянула: – Да объясни мне, что происходит, мам, а то я ничего понять не могу.

– Ну что тебе еще объяснить? – спросила Морка. – Говорю ж, повезло тебе. Но тут ты сама решай. Купцы эти из самого Теттита приехали, продают наряды знатым господам, тем, кто побогаче, – баронам и их приспешникам, супружницам ихним. Они вчера в «Тихой гавани» остановились, так Франли им и сказала, что ты – первая красавица на всю округу. Вот они сегодня с утра и заявили на тебя посмотреть.

– Утром из Мирзата приехали? Как это я их не встретила!

– Наверное, вы разминулись. Ты ж не все время по тракту шла, – заметила Морка, пристально глядя на дочь.

Майя закусил губу и промолчала.

– Знаешь, как дорогие наряды продают? – спросила Морка. – Такие вот, штучной работы, не из тех, которыми на рынке или в лавках торгуют. Купцы эти в особых повозках разъезжают и наряды тоже на особый манер показывают.

– И что с того? – буркнула Майя, недовольная тем, что сама до этого не додумалась.

– Так вот, они к богатым домой приезжают и хорошенькую девицу с собой приводят, чтобы ее в платья наряжать и знатым господам показывать. И супружницам ихним или там шернам. А те полюбуются, глядишь, и купят что. – Морка со значением посмотрела на Майю. – Как тебе такая работа? По-моему, лучше не придумашь. Они тебя уж давненько ждут.

– Погоди, они хотят, чтобы я... чтобы я в платья наряжалась?

– А я тебе о чем толкую? – воскликнула Морка. – Ну, если ты им глянешься, конечно. А деньги хорошие сулят, нам с твоим отчимом в жизнь столько не заработать. Так что давай раздевайся, вымойся дочиста, а после наряд примеришь. К нему еще сорочка шелковая прилагается, вон, на кровати лежит. А как оденешься, позову купцов. Они на тебя полюбуются и на все твои вопросы ответят.

– Ой, а жить я где буду? Дома? А Таррину про это известно? Нет, наверное, иначе бы он мне сказал...

– Ох, да не трещи ты без толку... Я знаю только, что они с Франли поговорили и сразу к нам приехали. Коли тебе дело не по нраву, так и скажи. В округе девчонок много, уж они-то такого легкого заработка не упустят. – Морка равнодушно пожала плечами, тяжело уселась на скамью и продолжила ощипывать курицу.

Майя, дрожа от восторга и изумления, разглядывала вышитые на платье цветы, похожие на широко раскрытые глаза, и представляла, что вот так и будут смотреть на нее знатные господа, когда она, в чудесном наряде, станет чинно расхаживать по богато убранному залу

великолепного каменного особняка, – о домах богачей она знала из рассказов про Теттит и Икет-Йельдашей. Наверняка там будут вкусные яства и сладкое питье; все начнут Майей восхищаться, она денег заработает... А как же Таррин? Нет, без него она никуда... Голова шла кругом от бесчисленных вопросов, ответа на которые Майя не знала, но точно понимала одно: счастливый случай упускать нельзя. Если она сейчас откажется, то всю жизнь так и будет воду с озера таскать. Случай случаем, но неизвестность тревожила и пугала. Майя решила дождаться загадочных купцов и все у них разузнать – уж они-то объяснят получше Морки.

Внезапно ее осенило: сейчас ни на что соглашаться не стоит. Сначала надо все выпытать, попросить пару дней на раздумья, дождаться Таррина и с ним посоветоваться.

Майя встала в лохань у очага, стянула через голову сарафан и сорочку, отбросила одежду на скамью и осталась нагишом.

– Дай-ка я тебе помогу, – предложила Морка. – Я тут сала натопила, сейчас золы добавлю, отмоем тебя до блеска.

Майя нагнулась, зачерпнула кружкой теплую воду и полила себе на плечи.

– А где Келси с Налой? – спросила она. – Обедать пора.

– Скоро прибегут, – невозмутимо ответила Морка. – Повернись, голубушка, я тебе спину потру. Ишь ты какая стала, фигуристая! Будешь господам головы кружить, помяни мои слова.

Мать суетливо добавляла в лохань горячей воды из котла, намыливала дочери ноги топленным салом, смешанным с золой, и беспрестанно заставляла поворачиваться и так и этак. Наконец Майя вылезла из лохани и, стоя посреди хижины, освещенная яркими лучами полуденного солнца, насухо обтерла себя полотенцем. Морка, тщательно вымыв руки, помогла дочери надеть шелковую сорочку и чудесное платье.

Тяжелая ткань мягко давила на плечи, обволакивала и укутывала с головы до самых пят. Майя решила пройтись по хижине, сделала неуверенный шаг и чуть не упала – складки широкой юбки, колыхнувшись, ударили под колени. Майя опустила глаза: синие и голубые вышитые цветы рассыпались по лифу на груди, а зеленые стебли собирались в букет под шнуровкой корсажа. «Надо же, как затейливо придумано!» – восхитилась она про себя, начиная понимать, что показ нарядов – дело не простое.

– Мам, оно тяжелое, – пожаловалась она. – Не знаю даже, как в нем ходить. Может, они мне покажут?

– Покажут, не сомневайся, – ответила Морка. – Ох, я и забыла совсем, у меня соль намокла. Сбегай к старой Дригге, доченька, попроси щепотку взаймы. Только прежде платье сними.

– Соль намокла? В жару?

– Видно, вода затекла или паром размочило, – вздохнула Морка. – Сбегай к Дригге, чего тебе стоит?

– Лучше Налу пошли, – заявила Майя. – Не мое дело – за солью бегать.

– И где та Нала? – возразила мать. – Ты ж быстрее обернешься. Ну давай, а я тебе переодеться помогу.

Спустя четверть часа Майя, возвращаясь от Дригги с плоской соли, еще со двора услышала голоса гостей, но, как только вошла в хижину, все умолкли.

Выглядели купцы странно. Майя представляла себе высоких почтенных мужчин в богатой одежде или совсем уж сказочных персонажей – смуглых, с острой бородкой и золотыми кольцами в ушах и на пальцах. Увы, гости больше походили на неотесанных

гуртовщиков с мирзатского рынка. Высоким был только один – мускулистый громала с длинными сальными черными волосами, переломанным носом, шрамом на щеке и грубыми, мозолистыми руками. Его светловолосый косоглазый спутник, ростом чуть повыше Майи, стоял спиной к очагу, ковыряя в гнилых зубах щепкой. Он окинул девушку похотливым взглядом, выплюнул щепку и отвел глаза. Вместо пояса его рубаха была обвязана веревкой, на которой болтался острый железный костыль. Деревянные башмаки с железными носами дробно постукивали по земляному полу.

Морка по-прежнему сидела у очага, потрошила уже ощипанную курицу и швыряла внутренности в огонь. Майя оглядела хижину: платье исчезло.

– А вот и наша красавица явилась! – Морка встала и вытерла руки о передник. – Ну как, сгодится она вам?

– Мам, я соль принесла, – смущенно сказала Майя.

– Соль? Ах, соль! – встрепелась Морка. – Поставь в кладовую. Спасибо, доченька. Вот, господа к тебе пришли с предложением.

– Совершенно верно, с предложением мы пришли, – забормотал светловолосый.

Майя молчала, ожидая, что ей скажут дальше. Высокий здоровяк мрачно уставился на нее. Косоглазый переминался с ноги на ногу и наконец произнес:

– А не выпить ли нам по стаканчику? – И, обращаясь к Морке, осведомился: – Или нам с вами, хозяйюшка, лучше перемолвиться наедине? В общем, как вас устроит.

Тут Майя окончательно поняла, что без совета Таррина ей не обойтись. Ясно было, что гости – никакие не купцы, а их слуги, которые задурили Морке голову. Майя решила узнать, у кого они работают, а потом дожидаться Таррина и вместе с ним пойти к настоящему хозяину.

«Хорошо, что я сообразительная уродилась, – подумала она. – На матушку надежды нет, придется самой во всем разобраться, показать им, что не все здесь недоумки».

– Мне платье надеть? – спросила она у высокого мужчины.

– Платье? Нет, не сейчас, – отрывисто буркнул он и умолк.

– Ага, платья потом будут, – пообещал косоглазый, торопливо вытаскивая руку из кармана штанов. – А ты девушка ладная, складная, нам вполне подходишь.

– Надеюсь, вы понимаете, – решительно начала Майя, припоминая, как вел себя знакомец Таррина, барышник, – что незамедлительно заключать сделку мне сейчас не с руки. Я должна переговорить со своим... с отчимом, а потом мы вас известим. Позвольте узнать, как с вами связаться? – осведомилась она, весьма довольная своим красноречием.

Косоглазый визгливо хихикнул и ничего не ответил.

– Ничего страшного, доченька, – успокоила ее Морка. – Господам все понятно. Они сейчас выпьют с нами на дорожку и уедут себе в Мирзат. Ты садись за стол, не стесняйся.

Майя только сейчас заметила, что на столе стоят четыре покорябанных оловянных кубка – в доме таких не водилось, – уже наполненные до краев. Внезапно ей пришло в голову, что, наверное, это такой обычай – как плевков на ладонь или символический мельд в счет оплаты, – и, пригубив вино с купцами, она невольно согласится на их условия. «Нет уж, меня не проведете, – подумала она. – Матушка только о деньгах печется, но я торопиться не стану. Тут хорошенько поразмыслить надо».

– С превеликим удовольствием, – чинно ответила Майя. – Только без обещаний. Выпить – выпью, но сделку заключать пока не стану. – Она мило улыбнулась косоглазому, решив, что высокий здоровяк внимания не заслуживает, и опустила на скамью.

– Да-да, разумеется, – забормотал косоглазый, усаживаясь рядом с Майей.

Громила остался стоять. Морка села напротив, взяла сразу два кубка. Почему-то руки ее дрожали, а на лбу выступила испарина. Майя решила, что это из-за зноя и духоты: тяжело летом ребенка вынашивать.

– Мам, тебе нездоровится? – обеспокоенно спросила она.

– Благо есть чем здоровье поправить, – рассмеялась Морка. – Не волнуйся, скоро пройдет. Вот, возьмите, господин хороший, а это Майе...

Здоровяк молча перегнулся через стол и взял у Морки кубок, который она протягивала дочери. Морка закусил губу. «Это она от досады, – подумала Майя. – Может, мы и бедные, но по чести вести себя умеем». Косоглазый передвинул еще один кубок по столешнице, и мать вручила вино Майе.

– Ну, ваше здоровье! – визгливо произнесла Морка.

Майя пригубила теплого желтого вина – странный, приторный вкус напоминал лакричный леденец, который она однажды попробовала на рынке в Мирзате. Вино ударило в голову, но Майя крепилась и не подавала виду, не желая выказывать перед гостями детскую наивность (Таррин как-то объяснял, что юные девушки в винах не разбираются, потому что им опыта не хватает).

– Очень вкусно, – промолвила она и сделала глоток побольше. – Йельдашейское?

– Эге, да ты у нас и красавица, и умница! Отлично! – воскликнул косоглазый, потянулся к Майе, развязно потрепал ее по плечу, рассмеялся и отвел взгляд.

Майя смущенно отхлебнула еще вина, стараясь перебить сладостью зловонное дыхание косоглазого. «Зубы насквозь сгнили, – определила она. – Ничего, при случае я его хозяину нажалуюсь. Ишь выдумал руки распускать! Вот только ссориться с ним пока не стоит, а то гадостей про меня наговорит». Она отодвинулась чуть дальше по скамье и вежливо заметила, чтобы поддержать разговор:

– Платье очень красивое и вышивка изумительная – цветы как живые. Вам возок для нарядов нужен, чтоб не мялись? И чтобы пылью их не запачкало?

– Да, именно для этого, – ответил косоглазый. – Там, в возке, еще роскошнее платья есть.

– Правда? – поразилась Майя.

– А как же! – воскликнул он и одним глотком осушил кубок. – Хочешь посмотреть? Допивай вино, и пойдём, я тебе все покажу.

– Потом допью, – нетерпеливо отмахнулась Майя. – Я наряды хочу поглядеть.

– Допей, там всего глоточек остался, – вмешалась Морка.

– Что, слишком крепкое? – рассмеялся косоглазый. – С непривычки в голову ударяет, это верно. Ничего, подрастешь – полюбишь.

– Мне и сейчас нравится! – дерзко заявила Майя, залпом допила вино и направилась к выходу.

Громила последовал за ней, пригнувшись в дверях, чтобы не задеть притолоку. От полдневного зноя все оцепенело: не шелестела листва на деревьях, высокое небо отражалось в глади озера, птичий щебет умолк, даже вола у платанов перестали топтаться и мотать головами, отгоняя мух. Жаркое безмолвие нарушал только еле слышный рокот водопадов. «Вот уедут торговцы, пойду искупаюсь, – подумала Майя. – Куда это Нала с Келси подевались, им обедать давно пора. Ох, скорее бы на наряды взглянуть!»

Пересекая заросший сорняками двор, Майя запуталась в побегах вьюнка, споткнулась и едва не упала. Голова кружилась. «Это от вина, – решила Майя. – Эх, не вовремя Таррин в

Теттит уехал! При нем косоглазый не стал бы руки распускать. Ничего, я с ним сама разберусь, не маленькая, пора бы и научиться наглецов отшивать».

Она подошла к возку, покачнулась, закрыла глаза и прикусила палец, чтобы развеять туман в голове. Громила молча приподнял ее и усадил на железный приступок у дверцы возка.

Кроны платанов зелеными пятнами расплывались перед глазами. Майю замутило. Она зажмурилась, помотала головой – не помогло. Все вокруг плыло и дрожало.

– Сейчас я... – хмуро обратилась она к громиле, но тот деловито разомкнул дужку замка, отодвинул засов и распахнул дверцу.

Майя ткнулась головой в колени; краешек дверцы задел левое плечо.

– Как там дела, Парден? – спросил косоглазый.

Громила кивнул и поставил Майю на ноги.

– Ну что, красавица, заходи, взгляни на наряды, скажи, хороши или нет, – велел косоглазый. – Только погромче, чтобы всем слышно было.

Майя взглядела в неверную мглу возка: пусто, никаких платьев не видеть.

– Я... мне... – начала она медленно, заплетающимся языком. – Матушке... надо...

Туманная дымка затянула все вокруг, в глазах потемнело. Майю взяли на руки и уложили в возок. Дверь захлопнулась. Майя без чувств растянулась на полу.

Сознание возвращалось медленно, будто где-то далеко-далеко занималась заря, а тьма постепенно отступала. Пол размеренно, беспрерывно покачивался, лежать было неудобно. Майя дремотно заворочалась, приходя в себя. Все тело трясло – не сильно, но без остановки. Дышалось с трудом, ноздри щекотала затхлая склизкая пыль. Внезапно нахлынули воспоминания о купцах, возке и обмороке – так яркое солнце встает над горами, разгоняя утренний сумрак. Майя раскрыла глаза, села и огляделась, пытаюсь сообразить, где находится.

Она сидела на мягкой подстилке – мягче, чем кровать в хижине, – в небольшом коробе, шагов семь в длину и два-три шага в ширину. Тусклый свет проникал в узкие боковые отверстия под самой крышей. Все поверхности – стены, пол и потолок – покрывала толстая стеганая ткань, кое-где разодранная. Из прорех торчали клочья жесткой волосяной набивки.

Короб постоянно раскачивался и подпрыгивал, что-то мерно поскрипывало. Майя поняла, что ее куда-то везут.

Голова болела, в горле пересохло, было душно и жарко. Что произошло? С чего бы ей в обморок падать? Почему она не дома? И тут ее осенило: наверняка матушка, не желая упускать счастливый случай, вздумала немедленно отдать дочь в услужение к торговцам. Майя, разозленная такой наглостью, решила разобраться с Моркой, как только вернется домой. Подумать только, отправить дочь, не спросив ее согласия, без пожитков – пусть и нехитрых, но уж какие есть, – неизвестно к кому, куда и на какой срок! А на каких условиях? Надо же, как мать торопилась горсть мельдов урвать! От досады Майя скрипнула зубами. Ничего, она Таррину все расскажет. Теперь главное – домой побыстрее вернуться, пусть даже пешком придется идти. Куда это ее везут? Наверное, в Мирзат. Ну, к ночи она оттуда домой доберется.

Она перевернулась на живот и заколотила кулаками по обшивке возка:
– Остановитесь!

Возок продолжал катить по дороге. Майя кувыркнулась к дверце, толкнула ее изо всех сил – заперто, засов тяжелый, замок надежный. Сообразив, что ее не выпускают, Майя истошно завопила и замолотила по стенкам. Наконец возок остановился; скрипнул засов, щелкнул замок, дверца распахнулась, и громила заглянул внутрь.

Встрепанная и разгоряченная, Майя метнулась к двери, скользнула через порог и встала рядом с возком.

Сгушались сумерки, веяло прохладой. Солнце клонилось к закату. Возок стоял на обочине проселочной дороги. Волы лениво щипали жухлую траву и увядшие цветы. Слева виднелся лес, справа – поля и пустошь до самого озера. Место было незнакомое. Дорога убегала на юг, но Майя здесь прежде не бывала. Наверное, Мирзат уже проехали и направились дальше, вдоль берега озера.

Майя повернулась к громиле, который держал в руках кожаный поводок и, будто громадный злющий пес, молча глядел на нее. Майя испугалась, но решила виду не показывать.

– Не знаю, что там вам моя матушка наговорила, – начала она, – только я с вами не поеду. Согласия я не давала, сделку мы так и не заключили. Так что везите меня домой.

Он щелкнул пальцами и жестом велел Майе забраться в возок.

– Что ж, ежели вы так, то я пешком вернусь, – заявила она и шагнула в сторону.

Громила схватил ее за руку, оскалился и швырнул в повозку с такой силой, что Майя вскрикнула от боли.

– Эй, Парден, осторожнее, – воскликнул косоглазый, выходя из-за возка. – Товар не повреди, а то денег не заплатят. – Он обернулся к Майе. – А ты, красавица, не корячься. Сделанного не воротишь. Тебе чего надобно – посрать или поссать?

Майя, сглотнув ком в горле, сообразила, что ей представился случай обхитрить обидчиков: она отойдет в сторонку и сбежит. С громилой ей не сладить, но бегают она быстро, не догонят.

– Мне... первое, – ответила она, смущенная грубым словом.

Косоглазый взял у громилы поводок, повязал его Майе на шею и чуть дернул.

– Вперед, красотка! Только не вздумай ошейник снимать, а то не поздоровится, – предупредил он, потрепав ее по щеке.

– Да как ты смеешь! – вскинулась Майя. – Вот я отчиму расскажу! Не собираюсь я к вам на службу наниматься – ни к тебе, ни к хозяину твоему. Ни за какие деньги!

Громила раскрыл было рот, но косоглазый его остановил:

– Парден, молчи пока, не расстраивай девушку почему зря. Ну же, красотка, ты срать собираешься или как?

Он повел ее вдоль дороги, сжимая поводок, и остановился на опушке леса, у самых деревьев.

– И что, так и будешь меня разглядывать? – спросила Майя. – Вон туда отойди, подальше.

– Ты себе главное уясни, красавица, – сказал косоглазый. – Кандалов у меня с собой нет, оставить я тебя не могу. До Пуры еще часа два добираться, так что справляй нужду, да поскорее, а то весь возок мне провоняешь.

– Ты меня насильно в Пуру везти собрался? А хозяин твой об этом знает? Все равно я к нему в услужение не пойду!

Косоглазый отвернулся, не выпуская поводка из рук:

– Давай не задерживайся!

Майя, рыдая от стыда и унижения, присела на корточки и помочилась. Косоглазый отвел ее к возку, втолкнул внутрь и запер дверцу.

Снова закрипели колеса, короб трясся и подпрыгивал на колдобинах. Впрочем, вскоре повозка остановилась, зазвучали голоса, заревели волю. Майя поняла, что упряжку меняют – похоже, не в первый раз. Видимо, похитители часто ездят этой дорогой.

Она решила позвать на помощь, но вовремя сообразила, что это бесполезно. Вдобавок ее страшил громила со сломанным носом. Майя, хотя и росла в бедности, с грубой силой прежде не сталкивалась, если не считать материнского гнева. Бесстрастная жестокость громилы ошеломляла – видно было, что ему привычно насилие.

И все же ее не оставляла надежда вернуться в родной дом, пусть и из неведомой Пуры – рыбацкого городка на южной оконечности озера Серрелинда, где Майя никогда прежде не была. От Мирзата селение отличалось лишь своим положением на тракте между Теттитом и Беклой. Наверняка его жители – честные и добрые люди – помогут освободиться от гнусных мерзавцев.

Время тянулось медленно. Майя неподвижно лежала в душном коробе; ее лихорадило,

голова раскалывалась от жары и духоты, мысли путались. Утомленная, она задремала и проснулась, когда колеса возка загромыхали по булыжной мостовой.

Вскоре повозка остановилась. Майя стала ждать, когда откроют дверцу короба, однако похитители, громко переговариваясь, куда-то ушли. За стенками возка гремели горшки, хлопнула дверь, по мостовой проволокли что-то мягкое и тяжелое. Пахло дымом очага и каким-то варевом, но ни голосов, ни другого шума слышно не было. Похоже, Майю привезли не в таверну и не в богатый особняк.

Через некоторое время послышались шаги, щелкнул замок, дверца распахнулась. Косоглазый посветил в короб фонарем и ухмыльнулся; по лицу пробежали дрожащие тени. Майя хотела вылезти из возка, но косоглазый опустил фонарь, ухватил ее за щиколотки и грубо погладил бедра.

Майя пнула его в живот. Косоглазый грязно выругался и отшатнулся. Она с ужасом сообразила, что сбежать не сможет, и в страхе свернулась клубочком на полу, дрожа, как испуганный заяц.

Косоглазый перевел дух и обеими руками уперся в порожек возка. Похоже, Майин поступок не напугал и не рассердил, а почему-то обрадовал негодяя. Он молча посмотрел на нее и коснулся щеки грязными пальцами.

– Вставай, я тебя отведу куда следует, – заявил он, взял Майю за руку и повел по булыжникам двора, светя под ноги фонарем.

Она лихорадочно огляделась: длинный и узкий дворик, у высоких каменных стен – густые заросли крапивы и щавеля, под ногами – выщербленная брусчатка, поросшая сорной травой, в углу – груда тряпья, костей, очисток, какие-то обломки и прочий мусор. По двору к помойке прошмыгнула крыса. Волон, не распрягая, приторочили к столбику у высоких ворот, запертых на тяжелый засов и цепь на замке. У одной стены – воловьей стойла, а в торце – каменный дом, старый, добротный, но запущенный: черепица на крыше растрескалась, кладка обвалилась. Однако тяжелая деревянная дверь была новой и прочной, а на тускло светящихся окнах красовались железные решетки. Похоже, дом знавал лучшие времена, но теперь его использовали не по назначению.

Майя решила, что здесь когда-то жила прислуга, хотя сгустившиеся сумерки не позволяли разглядеть господский особняк. Тишину нарушал только глухой зловещий крик птицы-звонаря. Похоже, отсюда не выбраться даже среди ночи.

В ночном небе одна за другой вспыхивали звезды. «Милая Леспа! – взмолилась про себя Майя. – Помоги мне, о богиня, вызволи из беды! Мне так страшно и одиноко!»

Как ни странно, мольба ее не осталась без ответа, пусть и неожиданного.

Косоглазый толкнул дверь ногой и ввел Майю в комнату, где тускло мерцали свечи. Майя с изумлением ощутила под босыми ногами гладкие каменные плиты, а неприбранная комната показалась ей верхом роскоши. Всю жизнь Майя прожила в скромной хижине: глинобитные стены, земляной пол, соломенная крыша, хлипкая дощатая дверь и очаг, сложенный из валунов. Эта же комната явно была одной из нескольких в доме. Два окна с распахнутыми ставнями выходили во двор. В торце виднелась еще одна дверь. Стены были облицованы деревянными панелями, закопченный потолок подпирали тяжелые брусья. На железной решетке в очаге горел огонь, у стены лежала поленица дров и груда хвороста. Посреди комнаты стоял массивный стол – прежде отполированный, а теперь грязный и исцарапанный.

Даже на Майин неискушенный взгляд, видно было, что некогда зажиточное хозяйство

пришло в запустение. В комнате витало зловоние, пол давно не выметали, на окнах и по углам висели клочья паутины, столешницу покрывали пятна свечного жира.

За столом сидел Парден, громила со сломанным носом, и жадно набивал себе рот ветчиной и яичницей с луком. Рядом с ним лежали два ножа и перевязанный бечевкой бурдюк с вином.

У очага копошилась сгорбленная старуха в черном одеянии. Она взглянула на вошедших воспаленными глазами и только хотела что-то сказать, как косоглазый завопил:

– Эй, старая сука, где мой бастаный ужин?

Он приоткрыл роговую заслонку фонаря, задул пламя и начал запира́ть дверь на замок.

– погоди, У-Геншед, – остановила его старуха и надсадно закашлялась. – Мегдон из Теттита еще одну везет, обещал к ночи вернуться.

– Ладно, – пробурчал Геншед, задвигая тяжелый засов. – Ужин тащи! А потом волов распряги, я их у ворот оставил. – Он захохотал, распутал бечевку на горлышке бурдюка и плеснул вина в глиняную кружку.

Старуха, не двигаясь с места, уставилась на замершую у порога Майю.

– Да ты красавицу привез! – прошамкала она. – Это для Лаллока?

– Ага, только он о ней пока не знает, – ответил Геншед. – Она нам случайно подвернулась, так что в списках ее нет. – Он схватил Майю за руку, потащил к столу, усадил напротив Пардена, а сам устроился рядом.

Старуха завозилась у очага, наполнила едой плошки и поставила на столешницу.

– А хлеб где? – спросил Геншед, хватая плошку. – И нож дай, а то окорок резать нечем.

Старуха молча повиновалась, потом вытерла руки о юбку и направилась к выходу, бормоча:

– Так я волов распрягу...

Майя, обессиленная и ошеломленная происходящим, боялась рот раскрыть. Еда не лезла в горло. Сердце гулко билось. От страха она зажмурилась, больше не помышляя о том, как бы отсюда сбежать, и сжалась в комок, будто испуганный ребенок. Хуже всего была неизвестность: Майя совершенно не представляла, что ее ждет, но подспудно понимала, что доля ее незавидна. Парден зловеще горбился на противоположном конце стола, а Геншед жадно оглаживал Майе спину и шею.

Наконец старуха вернулась со двора. Майя встала, сделала к ней неверный шаг, ухватилась за столешницу и медленно сползла на пол.

Парден подхватил ее на руки.

– Дверь открой, – велел он Геншеду. – И свечу возьми.

– Отнеси ее в комнату справа. Там одеяло есть, и замок с цепью у входа висит, – прошамкала старуха, не оборачиваясь. – Ту, что слева, Мегдон для новенькой оборудовал.

Чернокожая девушка

Майя очнулась, встревоженно подскочила на постели, откинула грубое одеяло и огляделась. За черной оконной решеткой темнело ночное небо с россыпью звезд. Правая лодыжка нещадно зудела – клопы искусали, – и Майя сердито почесала ее заскорузлой левой пяткой.

Неподалеку раздался какой-то шорох; в двух шагах от изножья кровати виднелась хлипкая дверь на цепи, обмотанной вокруг ручки. За щелкой тускло мерцала свеча. В крошечной комнате помещались только кровать, табурет и скамья у стены под окном.

Снаружи кто-то осторожно разматывал цепь.

Майя сжалась в комок и нервно покусывала пальцы. Звенья цепи медленно соскользнули с дверной ручки. От ужаса Майя даже не закричала, понимая, что помощи ждать неоткуда.

Дверь со скрипом отворилась. На пороге стоял Геншед со свечой в руке. Он встретился с Майей взглядом и довольно усмехнулся. По комнате заметались длинные дрожащие тени.

– Ну, как устроилась, красавица? – прошептал он, опуская свечу на табурет рядом с кроватью.

Майя вцепилась в одеяло, подтянув его до самого подбородка, и испуганно прижалась к стене. Геншед присел на краешек постели.

– Не бойся, – сказал он и, приоткрыв рот, уставился на Майю. – Я пришел проверить, как ты себя чувствуешь. Ты ж в обморок упала, помнишь?

Она кивнула.

– Ушиблась? Синяков не наставила?

Майя помотала головой.

– Дай-ка я проверю, – сдавленно пробормотал Геншед, шлепая губами.

Она брезгливо утерла брызнувшую на руки слюну и снова помотала головой. Геншед резко наклонился и сдернул одеяло.

– Не смей! – завопила Майя.

Геншед зажал ей рот и рванул сарафан на груди так, что ветхая ткань с треском разошлась. Он вдавил Майю в тюфяк и, навалившись на нее всем телом, как Таррин когда-то, попытался коленями развести ей ноги в стороны. Майя, содрогаясь от невыразимого ужаса, резко дернула головой и лбом ударила Геншеда в переносицу.

Из разбитого носа хлынула кровь.

– Ах ты, грязная терть! – зашипел он, разжав руки. – Сейчас я тебе покажу...

Он медленно вытащил из-за пояса нож, покачал сверкающим лезвием у самых глаз Майи и начал легонько тыкать острием ей в ладони, запястья, руки и плечи. Майя застонала и, к явному удовольствию Геншеда, попыталась вырваться. Окровавленное лицо мерзавца исказила уродливая ухмылка.

Наконец он отложил нож, поднялся и, стягивая рубаху через голову, пробормотал:

– Ну, держись, красотка...

Внезапно в комнату ворвался черный призрак и, с размаху ударив Геншеда по шее, отбросил его к стене, а затем пнул в живот. Косоглазый негодяй беспомощно скорчился на полу.

Все произошло так стремительно, что Майя не успела сдвинуться с места. Она изумленно уставилась на своего неведомого спасителя, не зная, человек это или потусторонний дух. Таких людей она никогда прежде не встречала.

В изножье кровати стояла девушка, чуть постарше Майи, – круглолицая, с плоским широким носом и короткими курчавыми волосами. Обнаженное стройное тело было темно-коричневым, почти черным. Шею девушки обвивало ожерелье из загнутых клыков, спину укрывали складки длинной алой накидки. Незнакомка моргнула; в пламени свечи веки отливали серебром.

Она с улыбкой взглянула на Майю, взяла Геншедов нож и понимающе повертела его в руках. Геншед охнул и сел, привалившись к шершавой стене.

– Не двигайся, боров! – промолвила чернокожая девушка. – Если шевельнешься, я тебе зард отрежу и в венду засуну.

Голос ее был низким и мелодичным, но слова она произносила странно, иначе, чем тонильданцы, будто говорила на чужом языке.

Геншед уставился на нее, утирая кровь с лица, и смачно сплюнул:

– Ты кто такая? Чего ты себе позволяешь? Кто тебя сюда впустил? Отдай нож и убирайся к себе!

– Молчи, терть поганая! – не повышая голоса, велела девушка. – Сам-то ты что здесь делаешь? Ты у Лаллока на службе, так? Забыл, что товар портить не позволено? Грязная свинья! Я этого так не оставлю. Тебя в два счета выгонят!

– Заткнись, мерзавка! – завопил Геншед. – Дай нож, кому говорят!

– Да на что мне твой нож? Тебе вон банзи и без ножа всю морду раскровянила. Я б добавила, только связываться неохота. Вали отсюда в свою сточную канаву, да хоть в Зерай, мне дела нет. Вот твой нож, держи! – Она метнула в него клинок.

Острие на полпальца вонзилось Геншеду в бедро. Он взвизгнул, схватился за рукоять и выдернул нож. По ноге сбежала темная струйка крови.

Чернокожая девушка набросила на плечо полу алой накидки и замерла, глядя на Геншеда.

– Я – ценный товар, – заявила она. – И тебе об этом известно. Меня следует доставить в Беклу без единой царапины. А ты – грязная и низкая скотина, каких кругом полно. Попробуй только тронь – я тебе яйца отрежу! Надевай свои лохмотья и убирайся отсюда! – Она презрительно поддела ногой рубаху и швырнула ему на колени.

– Ладно-ладно, – примирительно забормотал Геншед. – Не много ли ты о себе воображаешь? – Он вытащил откуда-то грязный лоскут и приложил к порезу на ноге.

В дверях возник невысокий смуглый мужчина, по виду – ортельгиец.

– Мегдон, объясни ему, кто я такая, – надменно приказала чернокожая девушка.

Ортельгиец презрительно усмехнулся, – похоже, Геншеда он недолюбливал.

– Это Оккула, из Теттит-Тонильды.

– Тебе, грязный работоровец, следует звать меня госпожа Оккула, – высокомерно подчеркнула девушка. – Слышал о заведении госпожи Домриды?

– А, есть такой притон в Теттите, – пробормотал Геншед, отводя глаза.

– Притон в Теттите? – презрительно переспросила Оккула и плюнула в его сторону. – Ах ты, поганая тварь! Я тебе покажу притон! А уж если госпожа Домрида узнает, как ты о ее заведении отзываешься, тебе не поздоровится! Ее шерны на всю империю славятся. А я среди них – лучшая. Знаешь, сколько я стою? Больше десяти тысяч мельдов, вот сколько!

Тебе за всю жизнь таких денег не увидеть.

– Так я ж тебя не трогал, – заскулил Геншед.

– Где уж тебе, мразь ползучая! Ты себе добычу полегче нашел, решил к бедной банзи пристать, раз она вам в руки случайно попала и в списках у Лаллока не значится. Думаешь, я ваших хитростей не понимаю, дрянь ты этакая?! Вдобавок я только-только заснула в этом вашем свинарнике, где клопов больше, чем вшей на бродячей собаке, меня уже до смерти закусали! А ты, подлая тварь, меня разбудил! Хотел беззащитную бедняжку насильничать! Решил, поганец, что Лаллок тебя за это похвалит? По-твоему, будущим шернам нравится, когда их всякое отребье почем зря бастает?! – Она умолкла, переводя дух. – Вот я так Лаллоку и доложу, не сомневайся.

Глубокий звучный голос Оккулы разносился по комнате, будто крик кулика по болоту; гневная, язвительная отповедь, перемежаемая отборными ругательствами, лилась непрерывным потоком.

Наконец воцарилось молчание. Ответа от Геншеда никто не ждал, поэтому Оккула величественно повернулась к двери. Свеча почти догорела, фитилек потрескивал и чадил в лужице жира.

– Мегдон, принеси мне в комнату две свечи. А ты, гнусное создание... – Она с отвращением взглянула на Геншеда. – Я б тебя заставила бедняжку искупать, да только ты ее еще больше замараешь. Согрей воды, добавь туда ароматных трав и отыщи побольше чистых полотенец. Ну, живо!

– Так очаг погасили, полночь же на дворе! – заныл Геншед.

– Ничего, разведешь, – небрежно бросила Оккула и обратилась к Майе, сверкнув белоснежными зубами на черном лице: – А ты, банзи, пойдешь со мной.

Майя ошеломленно коснулась протянутой розовой ладони и покорно последовала за своей чернокожей спасительницей.

Нежданный друг

Комната напротив оказалась гораздо просторнее и чище той, в которую поместили Майю. Здесь стояли широкая кровать, два или три табурета и у стены – большой деревянный сундук с фигурными бронзовыми ручками и выжженными на крышке буквами. Оккула выпустила руку Майи, провела указательным пальцем по буквам.

– Ты читать умеешь, банзи? – спросила она.

– Совсем чуть-чуть, – смущенно призналась Майя.

– И я не очень, – улыбнулась Оккула. – Но вот тут написано мое имя. Сундук мне госпожа Домрида подарила для моих нарядов и пожитков. Можешь и свои вещи сюда сложить, места хватит.

Тут Мегдон принес свечи, полотенца и деревянную лохань с ароматной горячей водой.

– Я же не тебе велела воду таскать! – воскликнула Оккула.

– Ты гордыню-то поумерь, – назидательно произнес он, зажигая свечи. – Геншед – он странный, от него всего можно ожидать. В нашем деле такие часто встречаются.

– Ничего, я с ним разберусь. – Она пожала плечами. – Вот в Беклу придем, я Лаллоку все расскажу.

– А, так ты с Лаллоком лично знакома? – усмехнулся Мегдон.

Оккула подняла крышку сундука, вытащила лист папируса, небрежно помахала им и снова спрятала:

– Видел? Это письмо от госпожи Домриды Лаллоку и счет за меня. Лаллок меня выслушает, не сомневайся. Выгонят твоего приятеля взащей.

– Да с чего ты взъярилась? – вздохнул он. – Девчонка ничья, случайно подвернулась, в списках не значится. Я даже не знал, что ее привели, пока ты скандалить не начала.

– Я? Скандалить? – возмущенно воскликнула Оккула, резко обернувшись к нему. – Да этот негодяй решил товар попортить! Мне плевать, как она к вам попала, только если всякий бастаный холуй насильничать девчонок станет, то хорошего не жди. Ты же знаешь, какие у Лаллока правила. Девчонка молодая, неиспорченная – ежели ее силой возьмут, то толку с нее не будет. Дурак ты! Ступай спать. Только утром меня не буди, я сама к завтраку спущусь.

Как только Мегдон вышел, Оккула сбросила накидку, встала на колени у лохани и обмакнула полотенце в теплую воду:

– Банзи, сядь на табурет и вперед наклонись, я тебя обмою, а то мало ли какая грязь к бастаному ножу пристала... – Она осторожно вытерла неглубокие царапины на плечах и руках Майи. Одна ранка кровоточила, и Оккула прижала к ней полотенце. – Ничего страшного, заживет! Порез чистый, быстро затянется. Тебе не больно?

– Нет, – с робкой улыбкой ответила Майя. – Ах, спасибо тебе... Ты... Что бы я делала, если б не ты!

– Нам обеим спать пора, – заявила чернокожая девушка и задвинула лохань в угол комнаты. – Кровать широкая, мы с тобой поместимся. Знаешь, как вдвоем в одной постели спать? – усмехнулась она.

– Я с сестренкой спала, – кивнула Майя.

– Жаль, – неожиданно протянула Оккула. – Бедняжка! Ладно, завтра мне обо всем расскажешь.

Майя забралась на кровать. Оккула, задув свечи, устроилась с другого края. Майя сразу же уснула.

Иногда, заночевав в незнакомом месте, просыпаешься с ощущением, что ты дома или в привычной обстановке, и сразу же испытываешь мимолетную грусть и разочарование даже прежде, чем столкнешься с неизвестностью нового дня. Майе не довелось этого испытать. Открыв глаза, она увидела темную руку Оккулы на подушке и немедленно вспомнила все события предыдущего дня.

Оккула дышала ровно и размеренно. Майя лежала неподвижно, разглядывая лицо чернокожей девушки, ее посеребренные веки, обрамленные густыми длинными ресницами, шапочку коротких курчавых волос, плотно прилегающую к голове. «Красавицей ее не назовешь, но она такая необычная, что об этом не задумываешься, – решила Майя. – Вот как если бы где-то на свете жили люди, которые никогда котов не видели... Они б не стали рассуждать, красивый это зверек или нет, а бросились бы его разглядывать да гладить. Каждому бы захотелось себе такого завести».

Майя задумалась, что здесь делает эта странная девушка. Неужели она тоже будет продавать наряды тонильданским богачам? Нет, она упомянула Беклу... Майя не поняла и половины гневной отповеди Оккулы, но слова про поездку в Беклу запомнила. А вдруг добрая спасительница поможет Майе домой вернуться?

Заря только-только занялась. Майя осторожно выскользнула из кровати и подошла к зарешеченному окну.

Слева разгорался невидимый пока рассвет. Нежное сияние летнего утра уже заливало все вокруг: сверкала росой длинная спутанная трава, в темных кронах деревьев прятались тени, в зарослях ежевики искрилась паутина. Где-то вдалеке ворковала горлица. В запущенном саду росли плодовые деревья, кусты роз, а на лужайке красовался высохший фонтан с разбитой каменной чашей.

Вдали, за зоановой рощей, виднелись руины огромного особняка: проломленная крыша, закопченные пожаром стены. В проемах выбитых окон голубело безоблачное небо. «Видно, и впрямь меня в дом прислуги привезли, – подумала Майя. – А господский особняк сгорел... Когда? И что стало с его обитателями?»

Если бы не решетки на окнах, Майя бы спрыгнула в сад и удрала бы со всех ног. Она прижала лоб к окну, стараясь увидеть, что лежит за домом. Тут к ее плечу кто-то прикоснулся, и Майя вздрогнула.

Оккула неслышно подошла к ней за спину и, зевая, как котенок, терла кулаком заспанные глаза, размазывая серебристую краску по лицу.

– Ой, ты меня напугала! – воскликнула Майя. – Ты когда встала?

– Я еще сплю, – ответила чернокожая девушка, потягиваясь. – И во сне брожу. – Она ласково погладила Майю по плечу. – Хочешь, еще поваляемся?

– Нет, мне бы отсюда выбраться, – рассмеялась Майя. – Так или иначе, я освобожусь. Вот прямо сегодня утром.

Оккула недоуменно сморщила лоб и пристально посмотрела на нее:

– Ты что, руки на себя хочешь наложить? Не бойся, банзи, ни один мерзавец к тебе больше не прикоснется.

– Руки на себя наложить? – удивленно переспросила Майя. – Нет, что ты! Просто я в услужение к этим людям не хочу. Мне домой надо.

– И как же ты домой собралась?

– Ну, наверное, пешком придется. Лиги три-четыре, ничего страшного.

Оккула присела на табурет и задумчиво уставилась в пол, похлопывая ладонью по колену.

– Банзи, ты знаешь, где ты? И кто все эти люди? – наконец спросила она.

– Нет. Только они мне не нравятся.

– Расскажи-ка, как ты здесь оказалась.

Майя описала все события предыдущего дня, умолчав только о своих отношениях с Таррином.

– ...а вчера вечером я встала из-за стола, хотела в дверь выбежать и в темноте удрать, – завершила она свой рассказ. – Только от испуга и от усталости в обморок упала, а как очнулась, этот тип на меня навалился. Тут ты мне на помощь и подоспела.

Оккула взяла ее за руки и серьезно заглянула в глаза:

– Тебе сколько лет?

– Пятнадцать.

– Банзи, как есть банзи! А звать тебя как?

– Майя. А матушку Моркой кличут. Мы у озера живем, недалеко от Мирзата.

– Послушай, Майя, только знай, что ничего хорошего я тебе не скажу. Худо тебе. Ну, ты готова к дурным вестям?

– Это к каким? – встревожилась Майя.

– Сейчас объясню. Люди эти – работорговцы, подручные важных бекланских дельцов, точнее – Лаллока. Он продает и покупает молоденьких девчонок – и мальчишек тоже. Судя по твоему рассказу, твоя мать вчера тебя им и продала.

Дурные вести – смерть, разорение, нежданную беду, – как, впрочем, и великие произведения искусства, воспринимают и осознают не сразу и поначалу представляют их пустяком, мелким недоразумением.

– Зачем это ей меня продавать? – удивилась Майя.

– Не знаю, – ответила Оккула. – Только продала она тебя, не сомневайся. Вот теперь и думай, с чего бы это она. Может, ты мне не все рассказала?

Внезапно Майю осенило, чем вызван поступок Морки: так спросонок соображаешь, что раскачивающийся перед тобой прутик на самом деле – смертоносная змея. В одно мгновение Майя все поняла – других объяснений попросту не существовало. Она задрожала, закрыла лицо руками и со стоном упала на пол.

– А красивым платьем девушек заманивают, чтобы нагишом на них поглядеть, – невозмутимо продолжала Оккула. – Мерзавцы где-то в хижине прятались, в щелку подсматривали. Потом мать тебя куда-то отослала, чтобы без помех цену с ними обговорить. А в вино что-то подсыпали – тессик, наверное. Тельтокарна – слишком сильный яд, может и убить. Ну и обивка в возке для того, чтобы товар не попортить, девчонки с отчаяния часто о стены бьются.

Майя захлебнулась рыданиями. В дверь постучали, и на пороге возник Мегдон.

– Пошел вон, – сказала Оккула. – Убирайся!

– Я вам завтрак принес, – обиженно произнес он. – И теплой воды. Что, не нужно?

– Нужно будет – позову, – отрезала Оккула и, подумав, добавила: – Воду оставь, а сам ступай прочь.

Дверь закрылась.

Оккула подтащила табурет к окну и поглядела сквозь решетку.

– Банзи, послушай, мне эти дела хорошо известны, – вздохнула она.

Майя не успокаивалась. Оккула подошла к ней, уселась на пол, перевернула Майю на спину и уложила ее голову себе на колени.

– Слушай меня внимательно. Твоя жизнь в опасности. Ты сейчас – как воин на поле боя. Но если рядом с тобой есть друг, то есть я, и если ты не раскиснешь и науку хорошо усвоишь – а я тебя научу, не сомневайся, – то ты выживешь.

Майя всхлипнула и рванулась из рук Оккулы.

– О Канза-Мерада, даруй мне терпение! – воскликнула чернокожая девушка, удерживая Майю. – Ладно, ты не воин... Как же тебе объяснить попроще, банзи? Что сказать? А, вот! Ты плавать умеешь?

Простой вопрос неожиданно успокоил Майю.

– Да, – кивнула она.

– Ты у озера росла? В воде плескаться любишь? Хорошо плаваешь?

Знание ответа на самый незамысловатый вопрос, никак не связанный с обрушившимися несчастьями, странным образом выводит из глубокого отчаяния. Возможно, это связано с суеверным убеждением, что в беде любой правильный ответ помогает. Во всяком случае, хуже от этого не становится.

– Я лигу без остановки могу проплыть, не хуже выдры, – ответила Майя.

– Вот и славно. А теперь представь себе, банзи, что тебя занесло в пучину, а до бастаного берега далеко. Не важно, как ты там оказалась, тебе главное – не утонуть. Вот и объясни мне, что тогда делать? Сама я не знаю, потому что плавать не умею.

– Надо успокоиться, руками не молотить почем зря, иначе устанешь, воды наглотаешься и не выплывешь, – сказала Майя.

– А еще что?

– Ну, надо следить, чтобы течением не сносило, курс к берегу держать.

– Отлично! Видишь, ты и без моих советов знаешь, как дальше поступать. Главное – на плаву удержаться и не отчаиваться. Сейчас я тебе все подробно объясню.

Майя закусил губу и уставилась на Оккулу.

– Ты теперь – рабыня, – жестко объявила чернокожая девушка. – Продали тебя и купили, все по чести. Дороги домой тебе нет. Если сбежать вздумаешь, тебя поймут и строго накажут. А наказывать они умеют так, что следов не остается. Вот и слушай меня внимательно, я тебе важные вещи скажу. Знаешь, где мы?

– В Пуре... – неуверенно ответила Майя.

– Да, в окрестностях Пуры. Слыхала про Сенда-на-Сэя?

– Ага, – кивнула Майя. – Был такой верховный барон Беклы. Он помер.

– Его лет семь назад Леопарды убили. Тут когда-то одно из его имений было, – пояснила Оккула. – Особняк сожгли вместе со всеми его обитателями. В этом доме слуги жили. После пожара бекланские работорговцы – Лаллок, Мортуга и еще парочка – устроили здесь что-то вроде... склада. Их холуи сюда живой товар приводят со всех восточных провинций, а потом в Беклу отправляют. За молоденьких девушек и за мальчишек хорошие деньги платят. В Бекле сейчас на девушек большой спрос, потому я туда и рвусь. Но про себя я потом тебе расскажу, у нас времени много. Да не расстраивайся ты так! Слезами горю не поможешь. А вот я тебе помогу. Считай, стану тебе старшей сестрой, понятно?

Майя снова кивнула.

– Нас отвезут в Беклу, к этому самому Лаллоку, а он нас продаст как наложниц, рабынь для постельных утех. Тебе надо крепко-накрепко усвоить две вещи. Во-первых, наложница должна быть хитрой и смелой, только показывать этого нельзя. У всех есть родители, семьи, дом, деньги, положение в обществе, да Крэн знает что еще. А у нас с тобой ничего нет. Нам только на себя надо полагаться, больше не на кого. Если наложница станет на свою горькую долю жаловаться, то долго не протянет. Помрет, да не своей смертью, банзи. Понятно?

Оккула серьезно поглядела на Майю карими глазами.

– Ага, – чуть слышно прошептала Майя.

– А во-вторых, запомни, что все вокруг относится к тебе так, как ты сама к себе относишься. Если станешь вести себя как важная особа, то рано или поздно тебя за нее примут. Никогда ни о чем не проси и никому не рассказывай, что у тебя на душе. И всегда держи себя с достоинством, жалеть себя никому не позволяй. Понятно?

Майя слабо улыбнулась.

– Вот и славно, – повторила Оккула. – Пойми, я тебе помогаю, потому что ты мне по нраву пришлась. И это хорошо. Не смей перед этими мерзавцами сопли распускать. Если совсем не вмоготу станет, поплачься мне, я тебя утешу. Понятно?

– Ага, – всхлипнула Майя.

– Что ж, вот прямо с этой минуты и набирайся храбрости. Мы сейчас с тобой умоемся, оденемся... Ах, у тебя ж другого платья нет! Ничего, добудем тебе новый наряд. А пока пойдем завтракать. Только при людях язык за зубами держи, веди себя с достоинством, иначе с тобой будут обращаться хуже, чем с рабыней. Там вода для мытья не остыла?

– Нет, еще теплая, – сказала Майя, подходя к лохани. – В самый раз.

– Ну, тогда ты первой искупайся. Хорошенько вымойся, с головы до ног.

Майя послушно разделась донага и залезла в лохань. Теплая вода освежала. На Майю снова накатила странная отрешенность, все мысли исчезли, осталось только тело, которое знало, что делать.

Из забытья ее вывело изумленное восклицание Оккулы.

– В чем дело? – испуганно спросила Майя.

– Ох, банзи, какая же ты красавица! – восхищенно прошептала чернокожая девушка. – Ну-ка повернись, я на тебя полюбуюсь! Ах, Крэн и Аэрта, что за фигура – просто загляденье! За тебя целое состояние дадут. Смотри глупостей не наделай, и все у тебя получится. Еще и обрадуешься, что мать тебя продала, – все лучше, чем в тонильданской глуши жить. Ты меня держись, банзи, мы с тобой в Бекле развернемся, всем покажем!

Оккула долго и тщательно приводила себя в порядок. Майя, забыв о волнениях и тревогах, с невольным восхищением смотрела, как новая подруга надевает ярко-оранжевый йельдашейский метлан, поверх него накидывает кожаный охотничий жилет, отороченный алыми бантами, и туго подпоясывается. Выглядела Оккула необычно и странно, как героиня волшебной сказки.

Она тронула кармином уголки век, улыбнулась своему отражению в погнутом железном зеркале и подмигнула Майе:

– Здорово, да? Всегда надо сразу о себе заявлять. Не волнуйся, банзи, скоро и у тебя будут роскошные наряды. – Она уверенно вставила в крыло носа золотую сережку-гвоздик. – Ты пока надевай свой сарафан, а прореху моей накидкой прикрой. Нет, не так! Дай помогу. Ах, Крэн, как жаль такие дельды прятать!

Девушки спустились в кухню. У очага старуха деловито нарезала в котел горку брильонов. При дневном свете она выглядела устрашающе – чумазая, морщинистая, с язвой в полщеки. Оккула окинула ее презрительным взглядом. Старуха поморщилась и неохотно отложила ножичек.

– Пожалуй, хватит, – досадливо вздохнула она. – А вам что, завтракать захотелось? Чего ж тогда Мегдона отослали?

– В этом свинарнике есть надо с оглядкой, – надменно заявила Оккула. – Так что, старая свинья, отвари нам яиц, молока вскипяти да фруктов принеси.

– Ах ты, сука! – взвизгнула старуха. – погоди, вот отправят тебя в Беклу, там быстро научат приличному обращению, шлюха черномазая.

– От такой слышу, – невозмутимо ответила Оккула. – Только ты по себе не суди. Я в старости не собираюсь у помойки холуев ублажать.

– Мерзкая тварь! – завопила старуха, подскочила к Оккуле и замахнулась.

Чернокожая девушка молниеносно сжала старческое запястье и отвела дряхлую руку в сторону.

– Ты, бабушка, не дергайся почем зря, а делай как велят, – спокойно произнесла Оккула. – Сказано тебе, неси яйца, молоко и фрукты.

– Где я тебе фрукты возьму? – буркнула старуха.

– Вон же, полон сад. Все спелые и сладкие, как на подбор. Дай банзи корзинку, пусть нарвет побольше.

– Так я ее и выпустила! Не хватало еще, чтобы всякие шлюхи по саду без присмотра бродили! Вы же рабыни бесправные!

– Тогда сама сходи, – заявила Оккула. – Не забыла еще, как сама рабыней и шлюхой была? А я вот шерной буду, самой лучшей в Бекле.

– Не нанималась я твои приказы выполнять! – заорала старуха. – Будешь есть что дают, а не хочешь – с голоду помрешь!

Оккула стремительно схватила ножичек. Тут в кухню вошел Мегдон, метнулся к своей чернокожей подопечной и вырвал нож у нее из кулака.

– И что ты все за ножи хватаешься, – укоризненно заметил он. – Из-за чего крик подняли?

Старуха, визгливо бранясь, начала объяснять, что произошло. Мегдон, не дослушав, равнодушно пожал плечами.

– Если им фруктов захотелось, так сходи в сад, – велел он старухе. – Я сам за девушками присмотрю.

Старуха с ворчанием взяла корзинку и прошаркала к двери.

Оккула молча стояла у стола. Кожаный жилет она расстегнула, выгнула спину и выставила вперед грудь.

– Ну что, хочешь, банзи на нас с тобой полюбуется? – лениво спросила Оккула. – Тебе нравится, когда на тебя смотрят?

– Нет, давай лучше наверх поднимемся, – ответил Мегдон, подступив к ней поближе. – Только любопытно мне, какую цену ты на этот раз заломишь.

– Ах ты, паршивец! Я с тебя ни мельда не взяла, – взвилась Оккула.

– Да, денег не просила, – согласился Мегдон. – А роскошными ужинами кто тебя кормил? Две бутылки лучшего йельдашейского вина, по-твоему, денег не стоят? А золотую серьгу в нос тебе кто подарил?

– Сережку ты у какой-то девчонки отнял, – напомнила Оккула. – А тебе, считай, повезло. Через полгода за меня впятеро больше заплатить придется, тебе не по карману будет. Так что пользуйся пока в свое удовольствие.

– Ох, Оккула, побольше бы в нашем деле таких, как ты, – улыбнулся Мегдон. – Легче было бы жить.

– Таких, как я, больше нет. Я – единственная. А где мерзавец вчерашний?

– В Зеламену за товаром ушел, к ночи вернется. А Парден еще спит.

– Что ж, в таком случае я тебе цену свою назову, – сказала Оккула. – Отправь-ка ты нас с банзи сегодня в Хирдо, только прежде ее приодень. Видишь, я недорого прошу.

– Нет, Оккула, не выйдет, – ответил Мегдон. – Платье девчонке найдется, да не одно, а вот в Хирдо отправить вас не с кем.

– А ты на что?

– А я Геншеда должен дожидаться. Он пятерых из Зеламен пешком ведет. Сама знаешь, в каком виде они сюда доберутся. Мало ли, вдруг руки на себя решат наложить. Так что нам с Парденом забот хватит. Придется тебе в Хирдо завтра идти вместе со всеми. Ты же в Лаллоковой партии, тут уж ничего не поделаешь.

К Майиному удивлению, Оккула молча отвернулась и села к столу. Мегдон подошел к ней и погладил по спине.

– Ну чего ты надулась, а? – зашептал он. – Я ж не виноват, что все так складывается...

– Так, сперва дай мне позавтракать, а после бастай сколько влезет, – отрезала Оккула. – А сейчас оставь меня в покое.

Тут вернулась старуха с корзиной слив и абрикосов, и разговор оборвался.

Еды было вдоволь. Как часто бывает, плотный завтрак придал Майе уверенности. Вдобавок Мегдон обращался с ней уважительно, разговаривал ласково, извинился за поступок Геншеда и заверил, что подобного больше не повторится.

– А если тебе что нужно, ты меня проси, не стесняйся, – добавил он. – Я не зверь какой, даром что живым товаром торгую.

– Ты ври, да не завирайся, – усмехнулась Оккула. – А то сам себе поверишь.

– Честное слово, я твою подругу в обиду не дам, – пообещал Мегдон. – Пусть вот платье новое возьмет. Шеррена, – обратился он к старухе, – ты руки вымой и отведи девчонку в

кладовую с одеждой.

Если бы старуха выказала хоть каплю участия, оставшись с Майей наедине, то девушка бы снова расплакалась, но угрюмое безразличие старой карги подтвердило слова Оккулы. Майя молчала и держала себя отстраненно. Платья в кладовой оказались добротными, но Майе было все равно, что надевать. Через двадцать минут она вернулась в комнату Оккулы.

Едва Майя сбросила с плеч алую накидку, как дверь распахнулась. Оккула, в одной нижней рубаше, с охапкой одежды в руках, вошла в комнату и плашмя растянулась на кровати.

– Помолчи пока, банзи, – велела она. – О Крэн, как мне все опротивело! Я так старалась, так корячилась, а этот паршивец... Долдонит одно и то же – не могу, не получится, не выйдет... Задарма меня отбастал, вот что!

– Ты про Хирдо? – удивленно спросила Майя. – А зачем тебе туда? Я вот в Хирдо не хочу. Я вообще никуда не хочу, только бы до дому добраться.

Оккула перевернулась на спину, сощурилась и поджала губы:

– По-твоему, я должна пешком в Хирдо плестись, в оковах, с чумазыми шлюхами? Да еще чтобы меня Парден кнутом охаживал? А сундук мой кто понесет? Не хватало еще, чтобы меня в Беклу пригнали, как корову в стаде! Я тебе не дешевая подстилка дильгайских гуртовщиков! Банзи, ты ничего не понимаешь, глупышка! В Беклу нам надо явиться... с помпой, вот как! Чтобы Лаллок сразу сообразил, как ему повезло: таких, как мы, надо продавать только самым богатым и знатным господам. Иначе отправят нас в захудалый притон где-нибудь на окраине, а оттуда в жизни не выбраться! Нет уж, начнем высоко, а за год вскарабкаемся еще выше. Так что молчи, банзи, дай мне подумать.

Она снова уткнулась лицом в подушки и накрыла голову руками. Майя отошла к окну и задумчиво посмотрела в запущенный сад. На память пришли строки любимой песни покойного отца: «Были б мы гусями, не знали бы печали...»

Майя едва не разрыдалась, но тут Оккула подскочила, как заяц, захлопала в ладоши и с радостными воплями запрыгала по комнате. Майя вздрогнула от неожиданности.

– Придумала, придумала! – кричала Оккула. – Может, и не получится, но попробовать надо. – Она бросилась к сундуку и стала рыться в груде ярких нарядов и безделушек. – Если надсмотрщики подвоха не учуют, то нам повезет. А, вот оно где! Слушай, банзи, и запоминай. Второго такого случая не представится, да и бастаная штуковина у меня только одна. Я в прошлом году одного дильгайца ублажила, так он мне ее подарил, только предупредил, что это на самый крайний случай. Вот и пригодилась!

Оккула вручила Майе мягкий серый шарик размером с яблоко, обтянутый мешковиной. Внутри что-то шуршало и пересыпалось, как зерно.

– Спрячь под одежду, чтоб удобно было достать, – велела Оккула. – А вот это – Канза-Мерада, видишь?

Она распустила завязки холщового мешочка и вытащила резную фигурку черного дерева, размером с ладонь: толстозадая женщина с выпяченным животом и угрожающе торчащими грудями. На плоском запрокинутом лице виднелись узкая прорезь рта, дырочки ноздрей и тускло белели костяные пластинки глаз с черными зрачками. Майя поглядела на фигурку, вздрогнула и поспешно сделала охранительный жест – оберег от порчи. Фигурка источала какую-то неведомую, зловещую силу, будто не созданная резцом неизвестного мастера, а сотворенная высочайшим повелением для тех, кто способен проникнуть в истинную природу вещей – невыразимо жестокою и неукротимую.

– Ты не думай, это не сама Канза-Мерада, – усмехнулась Оккула, заметив неприкрытый

страх в глазах Майи. – Это просто ее образ, чтобы напоминать о том, какая она на самом деле. В Теттите о ней не знают, а вот в пустыне, среди ночи, когда пыльная буря завывает и невидимые барабаны стучат, там ей и молятся. На моей родине Канза-Мерада – настоящая богиня, и власти у нее больше, чем у Крэна с Аэртой. Но не в этом дело. Мы с тобой сейчас в кухню спустимся, я скандалить начну. Понимаешь? Ты не встречай, стой себе в сторонке, поближе к очагу. Я как разойдусь, о тебе и не вспомнят. А ты как услышишь, что я Канза-Мераду призываю, так сразу и бросай шарик в огонь. Только гляди, чтоб никто не заметил, и ко мне беги, вроде как ты испугалась. Закричи что-нибудь: «Не надо, умоляю» – ну или что в голову придет. Главное, ничего не перепутай. Все зависит от того, когда шарик в огонь попадет. Пусть Мегдон не думает, что он меня задарма отбастал. Ничего, он это запомнит. И не приставай ко мне с вопросами, а то мы сегодня в Хирдо не уйдем. Все, пошли в кухню. Смотри не забудь, что я тебе велела.

Мегдон довольно развалился на скамье у стола; в углу Шеррена отчищала закопченную сковороду. Оккула, по-прежнему в одной сорочке, подошла к старухе и ногой выбила сковороду из рук. Сковорода загремела по каменным плитам пола. Мегдон подскочил.

– Эй, собирайся! Отвезешь нас в Хирдо! – заявила Оккула.

– Ты мне эти штучки брось! Я ведь и выпороть могу, – пригрозил Мегдон. – Успокойся. И сковороду подними.

Оккула плюнула на ладонь и отвесила ему пощечину.

Старуха подскочила сзади и вцепилась Оккуле в волосы. Чернокожая девушка быстро обернулась и ткнула ее кулаком. Шеррена повалилась на пол.

– Парден! Поди сюда! – завопил Мегдон.

Оккула подбежала к дверям во двор.

– Открывай! – завопила она, молотя в створку. – В Хирдо поедем!

В кухню ворвался Парден, с обрывком веревки в руках.

– Вот сейчас ты свое получишь, – прощамкала Шеррена, поднимаясь на ноги.

– Эй, Парден, поосторожнее с ней! – велел Мегдон. – Свяжи ее, и дело с концом.

– Канза-Мерада, сотри это проклятое место с лица земли! – заорала Оккула, бросилась на колени и, воздев руки к потолку, забормотала что-то на непонятном языке.

У очага Майя незаметно швырнула серый шарик в огонь.

– Канза-Мерада, выжги все священным огнем! – выкрикнула Оккула.

Майя бросилась к ней.

– Не надо, умоляю! – воскликнула она. – Только не это! Ты нас всех погубишь!

– Обрушь на их головы крышу! Заволоки все дымом! – завывала Оккула. – Канза-Мерада, уничтожь эту смрадную яму!

В очаге вспыхнул громадный язык пламени, рассыпался искрами. Повалил густой дым. Черные клубы потянулись к потолку. Парден, разразившись проклятьями, выпустил Оккулу. Мегдон и старуха закашлялись. Едкий дым застил глаза. Майя в ужасе схватила подругу за руку.

– Не останавливайся, кричи погромче, – шепнула Оккула.

– Ох, спаси нас от гибели! Не дай умереть! – завизжала Майя. – Помоги! Останови...

Горло ее перехватило, рот наполнился горькой слюной, глотку и глаза щипало, голова кружилась. Майя зажмурилась и привалилась к подруге.

Наконец кто-то распахнул дверь. Оккула выскочила из клубящейся тьмы, волоча за собой Майю. Шеррена неподвижно растянулась на пороге. Оккула усадила Майю у каменного

корытца для воды. Обе девушки были с ног до головы перемазаны жирной сажей.

– Отлично, банзи! – прошептала Оккула. – Как по-твоему, дом дотла стгорит или нет?

– Ох, там же старуха осталась! – воскликнула Майя. – Ей надо помочь, а то задохнется.

– Ну и пусть, – отмахнулась подруга. – А, гляди – ее так просто не убьешь.

Черный дым валил из дверей, расходясь по двору серым туманом. Мегдон и Парден выволокли Шеррену из дома и уложили на брусчатку двора. Мегдон приподнял старухе голову, пошлепал по щекам.

– Вот и все, – прошептала Оккула. – А сейчас – самое главное. Погоди, банзи, я быстро.

Она подбежала к дому и встала на пороге, молитвенно воздев руки. Мегдон с Парденом испуганно отшатнулись. Оккула почтительно склонила голову и сложила ладони у пояса:

– О Канза-Мерада, уйми свое пламя! Молю тебя, богиня, пощади этот мерзкий дом! – Потом она снова заговорила на неизвестном языке и наконец умолкла.

Дым медленно рассеивался.

Несчастливая старуха пришла в себя, села и, застонав, потерла ушибленный бок. Сгорбленная, перемазанная сажей и копотью, она выглядела так жалко, что Майя решила ей помочь, но Шеррена взвизгнула, отшатнулась и поспешно заковыляла к надсмотрщикам в другой конец двора.

Оккула черным изваянием застыла у входа, зачарованно глядя вдаль. Надсмотрщики боялись с ней заговорить и даже не подходили, только еле слышно перешептывались между собой. Шеррена слабо стонала и раскачивалась из стороны в сторону. Майя неподвижно сидела на краю корытца.

Наконец Мегдон, набравшись смелости, осторожно подошел к Оккуле. Чернокожая девушка вскинула голову и уставилась на него затуманенным, невидящим взглядом. Мегдон ошарашенно посмотрел на нее. Оккула глянула на него с высоты своего роста и повелительным тоном изрекла одно-единственное слово, будто обращаясь к упряжке волов или к собаке:

– Хирдо!

Мегдон хотел что-то возразить, но тут вмешался Парден:

– Да увези ты эту черномазую ведьму, пока она нас всех в могилу не свела своим колдовством!

– О Крэн, спаси и сохрани! – выдохнула старуха.

Мегдон промолчал. Оккула повернулась и торжественно прошествовала в кухню. Все гуськом потянулись за ней. Майя неохотно вошла последней. Оккула, скрестив руки, прислонилась к стене у очага, где по-прежнему горел огонь. Все в комнате покрылось толстым слоем жирной копоти, резко воняло жженой костью.

Старуха в ужасе разрыдалась.

– Вечером Геншед девчонок приведет, пусть здесь все отмоют, – велел Мегдон Пардену. – Шеррене одной не справиться. А ты пока волов запряги.

– Я ее не повезу, – буркнул Парден.

– Тебя и не просят, – отрезал Мегдон. – Я сам поеду. Запрягай волов, кому говорят!

– А теперь нас накормите, воды согрейте и одежду свежую дайте, – приказала Оккула, не двигаясь с места.

Через полчаса Майя, умытая и одетая в новое платье, нетвердо ступая, внесла лохань горячей воды в комнату Оккулы. Чернокожая девушка нагишом растянулась на кровати. Испачканная сажей сорочка валялась на полу. Рядом с кроватью стоял глиняный горшок,

полный блевотины. Оккула приподняла голову и слабо улыбнулась.

– Тьфу ты, чуть сами не угорели! – сказала она. – Ничего, мерзавцам наверняка хуже нашего пришлось. Слушай, вынеси эту гадость, только чтоб никто не видел. Куда? А вон в окошко выплесни. И скажи мне, когда волов запрягут. Да, не забудь кого-нибудь за моим сундуком прислать!

Ближе к Хирдо проселок сменился мощным трактом, что шел от Теттита до самой Беклы. В Хирдо у работорговцев не было своего пристанища, как в Пуре, и живой товар размещали на одном из постоянных дворов.

Путь от Пуры до Хирдо занял четыре часа по самой жаре. Мегдон не стал надевать на рабынь тяжелые колодки, а просто сковал щиколотки тонкой, но прочной цепью, и все равно дорога утомила девушек. Майя, весь день размышляя о своих несчастьях и о предательстве матери, с трудом сдерживала слезы. Оккула шепотом то утешала ее, то осыпала угрозами, обещая лишить своего покровительства, если Майя посмеет расплакаться при Мегдоне. Надсмотрщик вел волов под уздцы и старался держаться как можно дальше от Оккулы. Сама Майя свою новую подругу тоже побаивалась, а потому слезам воли не давала.

На постоялом дворе Мегдон, к своему огромному облегчению, встретил помощника Лаллока по имени Зуно, который возвращался в Беклу из Теттита. В обязанности Зуно входил надзор за состоянием живого товара и учет рабов. Мегдон, призвав трактирщика в свидетели, торопливо передал девушек Зуно и тут же отправился в обратный путь.

Майя сочла молодого человека невероятно важным господином. Роскошное одеяние, велеречивая манера разговора и снисходительное безразличие совершенно сбили ее с толку. В присутствии Зуно она снова ощутила себя деревенской простушкой, выставленным на продажу телом, – впрочем, Майя всегда остро сознавала свое невежество. Ее отталкивала надменная холодность Зуно вкупе с его странным обличьем. От длинных волос и завитой бороды молодого человека исходил аромат сандалового дерева; на небесно-голубом абшае красовалось восемь фигурных костяных пуговиц, все разные, с изображениями рыбы, ящерицы, голого мальчика и тому подобное. Мягкие кожаные лосины в обтяжку были заправлены в зеленые полусапожки с золотыми кистями. В изящной плетеной корзинке, свисавшей с локтя, сидел пушистый белый кот. Говорил Зуно много, делано и неторопливо, хотя никакого особого смысла в его словах не было.

Несмотря на все это великолепие, в Зуно чувствовалась какая-то странная отчужденность, для Майи непонятная. За прошедший год она привыкла к любопытным и жадным взглядам мужчин и, сознавая свою привлекательность, понимала, что им приятно находиться в ее обществе. Так себя вели и громила Парден, и мерзкий косоглазый Геншед. Однако же в поведении Зуно сквозило нечто необъяснимое и чужеродное, будто сам он был пернатой ящерицей или трехногой птицей. С Оккулой и Майей он держался отстраненно – не столько из высокомерия, сколько из-за необъяснимого отсутствия естественного влечения. Поначалу Майя подумала, что Зуно недоволен поручением Мегдона, хотя и не имеет права отказаться, поскольку состоит на службе у Лаллока и все равно направляется в Беклу. Впрочем, поразмыслив, она решила, что, может быть, так себя ведут все бекланцы, – для Майи Бекла была так же неведома, как дно озера Серрелинда.

Больше всего Майю пугало то, что в присутствии Зуно поведение Оккулы разительно изменилось. Зуно, то ковыряя в зубах изящной костяной зубочисткой, то поглаживая кота в корзинке, лениво отдавал приказания, а чернокожая девушка покорно стояла перед ним, не поднимая глаз, и робко бормотала: «Да, господин! Нет, господин...» Наконец Зуно небрежно махнул рукой, веля девушкам удалиться. Оккула прижала ладонь ко лбу, поклонилась и

безмолвно вышла из комнаты.

Трактирщику велели запереть девушек на ночь в одной из комнат. Он накормил их ужином и просидел с ними за разговорами, сдобренными кувшинчиком вина, пока жена не напомнила, что другие посетители заждались. Чуть позже улыбчивая служанка принесла горячей воды, но свечи девушкам не дали.

– Боятся, что мы постоялый двор запалим да и сбежим, – вздохнула Оккула, устраиваясь в постели. – И как тебе нравится, что нас в Беклу этот одуванчик повезет?

– Не знаю, – уныло ответила Майя. – Странный он какой-то, мне нисколечко не нравится.

– Странно было бы, если б нравился, – усмехнулась Оккула. – Знаешь, банзи, негоже тебе расстраиваться из-за каких-то одуванчиков. Ладно, давай спать.

Под шум постоялого двора – крики выпивох, негромкие разговоры, звон посуды, шаги, хлопанье дверей – Майя крепко заснула.

Через несколько часов она раскрыла глаза. В комнате было темно – непонятно, то ли все еще за полночь, то ли уже скоро рассвет. Она встала с постели и подошла к зарешеченному окну. В небе ярко сияли звезды. Заря еще не занималась. Из трактира не доносилось ни звука. Все вокруг спали, бодрствовала только Майя, пытаясь привыкнуть к утрате дома, семьи и привычного окружения. Никогда больше она не вернется в родную хижину, никогда больше не ощутит уверенности в завтрашнем дне. Она с горечью вспомнила любимое присловье матери: «Никогда – это очень долго».

«Что же со мной станется? Каково быть рабыней? Что я буду делать? Кого встречу? – печально размышляла она и тут же по-детски любопытствовала: – И каких удовольствий ждать от жизни?» Увы, похоже, удовольствий не предвиделось. Неведомое будущее зияло бездонной чернотой. Майя прижала лоб к подоконнику и горько зарыдала.

– Банзи! – окликнула ее Оккула.

Майя вздрогнула от неожиданности – новая подруга просыпалась беззвучно – и расплакалась еще громче. Оккула повернула Майю лицом к себе, сжала в объятиях и, нежно укачивая, ласково погладила по голове:

– Ложись-ка ты в постель, банзи. Нечего у окна стоять и слезы лить. Кровать у тебя есть. И я у тебя тоже есть... если тебе этого захочется.

Она уложила Майю и легла рядом. Майя постепенно успокоилась, слезы высохли. Девушки лежали молча.

– Почему ты меня не разбудила? – наконец спросила Оккула.

– Ты же сама сказала, надо быть хитрой и смелой, – всхлипнула Майя.

– Ох, какая же ты глупышка, банзи! Это с мужчинами надо быть хитрой и смелой. О Крэн, как же я мужчин презираю! С ними я тверда как камень. Если б эти бастаные мерзавцы сегодня утром в дыму задохнулись, я слезинки бы не проронила. Но женщина не может все время быть твердой и суровой, ей любовь нужна, нежность и ласка, иначе она станет сволочью, вот как Геншед или Парден. Знаешь, Майя, я тебе правду сказала – я буду твоей верной подругой, стану тебя защищать, никогда не брошу. Хочешь, Канза-Мерадой поклянусь?! Из любой беды вызволю, ни за что не предам!

– Спасибо тебе, – сказала Майя, не в силах придумать, что бы еще на это ответить.

Кожа Оккулы пахла резкой, чистой свежестью, как кусок колотого угля. Чернокожая девушка притянула Майю к себе и погладила ее по щеке.

– Ты мне еще о себе ничего не рассказала, – вздохнула она. – Почему тебя мать продала?

Что между вами произошло?

Яркое воспоминание о Таррине обожгло Майе душу, затмило все ужасы последних дней: вот он улыбается, опутав ее сетями; вот смеется за кружкой вина в мирзатской таверне; вот задыхается от наслаждения; вот, прощаясь с Майей, целует ее на пристани.

– Таррин, – прошептала она.

– Кто это – Таррин? – спросила Оккула. – Он тебя любил?

– Не знаю. Да, наверное, – неуверенно протянула Майя. – С ним было весело. Я его так любила...

– Ах вот как? Ну-ка, расскажи поподробнее, – велела Оккула.

Майя, борясь с наплывом воспоминаний, робко начала рассказывать о Таррине.

– ...а потому матушка меня и продала, – вздохнула она. – Наверное, прознала как-то. Она всегда так – сначала все копит в себе, а потом взрывается.

– А он тебя станет искать?

Майя задумалась.

– Нет, не станет, я знаю, – наконец всхлипнула она. – Таррин – он такой...

– Ох, бедняжка! – прошептала Оккула, обняв Майю. – Я тебя никогда не брошу, в Зерай за тобой пойду и даже дальше.

Где-то вдали залаяла собака. На нее кто-то прикрикнул, и лай умолк. Воцарилась огромная, гулкая тишина.

– Я тебе нравлюсь? – спросила Оккула.

– Конечно, – удивленно ответила Майя. – А почему ты спрашиваешь? Как ты можешь мне не нравиться? Ты меня спасла и...

– Прошлой ночью? Подумаешь! Это пустяки. Нет, я не о том говорю. Скажи, нравлюсь я тебе или нет?

– Еще как нравишься! – горячо заверила Майя, не понимая, чем так взволнована подруга.

Оккула сжала ее в объятиях, мягкими пухлыми губами расцеловала Майе шею и плечи.

– Тебе с Таррином хорошо было? – спросила она.

– Да, – сонно протянула Майя, успокоенная теплом и тишиной, – в молодости душевные силы восстанавливаются быстро.

– А его ласки тебе нравились?

– Ага, – пробормотала Майя, нежась в мягкой постели и представляя, что рядом с ней лежит Нала.

– А как он тебя ласкал? Вот так?

– Ах! Оккула...

Мягкие пухлые губы прижались к губам Майи; кончик языка скользнул в рот; рука, пробравшись под сорочку, нежно гладила бедро.

– Он тебя подвел, правда? – прошептала Оккула. – Кому они нужны, мужчины эти! Трусы, лжецы, все как один, лишь бы погулять и бросить. Мы на них состояние заработаем, вот увидишь. А я тебя не подведу, банзи. Ты мне очень нужна, чтобы мне самой не пропасть. Поцелуй меня! Ну же, поцелуй, как я тебя поцеловала.

Майя растерянно замерла. Необычная, странная девушка привлекала своим всеведением, уверенностью в собственных силах и независимостью, что укутывали ее невидимым плащом. Она предлагала спасение от одиночества и от страха перед неведомым будущим. Если покориться Оккуле, она защитит и уберезет от беды. Когда-то Майя находила спасение в глубоких, зыбких водах озера, куда остальные заплывать боялись, держась

привычного, твердого берега. Так и Оккула – чернокожая, хитрая и жестокая, преданная неведомой, жуткой богине мести – теперь давала Майе убежище, отводила грозящие ей беды. Оккула принадлежала только ей, и больше никому. Майя крепко обняла ее, запустила пальцы в короткие жесткие волосы и страстно расцеловала щеки, губы и глаза подруги. Оккула, тяжело дыша, откинулась на подушки и рассмеялась.

– Сорочкуними, – прошептала она. – Нет, погоди, я сама. Вот, так тебе нравится? А так? Я тебе нравлюсь, банзи? Скажи мне, скажи!

Обнявшись, девушки лежали под одеялом.

– Ах, Оккула, я никогда не думала, что...

– Ш-ш-ш!

– Я спать не хочу.

– Я тебе не спать велела, а молчать.

– Ладно, я помолчу. А ты говори. Расскажи мне о себе – кто ты и откуда. Там все такие, как ты, – черные? И где твоя родина?

– Положи мне голову на плечо. Вот так. Ну, с чего же мне начать?

– Где ты родилась?

– Где я родилась? Хочешь, чтобы я расплакалась? Я все эти воспоминания похоронила под обломком скалы... ну знаешь, как Депариот в сказании. Давно уже... мне тогда меньше лет было, чем тебе сейчас. Похоронить-то я их похоронила, а во сне они все равно возвращаются. Однажды мне сказали, что шернами становятся девушки из неблагополучных семей. Вот только в моей семье все было хорошо. – Оккула помолчала. – Ты слыхала про Белишбу?

– Нет. А где это?

– Где Белишба? Ох, банзи, ничего-то ты не знаешь, глупышка. Белишба лежит далеко к югу от Саркида. Отсюда до Хёрл-Белишбы больше тридцати лиг, все на юг от Дарай-Палтеша. Но я родилась не в Хёрл-Белишбе.

– А где?

– На юго-западной оконечности Белишбы начинаются сухие степи, а за ними лежит громадная пустыня. Белишбанцы зовут ее Ведьмиными песками. В детстве я этого названия не знала, потому что родилась на другом краю пустыни – да-да, на другом краю самой страшной пустыни на свете. Мы называли ее по-своему – Говиг. Двести лиг каменистых холмов и песчаных равнин; двести лиг пустоты, только ветер воет и призраки вьются над барханами; двести лиг белесого неба и багровых туч, из которых никогда не проливается ни капли дождя.

Рассказу Оккулы Майя внимала с любопытством – он напомнил ей сказки старой Дригги.

– Там, за смертоносной пустыней Говиг, я и родилась. На моей родине живут люди с сердцами, горящими, как солнце. Они честны и прямодушны, добры и откровенны. Им нечего скрывать, и они ко всем относятся с теплом.

– А какая там местность?

– Плодородные равнины. Реки текут медленно, воду по каналам отводят на поля.

– Стада поить?

– Нет, там рис выращивают. Но я не из крестьянской семьи. Мой отец был купцом. Мы жили в Теджеке – его называют Серебряный Теджек, потому что река огибает его с трех сторон и белый песок на берегах серебрится под солнцем. Женщины выходят к воде стирать белье, а дважды в год на большой песчаной косе проводят ярмарку, дают представления в честь Канза-Мерады. Когда мне было три года, Зай повел меня на ярмарку. Я сидела у него на плечах и глядела на толпу, что колыхалась, как высокая трава под ветром. Отец мой был

очень высоким. Торговал он драгоценностями, но не так, как противные толстяки в домах с решетками, замками и охранниками. Нет, он был не просто купцом, а искателем приключений. Куда его только не заносило! Он даже у Великого моря побывал...

– А где это?

– Ох, потом объясню, не перебивай. Так вот, бывал он и там, и в заоблачном Селлион-Рабате, где воздух такой разреженный, что с непривычки дышать трудно, и в заснеженном Узаке, где обморозился чуть не до смерти, а на обратном пути на него разбойники напали, он с трудом от них отбил. С драгоценностями всегда так – их все хотят украсть. Поэтому Зай переодевался, менял обличье – то притворится сумасшедшим богомольцем, то гуртовщиком с упряжкой волов. Однажды прикинулся нищим калекой, а драгоценности в деревянной ноге спрятал. Мы никогда не знали, когда его домой ждать, – он месяцами не возвращался. Как-то раз Экундайо, мамина служанка, прибежала и говорит: «Там коробейник пришел, с резными раковинами и деревянными игрушками». Ну, матушка и вышла посмотреть – глядь, а это Зай вернулся. Экундайо его не признала, только я сразу догадалась. Честное слово!.. Ах, банзи, я тебе всю ночь могу про него рассказывать, да только лишние слезы мне ни к чему. А когда мне девять лет стукнуло, Зай решил пересечь пустыню. Помню, матушка его умоляла этого не делать. Никто не знал, как далеко простирается пустыня и что лежит ее за пределами. Говиг многие пытались перейти, но так и пропадали без вести, ни один не вернулся... А вот Зай вернулся. Он всегда домой возвращался. Он пересек Говиг за шестьдесят два дня и вышел к Бекланской империи. В Бекле он продал драгоценности – опалы, изумруды и сапфиры – за очень большие деньги. Целое состояние сколотил, только немалую сумму пришлось отдать за покровительство верховному барону Сенда-на-Сэю, тому самому, в чьих конюшнях мы вчера ночевали. В Бекле у барона был роскошный особняк, там Зай и остановился. В чужой стране без покровительства торговать драгоценностями очень опасно. Как Зай по-беклански говорить выучился, я не знаю – наша речь на бекланскую не похожа, ты же слышала... Ну, вернулся Зай домой и сразу в обратный путь собрался. «Там очень выгодно товар можно сбыть, – объяснил он матушке. – Теперь я знаю, кому и что продавать, возьму с собой вдвое больше. Опасно, конечно, но жизнь полна опасностей». Такой уж он был человек, рискованный и бесстрашный. Ничего не боялся.

– И дочь в него пошла, – прошептала Майя.

– Правда? Так вот, он решил еще раз в Беклу сходить, чтобы снова состояние заработать. Хотел взять с собой пятерых крепких парней, чтобы на охранников денег не тратить.

– Чернокожих?

– Ну да. На моей родине, банзи, тебя бы разглядывали, как диковину. Там все люди чернокожие, понятно? Только уговорить парней оказалось трудно, потому что Говига все боялись и даже не верили, что Зай жуткую пустыню два раза пересек. Он целый год к походу готовился, набрал товар, провизией запасся, спутников себе нашел. Мне тогда одиннадцать было, я все хорошо помню... И тут в Теджек пришел смертельный недуг. О Канза-Мерада, сколько жизней чума унесла! Так много людей умерло, что хоронить было некому. Трупы бросали на речную косу на растерзание бродячим псам и хищным птицам. Меня из дому не выпускали. А через два месяца матушка заболела. Помню, жаловалась Заю: «О Бару, как сладко пахнет!» Отец услышал и зарыдал – понял, что это означает.

– Померла? – дрожащим голосом спросила Майя и натянула на себя одеяло.

– Померла. И Экундайо тоже. Ох, банзи, лучше не видеть того, что я видела! Знаешь, песня есть такая... – Оккула задумалась, вспоминая, потом тихонько пропела что-то на

своём языке. – Я уж слова позабыла. «Матушка уснула вечным сном, отец слезами захлебнулся, а серп богини не знает отдыха...» Через полгода в доме остались только мы с Заем, кто из слуг не помер, те сбежали. Отец усадил меня к себе на колени – помню, за окнами ветер выл – и сказал, что все равно отправится в путь через Говиг. «Не за богатством, доченька, – объяснил он. – К чему мне теперь оно? Может, тебе пригодится. Незачем мне здесь оставаться. Как жить на свете одному? Из тех, с кем я договаривался, трое от чумы убереглись, со мной пойдут, я знаю. А вот что с тобой делать, красавица моя? Где ты будешь меня дожидаться?» Я ответила, что с ним пойду. Он рассмеялся и сказал, что я не выдержу, помру в дороге. Только я его предупредила, что, если он меня с собой не возьмет, я в реке утоплюсь. Так и вышло, что он меня с собой взял. Все кругом говорили, что он помешался от горя, – только безумец одиннадцатилетнюю девчонку в пустыню поведет. Он и впрямь сам не свой был, понимаешь? Он мою матушку очень любил и тосковал страшно. Потому и решил в пустыню уйти, чтобы забыть обо всем.

Как мы в путь отправились, меня просто распирало от гордости. Отец меня снарядил как полагается, даже нож дал и научил, как с клинком обращаться, ведь в пути всякое может приключиться. Я изо всех сил старалась никому обузой не быть, свою поклажу сама несла и шла с отцом за руку, со всеми наравне. Поначалу было легко, ведь чем дольше идешь, тем лучше получается. Иногда Зай меня к себе на плечи усаживал, но не часто, хотя я его не просила. Я стряпала, одежду штопала, ловила ящериц и саранчу – в пустыне всё едят, понимаешь? Шли мы ночами – днем нельзя, потому что жарко. Зай первым сообразил, как по звездам путь прокладывать, так мы и шли, по звездам, иначе бы заплутали и сгинули. Путь наш лежал на восток. Как звезда всходила, мы к ней шли, а чуть погода – к другой звезде, которая на месте прежней загоралась. Главное было со звезды глаз не спускать, чтобы не заблудиться. А как заря занималась, Зай нас останавливал, мы лагерь разбивали, костер разводили из пустынной колючки, еду готовили, когда было из чего. Потом искали, где бы от зноя укрыться. Иногда находили пещеру или овражек – тибас по-нашему, – но чаще мочились на шкуры, заворачивались в них и зарывались в песок, чтобы тело жар не иссушил.

А еще Зай умел воду находить. В пустыне нет ни ручьев, ни родников, изредка встречается колодец или озерцо, рядом с ними колючки растут, и птицы туда прилетают. Но чаще вода под землей собирается лужицей или просто жидкой грязью. Чтобы ее найти, надо следить за насекомыми, но лучше – с лозой искать, это волшебство такая, не знаю, как и объяснить. Берешь в руки прутик с рогулькой на конце, он тебе показывает, где вода. Иногда приходилось грязь сосать, но я ни разу не жаловалась.

За ночь мы три лиги проходили. Песок мягкий, сыпучий, идти по нему трудно, ноги вязнут. Зай отсчитывал дни зарубками на палочке. Пустыню мы перешли за пятьдесят пять дней, быстрее, чем прежде, потому что отец приспособился и путь знал, вел нас от одного места к другому. И не давал унывать. Я всегда верила, что отец нас не погубит, от смерти спасет, не сомневалась, что он нас переведет через Говиг, хотя страшно было до жути, когда барабаны били.

– Барабаны? – переспросила Майя.

– В пустыне всякое мнится: и слышится, и видится. Я от страха окаменела, когда барабаны услышала – и не ночью, а белым днем. Злые силы путникам угрожают, не хотят, чтобы Говиг пересекали. Нас Канза-Мерада спасла. Я однажды видела, как она шествует по пустыне в огромном песчаном смерче, выше, чем Красная башня в Теджеке. Ужасное зрелище. Хорошо, что богиня лицо отвратила, иначе бы мы все умерли. Так Зай объяснил.

Ну, пересекли мы Говиг. Только осталось нас не пятеро, а четверо: один из охранников помер от укуса – к нему в одеяло крептур забрался, а М’Тесу одеяло не встряхнул, забыл. От края пустыни до Хёрл-Белишбы лиг семь. В Хёрле у Зая были знакомцы, они ему и прежде помогали. Мы у них пожили, набрались сил, переоделись в местную одежду, не в новую, конечно, но и не в лохмотья, чтобы не так сильно выделяться. За помощь Зай пообещал на обратном пути расплатиться бекланской монетой. Слово его было крепкое, ему доверяли.

А уж оттуда мы в Беклу отправились. От Хёрл-Белишбы до Беклы шесть дней пути. На полдороге надо перейти через Жерген по островному мосту, что называют Ренда-Нарбой. В том месте Жерген шириной всего триста локтей.

Только когда мы в Беклу пришли, оказалось, что в городе волнение и суматоха. Война началась, у власти – непонятно кто, везде беспорядки. Восстание Леопардов случилось, то самое, когда Дераккон престол захватил с помощью Форниды, Кембри и остальных. Вот мы в самую неразбериху и угодили. Зай отправился напрямик в особняк Сенда-на-Сэя, но барон уехал на восток, в Тонильду. Его дворецкий отвел нам комнаты в доме прислуги, велел дожидаться, пока все не успокоится, а там и Сенда-на-Сэй вернется. Только напрасно мы надеялись, что вскоре все устроится...

С виду в городе было спокойно, убивали все больше украдкой. Никто не знал, кто жив, кто погиб, а уж кто всем заправляет – и подавно неизвестно было. Зай говорил, что в смутные времена купцам нелегко, а потому надо затаиться и выжидать, чем все закончится.

Больше всего Леопардам хотелось избавиться от Сенда-на-Сэя и его сторонников. Владычица – ее называли благой владычицей, наместницей Аэрти – им не мешала, с ней легко было справиться. Но все это я узнала много позже, а тогда ощущала только страх, окутавший город. Знаешь, зачастую дети лучше взрослых понимают, что происходит.

– Да, – вздохнула Майя.

– Так вот, зловещий вихрь восстания разрушил крестьянские хозяйства, лишил страну мира и покоя, смел с престола законных правителей Беклы, а нас поверг в пучину несчастья. Погоди, сейчас я тебе все расскажу.

Однажды жарким днем я сидела у окна в столовой, в крыле для прислуги, и глядела сквозь затворенные решетчатые ставни на купавшихся в пыли воробьев. Надо было одежду штопать, но от зноя меня разморило. Внезапно двойные двери распахнулись и в столовую вошла женщина. Спросенок я решила, что это богиня спустилась с небес в солнечном сиянии. Понимаешь, у нее была грива ярко-рыжих волос, и они пламенели, рассыпавшись по белоснежным плечам, что отливали перламутром. Незнакомке было лет двадцать шесть. Свободное бледно-зеленое одеяние, расшитое золотыми нитями, скреплял золотой пояс на талии; на запястьях блестели золотые браслеты; сквозь невесомую, полупрозрачную ткань просвечивало тело. Сопровождали красавицу четыре или пять девушек – одна несла веер, другая придерживала шлейф. Следом вошел воин с мечом у пояса. Я застыла у окна, изумленно разглядывая процессию, но на меня никто не обратил внимания.

В столовой почти никого не было, только несколько слуг и мой отец со спутниками. При появлении женщины все почтительно встали, а она огляделась, увидела Зая – его сразу замечали, – подошла к нему и спросила: «Ты – торговец драгоценностями из-за Ведьминых песков?» Зай растерялся, потому что об этом знал только дворецкий, а красавица, заметив его замешательство, сказала: «Доверься мне, У-Бару, я близкий друг барона Сенда-на-Сэя. Вот его перстень, видишь? Барон мне его вручил, чтобы развеять твои сомнения, а сам он приедет завтра».

Зай, разглядев баронскую печать на перстне, показал красавице драгоценности – опалы, сапфиры и все остальное. Она, мурлыча как кошка, стала примерять их и любоваться собой в серебряном зеркале, которое держала одна из служанок.

Меня незнакомка напугала, ведь от страха перед ней даже ее служанки дрожали. Мужчин она очаровала, и мой отец тоже поддался ее чарам. Такие женщины всегда сводят мужчин с ума, превращают их в глупцов, а эта красавица разбудила бы страсть в каменном истукане.

Наконец она милостиво изрекла, что купит все драгоценности, и пообещала щедро вознаградить Зая, но велела дожидаться возвращения Сенда-на-Сэя, мол, тогда они с бароном за все расплатятся. После этого она удалилась вместе со свитой.

Мы, то есть Зай и его спутники, решили, что красавица – знаменитая шерпа, которая ублажает Сенда-на-Сэя, но отец удивился, потому что прежде гостей и купцов Сенда-на-Сэй всегда принимал с женой, а не с любовницей.

Тогда мы даже не догадывались, что Сенда-на-Сэй погиб. Леопарды схватили дворецкого, и он рассказал им обо всем, что знал, лишь бы спасти свою жизнь. Упомянул он и о торговце драгоценностями. Неизвестная красавица, Форнида из Палтеша, стала новой благой владычицей, наместницей Аэрты, а предшественницу свою убила.

– Так она и сейчас владычица? – спросила Майя.

– Да, вот уже шесть с половиной лет она считается смертной спутницей вашего бога Крэна, наместницей Аэрты. Тебе о ней известно?

– Таррин говорил, что, пока бог в нее влюблен, империя процветает. Она – священный оберег страны, поэтому ей позволено все.

– Верно, ей позволено все. Ну, слушай дальше. Зай со спутниками вместе со слугами ночевали, а меня отправили в женское крыло. Одна из служанок обо мне заботилась, я спала в ее комнате, еще с двумя девочками. Как обычно, вечером мы с отцом вознесли молитвы Канза-Мераде, а потом он меня поцеловал и уложил спать. Больше я его не видела. Ночью Леопарды ворвались в особняк, убили Зая со спутниками и украли все драгоценности.

– А как они их нашли? Ты же говорила, что отец их спрятал?

– Любого можно заставить обо всем рассказать, – вздохнула Оккула и умолкла.

– А с тобой что стало?

– Знаешь, прежде я жалела, что меня не убили. Наутро, когда все раскрылось, девочки расплакались, не хотели мне говорить, что произошло. Погибли только Зай и его люди. Леопарды захватили особняк и всех слуг, а меня решили продать в рабство, потому что я знала об убийстве отца. А может, им просто денег захотелось. Так вот, продали меня не на рынке, а на заказ. В Беклу из Теттит-Тонильды приехала Домрида за девушками для «Лилейного пруда» – так ее заведение называется. Точнее, тогда оно еще ей не принадлежало, она только помогала им управлять. Девушек она предпочитала молоденьких, которых обучать легко. А девушка с черной кожей – редкость, ценный товар, таких прежде никто не видел.

Домрида пообещала со мной хорошо обращаться, если я буду во всем поступать как велено. «Не повезло тебе, – сказала она, – да только ничего не поделаешь, раз уж так случилось. Женщинам всегда тяжело – и тебе, и даже мне, но если ты будешь послушной девочкой, то я тебя не обижу». И слово свое она сдержала, даром что старая корова. Суровая она, твердая как скала, но и меня закалила и ничем не обидела.

Поначалу я думала, что слезы у меня никогда не высохнут. Не знаю, как не померла от

горя. Вместе со мной Домрида купила еще четырех девчонок, моих сверстниц, им тоже было о чем горевать, но они Говиг не пересекали, а потому я решила, что я – лучше. Вдобавок, хоть Зай и погиб, я все равно оставалась его дочерью, так что плакать мне было не к лицу.

Вот, значит, освоила я нужную науку и превратила себя в неприступную крепость: мужчины снаружи, а я – внутри вместе с Канза-Мерадой. Я им отдавалась, но себя не отдавала, понимаешь? Выучилась играть на киннаре, петь, танцевать «Серебряный зард» и «Козу в круге». Все меня хвалили, Домриде рассказывали, что лучше меня нет никого, – вот дурачье! Знаешь, банзи, если вокруг себя стену возвести, то за ней тебя никто не тронет, не сомневайся. Так что слушай, что я тебе говорю, и все будет хорошо.

Из моего заработка мне щедрая доля доставалась. Понимаешь, я Домриде по нраву пришлось – об этом я сама позаботилась. Деньги я тратила с умом, на наряды, притирания и украшения, потому что на будущее загадывала. Я не собиралась в «Лилейном пруду» до гроба корячиться – шесть лет там отработала, а потом решила, что пришла пора жизнь переменить.

– И Домрида тебя отпустила? – удивилась Майя.

– Не так все просто, банзи. Домриду я долго уламывала. Вот однажды, месяца три назад, я ей и сказала: «Сайет, не хотите меня в Беклу послать? Для вашей же выгоды?» Она недоуменно на меня посмотрела, любимое лакомство за щеку запихнула и поинтересовалась, зачем это. Я ей объяснила, что в Бекле от меня будет много пользы: я буду новости выведывать и ей сообщать. Времена сейчас смутные, обо всем знать важно. Вдобавок ей легче будет выгодные сделки через меня заключать и не придется на рынок в Беклу за товаром ездить.

– А как же ты собиралась все это устроить, если тебя другому хозяину продадут?

– Ох, банзи, ты думаешь, я в рабыни метила? Нет, я хотела, чтобы Домрида мне вольную дала, чтобы я в Бекле шерной стала. Только Домрида на это не пошла – теперь я понимаю, что размечталась, слишком много о себе возомнила. Короче говоря, она согласилась продать меня крупному торговцу в Бекле, который обещал меня пристроить в хороший дом, к важным господам. «Я с Лаллоком встречаюсь, про тебя расскажу, – объяснила мне Домрида. – У него прекрасные связи, он поставляет товар самым богатым и влиятельным Леопардам. А как он тебя пристроит, ты со мной свяжись – я стану через тебя сделки заключать и вознаграждением не обижу». Так все и случилось. Лаллок за меня десять тысяч мельдов заплатил и посулил еще две тысячи, если продаст меня больше чем за четырнадцать. Из этих двух тысяч мне пятьсот причитается. Это немного, конечно, но нам с тобой на первое время хватит. Главное – хорошенько их припрятать. Теперь ты понимаешь, из-за чего я так беспокоюсь? Мне свое достоинство никак нельзя ронять. Лаллок велел Мегдону меня из Теттита в Беклу отвезти, но этим мерзавцам все равно – ценный товар или дешевая подстилка. Так что пришлось свое положение с боем отвоевывать.

– А как же У-Зуно? – спросила Майя. – Ты с ним себя очень смиренно держишь.

– Ну, с одуванчиками иначе нельзя. Себя я ему предложить не могу, а перечить ему – только врага наживать.

– А почему?

– Как это – почему? Ты что, не знаешь... – Тут Оккула пустилась в подробные объяснения.

Майя изумленно заахала и засыпала подругу вопросами.

– ...так что ублажать его нам нечем, – вздохнула чернокожая девушка. – И никаким колдовством его не проймешь. Умен, паршивец, и дело свое знает. Высоко метит, далеко

пойдет, помяни мои слова.

Девушки помолчали.

– Ты спишь? – тихонько спросила Оккула.

– Ага, – сонно пробормотала Майя.

– Ох, слышишь? Далеко-далеко...

– Что?

– Петухи кукарекают.

– Не-а, не слышу.

– Светает уже.

Майя протерла глаза и подбежала к окну. На востоке в безоблачном небе занималась заря. Издалека донесся петушиный крик. Майя поежилась от утренней прохлады, обхватила себя за плечи.

– Ну вот, новый день настал, – вздохнула Оккула. – Только двери еще долго не отопрут. Ложись-ка ты, банзи, я тебя утешу. Тебе понравится, не сомневайся.

Мнение Оккулы о Зуно – впрочем, как и о многом другом – вскоре подтвердилось. Он был куда умнее Мегдона. Требовательный и беспристрастный, он тем не менее обращался с девушками примерно, ожидая взамен только беспрекословного повиновения и почтительного уважения. Девушки, став частью его свиты (как кот), должны были держать себя с подобающим приличием и достоинством, дабы не оскорбить изысканный вкус Зуно. Послушание Оккулы и ее готовность не только исполнять приказы, но и преклоняться перед мудростью решений молодого человека убедили его, что она девушка разумная, ей можно доверять.

Великолепное одеяние Зуно, его властная сдержанность и четкие распоряжения привели к тому, что девушек немедленно окружили заботой, хотя жене трактирщика и пришлось превозмогать недовольство. Впрочем, винить ее было нельзя: Оккула из шалости попросила трактирщика – он сразу же согласился – помочь ей удалить соринку из глаза, а потом вытащить занозу из Майиной ноги. Надо ли говорить, что ни соринки, ни занозы не существовало? Как бы то ни было, девушкам дали отоспаться, и Зуно послал за ними только часа за три до полудня.

Зуно с котом путешествовали в екже – легкой повозке с плетеными стенками и матерчатым навесом, на двух высоких колесах. Оккула старательно изображала неведение, хотя прекрасно понимала важность того, что Лаллоку принадлежала и повозка, и впряженные в нее рабы-дильгайцы, которые по-беклански знали только приказы и всю дорогу негромко переговаривались на своем языке.

Перед отъездом Оккула почтительно испросила у Зуно милостивого разрешения на то, чтобы их с Майей не привязывали к повозке, а позволили чинно идти рядом.

– Вам наверняка известно, мой господин, – начала она, умоляюще сложив руки и смущенно опустив глаза, – что госпожа Домрида соизволила удовлетворить мою искреннюю мольбу и согласилась продать меня господину У-Лаллоку. Достичь Беклы – предел моих желаний. А моя спутница – совсем еще ребенок. Вы удостоите меня великой чести, если примете мои заверения в нашем безупречном поведении.

– Прекрасно, – ответил Зуно, зевая. – А что у тебя в сундуке? Он тяжелый?

– Ах, мой господин, в нем только наряды и безделушки.

– Что ж, пристрой его в повозку рядом с моими вещами, – благосклонно разрешил Зуно. – И запомни мои слова: идти вы должны следом за повозкой, не отставая и не торопясь. Не болтайте и ведите себя прилично, иначе я велю вас в кандалы заковать.

– Слушаю и повинуюсь, мой господин, – смиренно ответила Оккула.

Двенадцать лиг от Хирдо до Беклы Зуно намеревался проехать за два с половиной дня. Спешки он не любил и считал, что степенное путешествие приличествует его высокому статусу. Вдобавок ритм поездки задавало и расположение постоянных дворов, где Зуно предпочитал останавливаться: сначала в Хесике, в четырех лигах от Хирдо, а затем в Накше, за пять лиг от Хесика. Как ни странно, девушки такой неспешностью были не очень довольны. Майя хотя и ощущала приступы душевной боли и тоски по дому, но благодаря неустанным заботам Оккулы чувствовала себя гораздо лучше и, вдохновленная храбростью и уверенностью подруги, стремилась поскорее увидеть Беклу. «Даже Таррин в Бекле не

бывал, – восторженно думала она. – Ах, если нас с Оккулой не разлучат, может, все еще и устроится. А пока зря тревожиться незачем». В путь Майя отправилась с радостью.

Утренняя прохлада еще не сменилась полдневным зноем. Идти было приятно. Шелестела листва, из придорожных кустов вылетали юркие зяблики и серые дерновки, колеса ежжи мерно постукивали. Майе хотелось идти быстрее, но Оккула молча одергивала ее, напоминая, что шагать нужно чинно и неторопливо, как того требовал Зуно.

Путь лежал через дикую, необжитую местность. С одной стороны дороги простиралась равнина, покрытая жухлой травой, кое-где виднелись рощицы и заросли кустарника. Когда-то, во времена Сенда-на-Сэя, вдоль тракта ездили стражники, охраняли путников от нападения разбойников. За шесть с половиной лет правления Леопардов дорожное полотно покрылось колдобинами и рытвинами, а путники теперь полагались только на свою охрану. Впрочем, Лаллок не жалел денег на защиту своих слуг и живого товара.

Ближе к полудню девушки своими глазами удостоверились в брезгливом безразличии Зуно к низменной опасности. Повозка подкатила к изножью пологого холма, поросшего высокими деревьями и густым кустарником. Дильгайцы умили шаг и с усилием налегли на постромки. Тут из зарослей вышли трое мужчин злодейского вида, с тяжелыми дубинками в руках, и преградили им путь. Дильгайцы остановились. Оккула схватила Майю за руку и притянула к себе.

– Как бы беды не случилось, – прошептала чернокожая девушка. – Ты виду не подавай, что напугана, а если я велю, беги со всех ног.

На несколько секунд воцарилось молчание. Дильгайцы, будто понимая, что они интереса для разбойников не представляют, понуро замерли, как волы.

– Будьте добры, отойдите с дороги, пожалуйста, – с холодной невозмутимостью произнес Зуно.

– Вот сделаем, за чем пришли, и отойдем, – ухмыльнулся один из разбойников.

Трое оборванцев медленно двинулись к повозке. Оккула отступила на шаг и потянула Майю за собой.

– Стойте спокойно, – небрежно велел им Зуно, не оборачиваясь, и осведомился у главаря: – Позвольте узнать, вы, случайно, не у Шиона в услужении?

– А тебе какая разница? – встрял один из громил.

Главарь цыкнул на него и ухмыльнулся:

– Позволить-то мы тебе позволим, господинчик, а вот отвечать на твои бастаные вопросы не собираемся.

– Правда? – любезно уточнил Зуно. – В таком случае разрешите мне показать вам кое-что любопытное.

Снисходительная невозмутимость молодого человека повергла разбойников в некоторое недоумение, и они молча ждали, пока он не достанет что-то из-под сиденья повозки.

– Ах, да вот же оно! – пренебрежительно промолвил Зуно и с некоторым отвращением помахал рукой. – Видите? Жетон, выданный Шионом в Бекле лично господину У-Лаллоку в знак безопасного пути по означенной дороге. Если вы действительно состоите у Шиона на службе, то жетон этот вам знаком. А если не состоите, то я настоятельно советую вам поскорее отсюда убраться, потому что дорога эта находится во владении Шиона.

Главарь уставился на жетон. Майя так и не поняла, признали разбойники знак или нет, но заметила, что они встревожились и, недовольно ворча, освободили путь. Зуно с нарочитой медлительностью опустил жетон в кошелек, спрятал его под сиденье, уселся поудобнее,

щелкнул пальцами и велел рабам:

– Вперед! И поосторожнее, на ухабах не трясите!

Майя шла по той стороне дороги, где сгрудились разбойники, и ступала, не поднимая глаз, боясь, что на нее вот-вот обрушится удар дубины. Даже Оккула дышала тяжело. Однако ничего не случилось. Чуть позже девушки набрались смелости и украдкой оглянулись, но позади уже никого не было.

– Уф, никогда не думала, что буду благодарна мужчине, а тем более – одуванчику, – прошептала Оккула, утирая вспотевший лоб. – Да, умен он, ничего не скажешь. Ты хоть поняла, банзи, что разбойники на нас зарились? Видела, как они на тебя уставились? Ох, Крэн и Аэрта, как я рада, что не пришлось под этих оборванцев ложиться!

– Они что, хотели...

– А что такого? Не горло ж перережут, – отшутилась Оккула. – Но тогда мы бы в Беклу не попали, так бы и сидели в какой-нибудь дыре. Нет, я придумаю, как нашего Зуно отблагодарить, не сомневайся.

После полудня Зуно велел свернуть с дороги и остановил повозку на опушке падубовой рощицы, где среди осоки и лиловых свечек плакун-травы журчал ручеек. Над водой носились сверкающие стрекозы; остро пахло мятой. Зуно накормил кота, вручил девушкам еду – хлеб с сыром – и велел им удалиться, а сам расстелил на траве накидку и улегся вздремнуть в тенечке. Только Оккула с Майей отошли шагов на двадцать, как Зуно приподнялся на локте и крикнул им вслед:

– Далеко не уходите, я вас дважды звать не буду.

– Мы по первому зову придем, мой господин, – почтительно заверила его Оккула.

Девушки двинулись вниз по ручью, почти пересохшему от жары, – в русле остались лишь мелкие озерца, глубиной от силы по пояс, разделенные узкими полосками гальки, через которую перекатывалась блестящая пленка воды. Из рощи доносились трели дамазина. Полуденный зной обжигал.

– Давай искупаемся, – предложила Майя. – Поесть мы всегда успеем.

– Иди пока сама, – ответила Оккула. – Я к тебе чуть позже присоединюсь. Дильгайцев не бойся, они подглядывать не будут. А если вдруг кого увидишь, как вот сегодня утром, не прячься, а кричи что есть мочи и беги со всех ног к нашему господину кошатнику, понятно? – Она расцеловала Майю в обе щеки и скрылась в камышах.

Майя, успокоенная привычным одиночеством и журчанием воды, быстро сняла платье, забралась в самое глубокое озерцо и сделала пару гребков, хотя на мелководье плавать было неудобно. Потом она вылезла на противоположный берег и с удовольствием растянулась у воды, слушая песню дамазина и наслаждаясь прохладным течением ручья.

– Меня красавицей считают, – пробормотала она. – Что ж, может, мне и впрямь повезло.

В своей наивности Майя никогда не задумывалась о будущем, довольствовалась настоящим, и в тот миг ей и правда казалось, что она счастлива: какие бы беды ни сулила ей судьба, в конце все будет хорошо.

Чуть позже она лениво плеснула воды себе меж грудей, приподняла их, сжала, так что вода лужицей собралась в ложбинке, и отпила, а потом решила проверить, куда делась Оккула. «Чем она там занимается? Надо ее найти и заставить искупаться», – подумала Майя, надела сорочку и пошла вверх по ручью, туда, где подруга скрылась в камышах.

Через минуту Майя встревоженно замерла и прислушалась: издалека доносился ровный, уверенный голос Оккулы, будто она что-то неторопливо рассказывала.

Майя подкралась поближе, но подруги не увидела, только слышала ее размеренную речь:

...И когда она вошла в пятые врата,
С пальцев ее сняли золотые перстни.
«О, что это вы со мной делаете?»
«Всесильны законы подземного мира, о Канза-Мерада,
Смирись и молчи...»

Оккула, продекламировав две последние строки, неожиданно встала в полный рост, раскинув руки, спиной к Майе. Подругу Оккула не замечала. Немного помолчав, она снова опустилась на колени, а потом распростерлась на траве, прижав ладони ко лбу.

И когда она вошла в шестые врата,
С груди ее сняли драгоценное ожерелье.
«О, что это вы со мной делаете?»

Оккула еще раз поднялась и взгляделась в деревья, будто отвечая невидимому собеседнику:

«Всесильны законы подземного мира, о Канза-Мерада,
Смирись и молчи...»

Чернокожая девушка говорила глубоким, низким голосом, будто играя роль. На щеках Оккулы блестели слезы. Она снова опустилась на колени, всхлипнула и произнесла:

И когда она вошла в седьмые врата,
С тела ее сняли роскошное одеяние владычицы.
«О, что это вы со мной делаете?»

Оккула опять поднялась, содрогаясь от рыданий.

«Всесильны законы подземного мира, о Канза-Мерада,
Смирись и молчи...»
И по слову темных судей, что истязает душу,
Канза-Мерада, великая богиня, стала трупом,
Поруганное тело повесили на крюк...

Скорбь Оккулы была такой неподдельной, что Майя не выдержала, бросилась к подруге и схватила ее за руку.

Оккула гневно сверкнула глазами:

– Ты что здесь делаешь? Я же тебе велела меня у ручья дожидаться!

– Ах, не сердись, – взмолилась Майя. – Я не хотела тебя обидеть. Просто ты так терзалась, что мне страшно стало. Что случилось? Это молитва такая, да? Я слышала, как ты зывала к Канза-Мераде...

Оккула молча огляделась, будто приходя в себя.

– Прости меня, банзи, – наконец промолвила она. – Ты ни в чем не виновата. Я же сама обещала за тобой присматривать, вот богиня тебя и послала ко мне...

Майя расхохоталась.

– Нет, я не над тобой смеюсь, – объяснила она. – С чего бы это твоей богине меня тебе посылать?

Оккула ничего не ответила.

– А что дальше с Канза-Мерадой случилось? – торопливо продолжила Майя. – Ты такие ужасы сказывала, про темный мир... Как-то грустно все это.

– Сейчас не время, конечно, – рассеянно пояснила Оккула. – Это зимний ритуал богини. Надо бы на теджекском, только я слова забыла, теперь мне по-беклански легче говорить.

Помолчав, она прошептала:

Канза-Мерада великих небес возжелала,
Великих недр возжелала.
Подземного мира всеильны законы,
Вековечны ему приношенья...

– А как она умерла? – спросила Майя. – Ну, ты же только что сказала, что она стала трупом?

– Богиня ради нас с жизнью рассталась, добровольно приняла страшные муки.

– А потом? – не унималась Майя, будто чувствуя, что история еще не закончена.

– Через три дня и три ночи... Ах, банзи, долго рассказывать, – вздохнула Оккула. – А дальше было вот что:

...Обещенный труп шестьдесят раз живой водой омыли,
Шестьдесят раз живую траву к нему приложили.
Канза-Мерада встала,
Канза-Мерада из подземного мира вышла,
И малые демоны за ней по пятам...

Ну а после этого она долго бродила по миру... Ой, банзи, всего не пересказать! Долго ли, коротко ли, Канза-Мерада возродилась, обрела спасение, понимаешь? Вот и меня богиня спасет! Я все, что угодно, ради этого сделаю и тоже спасение обрету.

– Все, что угодно?

– Да, все, что угодно, вопреки всему.

Оккула сжала Майину ладонь и с невыразимым отчаянием взглянула на подругу. Майю это напугало – она привыкла к невозмутимости и уверенности своей чернокожей приятельницы.

– Да, конечно, – пробормотала Майя. – Конечно, ты обретешь спасение. Только что ты

для этого сделать должна?

– Возвращайтесь к повозке, нам в путь пора, – раздался голос Зуно.

– Доешь-ка свой хлеб с сыром, – велела Оккула Майе. – До Хесика еще далеко, успеешь проголодаться.

Отвергнутое предложение

Хесикская таверна называлась «Лук и колчан» и стояла на пригорке в западной оконечности деревушки, там, где тракт из Хирдо сворачивал на бекланскую равнину. Здесь, в семи лигах от столицы, путников стало больше – к дороге выходили многочисленные проселки с юга и с севера. На подходе к Хесику из-под ног вздымались клубы тонкой белой пыли, мешали дышать. Майя с удивлением разглядывала людей: отряд вооруженных стражников маршировал в Теттит, навстречу им тесной группкой шли коробейники, следом за ними брел оборванный менестрель с зачехленной киннарой на плече; уртайские гуртовщики, гортанно перекрикиваясь, гнали стадо овец; жрец бога Крэна выступал в гордом одиночестве, под защитой традиционного облачения и множества амулетов; шестерка белишбанских рабов несла занавешенный паланкин, где подремывал полураздетый толстяк, не обращая внимания на шум и гам.

У трактира на лужайке собрались человек тридцать или сорок: кто подзывал разносчика с кувшином вина, кто просто отдыхал в ожидании ужина, кто проверял воловью упряжь, кто грузил повозку. Чуть поодаль слушатели тесным кружком обступили седовласого сказителя, который, похоже, знал свое дело, – прервав рассказ, он пустил по кругу плоску для сбора подаваний, и в нее дождем посыпались мелкие монетки. Ласковые лучи заходящего солнца скользили по лицам девушек и мягко освещали луг. По траве поползли длинные тени.

Дильгайские рабы помогли Зуно выйти из повозки и вручили ему корзинку с котом. Зуно оправил свой наряд, велел дильгайцам поставить ежжу в сарай, кивнул Оккуле – мол, следуйте за мной – и направился по склону к парадному входу.

В толпе у таверны было несколько женщин, и одна из них приветливо поздоровалась с девушками. Майя подхватила сундук Оккулы и украдкой улыбнулась незнакомке, но, памятуя о тщеславной гордости Зуно, на приветствие не ответила.

Впрочем, Зуно пребывал в прекрасном расположении духа – то ли потому, что до Беклы было уже недалеко, то ли оттого, что ловко разобрался с разбойниками. Он назвал трактирщику свое имя, не забыл упомянуть, у кого служит, и потребовал разместить девушек в подходящем помещении. Оккула горячо поблагодарила его за заботу, и он милостиво сообщил, что удовлетворен их сегодняшним поведением. Вдобавок он заметил, что такие послушные и разумные девушки наверняка быстро усвоят необходимую науку и добьются успеха в Бекле. Оккула не стала ему напоминать, что науку она уже шесть или семь лет как усвоила, а учтиво ответила, что безмерно польщена его добрыми словами.

– Ах, мой господин, ваше доброе мнение для нас – огромная честь, – проворковала она. – Вы ведь не понаслышке о важных господах знаете, вы и сам человек искушенный и светский. Мы вам благодарны за вашу доброту.

– Что ж, – рассеянно произнес Зуно, – пожалуй, я позволю вам со мной отужинать.

Оккула восхищенно ахнула и со значением поглядела на Майю, притворившись, что ее ошеломила такая невиданная благосклонность.

– Умойтесь хорошенько и приведите себя в порядок, – велел Зуно. – А потом приходите в господский обеденный зал, на втором этаже, вон туда, вверх по лестнице. И не мешкайте. Как тебя зовут? – обратился он к Майе.

– Майя, мой господин. С озера Серрелинда.

Зуно резко кивнул, недовольный тем, что она посмела сообщить ему больше, чем он хотел знать, и отправил девушек в отведенную им комнату.

Оккула бросилась к своему сундуку и достала темно-красный пеллард с короткими рукавами и узкой юбкой со складками на лапанский манер. Низкий вырез платья оставлял открытыми шею и плечи. Она обвила талию широким черным поясом, подчеркнувшим темный цвет кожи и белизну ногтей ожерелья. Майя с восхищением поглядела на подругу и завистливо вздохнула.

– Давай я тебе спину разомну, – предложила Оккула, взглянув на нее в зеркало.

Вскоре Майя с наслаждением постанывала под умелыми руками подруги.

– Послушай, сделай мне одолжение, – попросила Оккула. – Надень голубой наряд, что я из сундука вытащила. Вон, на кровати лежит. Мне какой-то дурень в Теттите это платье подарил, представляешь? Хороша я буду в голубом! Но он вообще безмозглый, свой зард где-нибудь оставит – и не заметит, все равно пользоваться им не умеет, одно расстройство и перевод денег.

Оккула, помогая Майе причесаться и одеться, непрерывно отпускала скабрзные замечания, так что вскоре обе девушки беспрестанно хихикали и обменивались шуточками.

– ...а он и говорит...

– Да что ты?!

– ...ну я и согласилась ногти ему подстричь на ногах. Видела б ты эти ногти – чисто когти, да еще и грязные! Он табурет притащил, уселся, а я за ножиком пошла. Прихожу и говорю: «Да какая ж это нога!» – а он мне: «Нога не нога, а на размер еще никто не жаловался».

– Ох, Оккула, хватит уже! – расхохоталась Майя.

– Ну что, отдохнула? Пора и к ужину идти, а то как бы наш кошатник котятами не разродился.

Девушки поднялись в обеденный зал. Зуно еще не появлялся. Посетителей было немного, ужина пока не подавали, хотя из кухни уже доносились аппетитные запахи еды.

Подруги замешкались у порога, но Оккула решила, что лучше сесть за стол.

– Зуно о своем достоинстве печется, – пояснила она. – Иначе отправил бы нас ужинать со всяким отребьем. Значит, нам следует держать себя чинно, не околачиваться тут, будто мы кого увлекаем. Сядем в сторонке и подождем. Он наверняка скоро придет.

Она выбрала свободный стол в уголке, и девушки уселись на скамью, лицом к стене, тихонько переговариваясь.

За столом в противоположном углу зала оживленно беседовали четверо или пятеро пожилых мужчин.

– На каком они языке говорят? – шепотом спросила Майя. – Вроде не по-беклански, ни слова не понять.

– Ортельгийцы это, – ответила Оккула. – Лягушатники с Тельтеарны, как Мегдон. Вот уж кто по-лягушачьи бастает – как вцепится, так дня три и не выпускает.

– Чего это они на нас уставились? Ой, смотри, один к нам идет!

– Ага, налетели осы на варенье, – вздохнула Оккула. – Ничего, я с ним разберусь. А ты помалкивай, банзи, и помни, что Зуно вот-вот появится. Не хватало еще, чтобы он Лаллоку доложил, как мы тут ортельгийцев развлекали. Короче, сиди и молчи.

Тут к ним подошел сорокалетний коренастый мужчина, с темной окладистой бородой, и уселся на скамью рядом с Оккулой. Хорошая одежда и уверенная манера обращения

выдавали в нем преуспевающего купца.

– Добрый вечер, красавицы, – произнес он по-беклански с резким ортельгийским выговором. – Вы в одиночестве ужинаете? Разрешите нам вас вином угостить?

– Нет, спасибо, господин, – ответила Оккула, не отрывая взгляда от столешницы. – Мы нашего покровителя дожидаемся. Прошу вас, оставьте нас. Мы приличные девушки, и нашему покровителю не...

– Я сам человек приличный, – возразил ортельгиец. – Мы с друзьями веревками и канатами торгуем, вот из Беклы на Ортельгу возвращаемся. – Он уселся поудобнее, оперся локтями о стол и с улыбкой наклонился к Оккуле. – Путь держим через Теттит и Кебин. Товар продали выгодно, а для хорошеньких девушек мне никаких денег не жалко.

Оккула промолчала.

– А такой девушки, как ты, я в жизни не видал, – продолжил купец. – Надо же, на такой темной коже румянца не заметно! Вот подруга твоя, та прямо вспыхнула вся. Ей смущение к лицу.

Майя покраснела еще больше и едва не захихикала, но Оккула поспешно наступила ей на ногу.

– Я видел, как вы к таверне подошли, – заявил ортельгиец, касаясь толстым пальцем локтя Оккулы. – Пешком, а ваш покровитель в повозке приехал. И кошечка у него красивая. Это он кисками торгует или вы?

– Эй, Тефиль, как ты там? – окликнули его приятели. – Может, тебе помощь нужна?

Купец, не обращая внимания на шуточки, швырнул на стол туго набитый кожаный кошель, откуда высыпалось содержимое: двадцати- и пятидесятимельдовые монетки, сверкающий адамант, тяжелое серебряное кольцо и золотая фигурка медведя в палец длиной, с красными гранатовыми глазами.

– Видите, денег у меня достаточно. Вдобавок я лично знаком с верховным бароном Белька-Тразетом, великим охотником. По правде сказать, мне твоя подруга приглянулась. Я вам обеим щедро...

Тут в обеденный зал торопливо вошел Зуно, огляделся и, увидев своих подопечных, скорчил недовольную гримасу. Оккула быстро встала, склонила голову и развела руками, будто говоря, мол, я не виновата.

Зуно остановился шагах в десяти от стола и обратился к купцу:

– Прошу прощения, уважаемый, можно вас на пару слов?

Торговец неохотно поднялся и подошел к Зуно. К ним тут же присоединились еще двое ортельгийцев. Оккула сделала шагок в их сторону и остановилась, всем своим видом показывая, что готова вступить в разговор, если Зуно того пожелает. Майя осталась сидеть за столом.

Поначалу до нее долетали только обрывки фраз: «Никак невозможно...» – «Разумеется, не обижу... В самом лучшем виде...» – «...непозволительно. Вы же понимаете, что...».

– ...Они же рабыни! – воскликнул ортельгиец. – Я сам видел, как они за вашей повозкой шли. Вы делец, негоже вам выгоду упускать. За ночь с молоденькой девчонкой я вам триста мельдов заплачу!

– Увы, я не вправе, – решительно заявил Зуно. – Девушки – собственность небызывестного бекланского торговца У-Лаллока. Кто знает, может, они уже обещаны кому-то из знатных господ в верхнем городе. Вы бы мне уступили заказанную партию товара? Вот и я не могу.

Купец досадливо пожал плечами, подхватил свой кошель, рассеянно собрал монеты со стола и вернулся к друзьям. Зуно уселся на скамью.

– Что ж, твоей вины тут нет, – сказал он Оккуле. – Надо было мне раньше сюда прийти. Только знаешь, пожалуй, не стоит об этом Лаллоку говорить. А, вот и ужин принесли! И вино не помешает...

Часом позже Майя, слегка одурманенная выпитым, помогала Оккуле снять наряд.

– Ну что, поняла теперь? – спросила чернокожая девушка.

– Как себя держать с достоинством? Ах, Оккула, у тебя все так здорово получается! Я бы в жизни не смогла...

– Да нет, глупышка, я о тебе говорю! За одну ночь с тобой паршивый ортельгиец предложил три сотни мельдов. О боги! Даже Домрида ни за кого столько не просила, понятно тебе? Ох, банзи, будущее тебе обеспечено! Все лучше, чем коров в Тонильде пасти, не сомневайся.

– А я и не сомневаюсь. Знаешь, с тобой мне ничего не страшно.

– Не страшно? – переспросила Оккула. – Вот дурочка, наша жизнь полна опасностей.

– Как бы то ни было, а триста мельдов я нам заработала, – гордо заявила Майя и выставила кулачок. – Чур не выдавай!

– Триста мельдов? Откуда? – вскинулась Оккула.

Майя с улыбкой разжала кулак – на ладони лежал золотой медведь с гранатовыми глазами.

Оккула ошарашенно поглядела на нее и тяжело опустилась на сундук:

– Ничего не понимаю. Когда он успел тебе это отдать?

– А он и не отдавал, – радостно призналась Майя. – Помнишь, он свой кошель на стол вытряхнул, а потом Зуно пришел, вы стали разговаривать, на меня никто не смотрел. Ну, я и взяла...

Оккула уставилась в пол. Майя запоздало сообразила, что подруга чем-то напугана: руки дрожат, лоб покрылся испариной.

– Банзи, ты понимаешь, что нас за это подвешат? – в ужасе прошептала Оккула. – Что ты наделала, дуреха?! Как ты посмела...

– А что такого? – пролепетала Майя. – Ты же сама говорила, надо быть хитрой и...

– О боги! – вскричала Оккула. – Да ведь это... это тебе не яблоки из соседского сада таскать! Мы рабыни, а если раба на воровстве поймают, то вниз головой на виселице вздергивают. О Крэн и Аэрта, зачем я с тобой связалась! Не знаешь, что ли, – ортельгийцы проклятому медведю поклоняются! Для них из его грязной венды солнце сияет! По их поверьям, медведь откуда-то там вернется и уведет их всех на небеса или еще куда! Этот купец наверняка своему золотому истукану молится! Как обнаружит пропажу, так весь трактир вверх дном перевернет. И первым делом нас заподозрит, не сомневайся. Пойдет к Зуно, все и откроется... А если у нас медведя найдут, то... – Она закусил губу и стукнула кулаком по колену. – Ох, что делать? Что делать?! Может, он еще не хватился своего болванчика? Вернуть бы ему медведя, и дело с концом, да нас уже заперли! – Она резко вскочила. – Банзи, дай его сюда!

Как только она взяла фигурку, за дверью послышались тяжелые шаги, загремела цепь, и в замке повернулся ключ.

Дверь распахнулась. В комнату вошел Зуно. Майя, в одной сорочке, поспешно

завернулась в одеяло, не догадываясь, что совершает дерзкий проступок: рабыне не позволено скрывать от хозяина наготу. Оккула, обнаженная до пояса, об этом хорошо знала, а потому повернулась к Зуно и почтительно опустила глаза к полу.

Зуно сразу понял, что девушки чем-то напуганы. Он удивленно взглянул на них и пожал плечами.

– Я тут поразмыслил над предложением ортельгийца, – объявил он, – и решил, что склонен его удовлетворить, при условии, что об этом больше никто не узнает. Купцы завтра утром уезжают. Если одной из вас не хочется упускать возможности заработать, то я препятствовать не стану. – Он помолчал, ожидая ответа, и раздраженно спросил: – Ну что?

– Мы премного благодарны за вашу доброту, мой господин, – промолвила Оккула. – Я бы с удовольствием ублажила купца, но как раз сегодня мне женское нездоровье не позволяет. А Майя...

– Вот пусть она сама и ответит, – оборвал ее Зуно.

– Ах, мой господин, она еще очень молода, науке не обучена, – учтиво объяснила Оккула. – Хотя предложение и вправду очень заманчивое, ей принимать его рановато.

– Ты и впрямь так считаешь? – обратился Зуно к Майе, неподвижно стоявшей у кровати.

– Посудите сами, мой господин, – глубоким, ровным голосом продолжила Оккула, – девушка она примечательная, в Бекле за нее высокую цену назначат. Об этом купце вам ничего не известно; мало ли что он удумает, а для юной девушки первый опыт важен...

– А тебе что за забота? – спросил Зуно.

Оккула на миг встретила его взгляд и тут же отвела глаза.

– Я – собственность господина У-Лаллока, – ответила она. – Его слово для меня закон. Я, как и вы, мой господин, стремлюсь предвосхитить его желания, только и всего.

Зуно хорошо понял намек, скрытый в словах Оккулы.

– Что ж, – холодно заметил он, – мне просто хотелось дать вам возможность неплохо подзаработать.

– Ваша доброта безгранична, мой господин! – воскликнула Оккула. – К сожалению, мы не можем ею воспользоваться.

Зуно направился к выходу.

– Я так рада, что вы к нам заглянули, – торопливо проговорила Оккула. – Очень вовремя. Видите ли, когда ортельгиец ушел, я увидела на полу вот это... – Она протянула Зуно фигурку медведя. – Я сразу поняла, чья она, хотела вернуть, но за разговорами запамятовала.

Зуно забрал у нее золотую статуэтку.

– Ортельгийцы еще ужинают, пропажу пока не обнаружили, – задумчиво сказал он. – Вот я сейчас ее и верну. – Он помолчал и добавил: – Твое отношение мне непонятно, но предупреждаю: подобного больше не повторится. Ты уяснила, о чем я?

– Да, мой господин, – покорно ответила Оккула.

Как только шаги Зуно утихли, Оккула обняла Майю, поцеловала ее и всем телом прижала к стене.

– Уф, пронесло! – выдохнула она. – Слушай меня внимательно, банзи. Я тебе жизнь спасла. Ты большую глупость совершила, больше так никогда не делай. Я уж собиралась проклятого медведя в окно выбросить, только нас бы это не спасло – вон, погляди, двор пустой. Фигурку бы сразу нашли, догадались бы, как она туда попала. А если рабыню в преступлении заподозрят, сразу пытаться начнут. Ладно, сейчас это не важно. Главное – запоминай, что я тебе скажу. Воровством промышляют только дешевые шлюхи. Редкая дура у

мужчины красть станет. Я не о том, хорошо или плохо так поступать, – это все глупости. Да, в мире много богатых и глупых уродов, и деньги у них выманить легче легкого, только к этому с умом надо подходить, а не тайком чужое брать.

– А что тут плохого? – обиженно возразила Майя. – Можно подумать, ты сама...

– И не смей со мной так разговаривать! – Оккула хлестнула подругу по щеке. – Вот, тебе наука будет. Я тебе жизнь спасла, а теперь уму-разуму научу, так что слушай и не перебивай. Все знают, что постельные девки – вруньи и воровки. Так оно и есть. За наше вранье мужчины деньги платят, а мы их жен обворовываем, потому как мужья на нас всю силу своих зардов изводят. Но ежели ты у кого что скрадешь – деньги там, или кольца, или ножичек серебряный, или еще какую безделку, – то сама на себя смерть накличешь. Иная дурочка себя уговаривает: «В этот раз он меня за руку не поймал и в другой раз на чистую воду не выведет, побоится, что жена узнает». Да только пустое все это – как поймет он, что его обобрали, так больше не вернется, за девчонкой по всей округе дурная слава пойдет, а там недолго и нож в спину заполучить. Такое взаправду случается... Не думай, что я тебя пугаю. Воровкой стать легко, а поймать ее еще легче. Только из мужчин гораздо больше можно вытянуть не воровством, а умением. Прослывешь честной шерной – увидишь, как к тебе потянутся. Отбою не будет. Любую цену заплатят, не сомневайся. Вдобавок жить будешь без страха, что поймают.

Майя потупилась, обдумывая услышанное.

– А когда ты Зуно медведя отдала, не боялась, что на тебя подумают? – нерешительно спросила она.

– Нет, конечно, – презрительно ответила Оккула. – Он прекрасно знает, что я такой глупости не сделаю.

– А почему ты отказалась от предложения...

– Тебе что, немоготу?

– Ну, не знаю... Триста мельдов! Дома таких денег за три месяца не заработать...

– Во-первых, ты бы этих денег не увидела. Купец бы Зуно заплатил. Знаешь, почему одуванчик к нам пришел? Ортельгиец наверняка ему еще больше посулил, вот почему. Мужчины не любят, когда им отказывают, любой ценой своего добиваются – к примеру, тебя. Только нам с тобой из этого ничего бы не перепало, разве что по мелочи. А с ортельгийцем bastаться... фу, мерзость какая. Вдруг он гадости бы захотел? И что бы ты тогда делала? А может, он сам порченный... Хотя по виду не скажешь. Нет, я тебе этого не позволю. И ради чего? Чтобы Зуно карман набить? Сама подумай! Не зря он просил это от Лаллока утаить. А секреты от хозяина скрывать негоже, вот что я тебе скажу. Так что теперь не у Зуно над нами власть, а у нас над ним. Он понимает, что Лаллоку это не понравилось бы. Если бы ты дешевой шлюхой была, тогда другое дело. А такую красавицу, как ты, беречь надо. Нет, ты высоко взлетишь! Да и кошатник сообразил, что ты себе цену знаешь. Помяни мои слова, придет день, когда он перед тобой ползать будет.

– А вдруг он завтра на нас злобу выместит?

– С чего бы это? Ничего такого он делать не станет, побоится. Ему невыгодно, чтобы Лаллок про это прознал, а отрицать Зуно ничего не сможет – мы с тобой имя купца запомнили. Если вдруг что, обо всем расскажем, только нам Зуно против себя настраивать ни к чему. Мы поступили честь по чести, а он извернуться пытался и хорошо это понимает. – Оккула улыбнулась. – Но это все завтра. А сейчас, банзи, забудь обо всем и прощения у меня попроси. Ах, какая ты хорошенькая! Красивее радуги! Как тебя не любить? Я с тобой сразу

все хорошее вспоминаю, о плохом забываю. И не за деньги, а просто так! Правда, приятно?

Майя задрожала от наслаждения. Ловкие пальцы подруги скользнули по плечам, нежно приласкали бедра. Майя задула свечу и повалила Оккулу на кровать.

На следующий день они прошли пять лиг и заночевали в Накше. До Беклы оставалось всего две лиги, и Зуно решил выступить в путь за час до полудня.

Пустынный, пропеченный солнцем тракт убегал вдаль по равнине. Зуно подремывал в повозке. Дильгайские рабы еле плелись, передавая друг другу флягу с водой.

– Хоть бы нам предложили, гады! – шепнула Оккула.

– Ох, мне дурно! – вздохнула Майя, в очередной раз утирая вспотевший лоб.

Волосы и все тело покрывала липкая корка тонкой белой пыли, смешанной с испариной; на зубах хрустел песок. Майя сплюнула густую слюну.

– Не плюйся, – предупредила Оккула. – Только влагу зря тратишь.

– Глотать ее, что ли? – проворчала Майя.

– Ишь какая разборчивая, – улыбнулась подруга. – Я бы сейчас от холодной мочи не отказалась. Ничего, банзи, держись, скоро придем. Часа два осталось.

Девушки потихоньку обогнали повозку и теперь шли чуть впереди, по обочине, чтобы не глотать пыль, поднятую босыми ногами рабов и колесами ежжи. Кругом не было ни одного деревца; до самого горизонта простиралась выжженная зноем равнина, покрытая жухлой травой и увядшими цветами.

– Мне чудится или мы снова на холм поднимаемся? – спросила Оккула.

– Ага, поднимаемся, – кивнула Майя. – Странно, пока до горки не дойдешь, ее не видно. Ой, а что это там, на самой верхушке?

– Помолчи, банзи, не приставай! Не видишь, я вот-вот растаю, – буркнула подруга, наклонив голову, будто вол в упряжке, и взобралась на холм.

Майя, жмуря глаза от пыли, еле держалась на ногах – ей хотелось повалиться на обочину, а там будь что будет. Из травы выскочил кузнечик и, трепеща розоватыми крыльшками, пролетел шагов двадцать. «Эх, мне бы так, – подумала Майя. – И пить ему, наверное, не хочется...»

На вершине холма дильгайцы встали передохнуть и, отдуваясь, привалились к оглоблям. Тени по-прежнему не было, но девушки без разрешения упали на жухлую траву. Лицо Оккулы покрывали неровные белые полосы пыли.

– Тебя впору на ярмарке в балагане показывать, – улыбнулась Майя и вдруг ошеломленно умолкла, с ужасом уставившись через дорогу.

На пригорке, в ста шагах от обочины, перед кустами полыни, стоял деревянный помост, на котором высились два прочных столба с поперечной перекладиной, локтей десять длиной. На перекладине виднелись четыре глубокие зарубки, с каждой из которых свисала короткая цепь с кандалами.

Кандалы смыкались на лодыжках двух иссохших трупов. Тела, неподвижно висящие в зыбком, струящемся от жара воздухе, выглядели призраками, кошмарными видениями, порождениями лихорадочно возбужденного ума. Оскаленные, иссушенные зноем лица выглядели жутко еще и потому, что были перевернуты. Зияли провалы пустых глазниц, кожа лохмотьями свисала со щек – птицы и насекомые потрудились на славу. Жидкие волосы добела выгорели на солнце. Опущенные руки, облепленные редкими остатками иссохшей плоти, болтались тремя серыми прутьями – на одной еще виднелся зажатый кулак. На

помосте белела горка мелких костей.

Майя вскрикнула и закрыла лицо ладонями. Тут, как нарочно, налетел ветерок, и пахло мерзким запахом гниющего мяса.

Оккула мельком взглянула на виселицу и, обернувшись к Майе, обняла подругу за плечи:

– Ты что, вороньего пира не видела? Не бойся, они тебя не укусят.

– Ой! – Майю замутило, и она, дрожа, уткнулась в жухлую траву.

– Страшно, да? – спросила Оккула. – Для того и вешают, чтоб неповадно было. Знаешь, как в песне поется? – Она надрывно затянула вполголоса:

Меня подвесили за ноги,
чтоб птицам было что клевать.
Разбойникам с большой дороги
такой судьбы не миновать.
Я был когда-то юн и весел...

– Ох, Оккула, – зарыдала Майя. – Не могу я на это смотреть! За что их так?

– Откуда я знаю? – пожалала плечами Оккула. – Какому-нибудь Леопарду ногу отдавили или любимую кружку владычицы Форниды вдребезги разбили...

– Или помянули имя благой владычицы всуе, – небрежно заметил Зуно из повозки. – Но если повторять все, что слышишь, беды не миновать, правда?

Оккула торопливо встала и почтительно наклонила голову, будто ожидая распоряжений.

Неожиданно один из дильгайцев ткнул пальцем в сторону виселицы:

– Делать враги. Плохо. Когда много, кончить.

– Да, наживать врагов не стоит, – заключил Зуно и повелительно вытянул руку, показывая, что хочет выйти из ежки. – Пожалуй, здесь мы и привал сделаем, тени все равно нигде нет.

Он ступил на землю и направился в противоположную от виселицы сторону. Дильгайцы забрались под повозку и устроили какую-то незамысловатую игру, подбрасывая палочки в дорожной пыли.

– Говорят, все Леопарды – редкие мерзавцы, – шепнула Оккула, дождавшись, когда Зуно отошел подальше. – Ничего, банзи, нас не повесят, не сомневайся.

Зрелище расстроило Оккулу, но свое беспокойство она скрывала под напускным безразличием и натянутой улыбкой. Сделав несколько шагов по траве, она закусил губу и остановилась, задумчиво глядя под ноги.

– Да, редкие мерзавцы, – повторила она. – И как жить, если в одной постели с убийцей окажешься?

– Что? – недоуменно переспросила Майя. – Ничего не понимаю...

– Зато я слишком хорошо понимаю, – со вздохом произнесла Оккула и повернула подругу лицом к синему мареву вдали. – Вот, банзи, взгляни! Смотри хорошенько, как далеко мы зашли!

Майя прищурилась и поглядела на запад, где высилась громада горного массива Крэндор. Лучи солнца заливали крутые склоны, в ущельях собирались зловещие лиловые тени. Вдоль подножья горы тянулась тонкая полоска городской стены, прерываемая столбиками сторожевых башен.

Справа от Крэндора, под раскаленными скалами, раскинулась Бекла. Майя никогда прежде не видела больших городов – ни Кебина, ни Теттит-Тонильды, – а потому ошеломленно взирала на широкие полосы дыма, повисшие над наклонными крышами. Сквозь дым виднелись высокие стройные башни, тянущиеся к небу, словно камыши на озере. Над городом, у подножья Крэндора, на хребте Леопардового холма красовался дворец Баронов; ярусы мраморных балконов сверкали на солнце. Майе почудилось, что издали доносится еле слышный гул и шум толпы, будто гудение пчел в улье.

– Да уж, мы в Бекле развернемся... – подавленно прошептала Майя. – Ох, Оккула, там же... Сгорим мы там, как уголек в кузнечной печи.

– Не кисни! – оборвала ее чернокожая подруга. – Подумаешь, красота да широта. Ну и что такого? Зато мужчин там много, а с ними дело известное: раз у них стоит, значит надо куда-то пристроить. Ты крепко-накрепко запомни: мы с тобой торгуем самым необходимым – не сладостями и не шелками, а, считай, хлебом. Без нас, как без хлебопек и повитух, никто не обойдется. Пойми, кто на свет родился, тому суждено есть, bastать и умереть. Такая уж у людей доля.

– Ох, я не думала, что он такой большой! – вздохнула Майя, глядя на далекий город, оцетинившийся десятками башен.

– Ха! То же самое поначалу жрица сказала гуртовщику, а потом приспособилась, – фыркнула Оккула. – Ой, глянь, наш кошатник возвращается! Пойдем скорее, пока он нас звать не стал. Только прежде удивление поумерь, не стоит ему знать, как тебя Бекла поразила. Пора тебе выучиться плечами пожимать да сплевывать, мол, тебе все равно. Вот прямо сейчас и начни.

Майя улыбнулась, покорно выполнила приказ подруги, и девушки, взявшись за руки, спустились с холма. Впрочем, Майя заметила, что Оккула не глядит в сторону виселицы.

Два часа спустя путники подошли к Синим воротам на северо-восточной окраине Беклы. Полдневный жар спадал. За стенами город лениво шевелился, будто огромный зверь, разнежившийся на солнце. Заспанные лавочники сдвигали с витрин тяжелые ставни, что защищали товары от солнечных лучей. На улицах на все лады расхваливали свой товар разносчики, из домов выходили женщины с корзинками в руках. В переулках просыпались калеки и нищие, утирали гноящиеся глаза и устраивались просить подаяния. Екжа влилась в поток повозок и путников, тянущийся по дороге к городским воротам. Пробыло три пополудни: с каждой из двух часовых башен сорвался железный шар и со звоном упал в гулкую медную чашу. От неожиданного звука Майя вздрогнула и украдкой посмотрела вверх, на золоченые решетки высокой башни.

Девушки провели в пути всего полдня, но жара их вымотала. Вдобавок Майя, подвернув ногу, морщилась и прихрамывала, стараясь не напрягать распухшую щиколотку. Вслед за екжей подруги вошли в арку ворот; неожиданно Майя оступилась и, схватив Оккулу за руку, прислонила голову к стене и тяжело задышала.

Зеваки, привлеченные видом хорошенькой девушки, возбужденно переговариваясь, начали предлагать помощь. Какая-то хорошо одетая старуха, которую сопровождал раб с корзинкой, заботливо усадила Майю на каменную скамью у стены.

Зуно вышел из повозки – то ли ему стало совестно, то ли не хотел привлекать лишнего внимания (вокруг уже собралась порядочная толпа), то ли решил, что девушкам необходимо отдохнуть и привести себя в порядок, прежде чем предстать перед Лаллоком. Как бы то ни было, он направился к охранникам у городских ворот и потребовал провести его к тризату, в караульное помещение у крепостной стены. Зуно предъявил начальнику стражи Лаллоков жетон с изображением Леопарда, заручился разрешением устроить девушек в караулке, отправил одного из дильгайских рабов нанять еще одну екжу, а сам с достоинством удалился в ближайшую таверну.

Стражники, не понаслышке знакомые с тяжелой жизнью бедняков, отнеслись к девушкам сочувственно и возмутились, когда Оккула объяснила им, отчего Майя обессилела.

– Они с самого утра по самой жаре пешком из Накша шли, – сказал один из солдат начальнику стражи, которого Зуно только что угощал в соседней таверне. – А этот Лаллоков холуй разряженный в тенечке прохлаждался.

– Вот сволочь! – воскликнул тризат, разглядывая Майю, прикорнувшую на скамье у стены. – Из самого Накша, без питья и без отдыха? Да, солдатская доля нелегка, но ваша еще хуже, – сказал он Оккуле.

– Ничего, – ухмыльнулась Оккула; на перемазанном дорожной пылью лице сверкнули белоснежные зубы. – Глядишь, через годик мы с тобой оба лежать будем – ты на поле боя, а я в мягкой Леопардовой постельке.

Стражники дружно рассмеялись. Тризат снял со стены бурдюк с вином, вручил его Оккуле и по-отечески потрепал девушку по плечу.

– Ты поосторожнее – а то вот так запрыгнешь к Леопарду в постель, да и сгинешь без вести. Всякое бывает.

– Ага, меликон трясти не надо, ягоды с него сами осыпаются, – заметил один из

стражников.

– Да ну его, ваш меликон! – отмахнулась Оккула. – Девчонке шестнадцати не исполнилось, а вы про переспелую ягоду речь завели... Лучше скажите, где можно умыться с дороги?

В караульном помещении была небольшая умывальня с кирпичным полом и водопроводом – вода поступала из речки Монжу, что вытекала из озера Крюк. Девушки разделись и умылись. Четверть часа спустя Зуно вернулся в караулку и обнаружил своих подопечных в лучшем виде: Оккула нарядилась в оранжевый метлан, а Майя – в голубое платье. Кто-то из стражников подарил ей алый цветок трепсиса, и она вставила его в густые золотистые пряди над ухом. Начальник стражи, учтиво отказавшись от вознаграждения, предложенного Зуно, помог девушкам усесться в нанятую екжу, и обе повозки покатали по улице Каменщиков к Харджизу.

Майя сидела в возке, наслаждаясь доселе неведомым удовольствием: больше не нужно было брести в пыли, под жарким солнцем. Девушке, пораженной и взбудораженной незнакомым окружением и шумом большого города, чудилось, что она спит и видит сон. Вокруг суетились и гомонили люди, спешили по своим делам. Мимо медленно проехала повозка с огромным железным баком – в ней сидели двое мужчин в форменной одежде и поливали улицы водой, прибывая пыль к земле. Разносчик предлагал яйца и свежий хлеб; старуха покупала в лавке брильоны; два паренька тащили на плечах свернутый ковер, с трудом пробиваясь сквозь толпу; еще в одной лавке, похожей на огромную клетку, продавали птиц с ярким оперением; густо накрашенная девушка, чуть постарше Майи, угрюмо стояла на углу; на скамье у окна сидел скорняк в кожаном переднике и ловко орудовал толстой иглой. Вокруг витали разнообразные ароматы: из открытой двери на вершине каменной лестницы пахло благовониями; из таверны, где пылали угольные светильники, тянуло пряностями; над городом плыл головокружительный запах цветов – вдоль улиц были разбиты клумбы, на которых, вопреки летней жаре, пышно зеленели цветущие кусты. Шум на улицах оглушал: разносчики расхваливали свои товары, дети с громкими криками носились по дворам, торговцы уговаривали покупателей, то и дело вспыхивали ссоры, дробно, вразнобой стучали молотки лудильщиков, плотников, кузнецов, сапожников, каменщиков и колесников. Откуда-то из толпы донесся обрывок тонильданской песенки, знакомой Майе. На перекрестке раб в алой ливрее, предупредительно выставив перед собой жезл, выкрикивал: «Дорогу! Дорогу!» За ним следовал занавешенный паланкин, украшенный изображением коронованного леопарда. Над городскими крышами звучали протяжные удары медных колоколов.

Больше всего Майю поразили размеры и величие зданий. Город раскинулся на равнине, у озера, под холмом, где высилась неприступная крепость; пять трактов, ведущие в Беклу, были вымощены камнем, добытым в каменоломнях горы Крэндор. Бекла издавна славилась строителями, каменщиками и камнерезами. Из камня были сложены почти все дома, от дворца Баронов до бедняцких лачуг. Рыночные галереи, храмы, стройные башни и прочие городские сооружения отличались непревзойденным изяществом. Само имя древнего города – Бекла-ло-Сенгель-Церит, Сад танцующих камней, – свидетельствовало о безмерном почтении жителей империи.

Все это Майя знала с детства, но рассказы не шли ни в какое сравнение с тем, что ее сейчас окружало. Она изумленно взирала на резные карнизы, нависавшие над верхними этажами, на бесчисленные фигурные рамы и подоконники, на замысловатые узоры каменной

кладки, созданные с невероятным мастерством. Простодушная девушка прежде не подозревала, что на свете существует нечто подобное, и ей чудилось, что она попала в сказку. Неужели обычный камень можно превратить в хрупкие лилии, заставить его накатывать волнами и парить, будто облака? Какой умелец возвел высокие, прочные стены, вознеся их над головами смертных? Какой искусник украсил здания волшебными изображениями цветов и листьев, зверей и птиц, храбрых воинов и обнаженных дев?

«Невероятно! – думала Майя. – Вот бы Таррину рассказать! То-то бы он удивился! Может, Оккула и права – если повезет, здесь мне будет лучше, чем дома. – Она вздохнула. – И все равно, как хочется к озеру... Я б сейчас с удовольствием под водопадом поплескалась».

По городу повозки двигались медленно, потому что ближе к вечеру на улицы высыпали люди. Несколько раз Зуно приходилось останавливать рабов и дожидаться, пока еджа с девушками их не нагонит. За полчаса они продвинулись меньше чем на тысячу шагов.

Оккула окончательно стряхнула с себя уныние – ей нравилось, что к Лаллоку их не ведут, а везут. Вдобавок ей льстило наивное восхищение Майи, которая ловила каждое слово подруги. Некоторое время Оккула, небрежно закинув ноги на перекладину повозки, рассеянно отвечала на бесчисленные вопросы, но вскоре ей это надоело.

– Так, банзи, хватит уже ахать и вздыхать. Подумаешь, колокола и резные наличники – толку от них никакого! Пора себя людям показать, а не глазеть по сторонам, разинув рот. Пусть лучше на тебя смотрят.

– Это еще зачем? – удивилась Майя. – Нас же все равно к Лаллоку везут.

– Мало ли кто тебя приметит. Хорошая шерпа не упустит случая понравиться. Наклонись, платье чуть распахни, покажи свои дельды. Да опусти ты вырез пониже, вот так, до самых клубничин! – Оккула резко одернула наряд подруги.

– Ой! – покраснела Майя.

– А прав был ортельгиец – смущение тебе к лицу, – заметила Оккула. – Не знаю, как мужчины, но я б тебя так и съела.

– Эй, девчонки, у вас для меня местечко найдется? – крикнул юный возчик, щелкнув кнутом.

– Мал ты еще, нам бы кого побольше, – фыркнула Оккула, лукаво отмерив расстояние ладонями.

– Не в размере дело, было бы желание, – ответил паренек. – А ты откуда такая чернокожая?

– Из самой лучшей страны на свете, – ответила Оккула.

– И зачем же ты в Беклу приехала?

– У меня на родине женщины такие мастерицы ублажать, что все мужчины от наслаждения перемерли. Вот я и решила в чужие края податься.

– Надо же! – удивился возчик. – А подруга твоя кто?

– Из тех, кто тебе не по карману.

– Твоя правда, пока не по карману, – вздохнул паренек, завистливым взглядом провожая удаляющуюся повозку. – Эй, а вы куда путь держите? Может, я разбогатею и вас отыщу.

– Пока ты разбогатеешь, мы на всю Беклу прославимся, нас искать не надо будет.

На западной оконечности улицы Каменщиков возчик взял налево, к подножью Аистиного холма, оставив позади величественные Тамарриковые ворота, и тут же повернул ежку направо, выехав на широкую улицу Харджиз, ведущую к Невольничьему рынку.

День был не рыночный, народу было немного. Городские рабы подметали брусчатку и

собирали мусор. На северной стороне площади у помоста трудились два каменщика. Из камня были сложены все рыночные сооружения; торговые помосты, загоны для невольников и места для покупателей отделяли друг от друга клумбы ярко-желтых лилий и алых аскиний. Навесы над помостами опирались на стройные колонны. С недавних пор, по велению владычицы Форниды – ярой сторонницы работорговли, – помосты украсили рельефными изображениями невольников.

– Погляди, здесь битва! – ахнула Майя.

Вдоль длинного – в сорок локтей – помоста тянулся фриз с батальной сценой.

– Здесь, должно быть, солдат продают, – заметила Оккула.

– Солдат? – удивилась Майя.

– Конечно. Из тех, кого на войне в плен взяли, – катрийцев и терекенальтцев, не искалеченных. Если за них выкупа никто не заплатит, то их в рабство продают. Не в армию – кто же врага на службу возьмет? – а знатым господам из провинции для охраны или в баронские воинства. На хороших солдат, особенно из дальних земель, спрос большой. Их даже чужеземцы охотно покупают.

– Ой, смотри, а здесь дорогу строят! – воскликнула Майя. – Прямо как живые!

Разумеется, Майя никогда прежде не видела настоящих произведений искусства – ни живописи, ни скульптуры, – за исключением грубых ремесленных поделок на рынке в Мирзате. Творения величайших бекланских мастеров – Флейтиля, Сендралета и прочих, чьи имена до сих пор на слуху, но сами работы безвозвратно утеряны, – привели Майю в восторг. Она с изумлением разглядывала фриз, созданный Сендралетом (фрагмент сохранился до наших дней), с изображением невольников, прокладывающих Гельтский тракт: мускулистые юноши волокли на веревках тяжелые грузы, на коже блестели капли дождя. Яркие краски фриза подчеркивали варварское обличье рабов.

– Ловко сработано, – кивнула Оккула. – Бекланцы – мастера камень резать. В городе таких украшений полно. Меня Зай однажды в верхний город водил, на дворец Баронов полюбоваться. Внутри нас не пустили, но и снаружи...

– Ой! – Майя невольно прижала ладонь к губам и недоуменно поглядела на подругу. – А что это... Здесь?

– А здесь девушек продают, – улыбнулась Оккула. – Я сама его прежде не видела, но в Теттите сказывали, что резчики четыре года этот фриз высекали. Да уж, на славу постарались.

– Ой, а тут три... нет, четыре вместе, – ошеломленно пробормотала Майя. – Как же так? У всех на виду... Да кому ума хватило все это придумать?

– Тому, чьи мысли только этим и заняты, вот кому, – с усмешкой пояснила Оккула, забавляясь простодушием подруги. – Я же тебе говорила, банзи, тут дураков полно. Понятно теперь? Так что, считай, повезло нам. Бекланцы на сладкое падки. Ясное дело, им хочется задарма, только нам с тобой надо так исхитриться, чтобы себя подороже продать. А для этого надо быть лучше всех.

– И что, нас сюда тоже выведут... голыми? – смущенно спросила Майя.

– Нет, – помотала головой Оккула. – Лаллок обещал Домриде, что продаст меня богатому господину. Я, конечно, не могу настоять, чтобы нас вместе купили. Ты, как и я, – товар ценный, не всякому богачу по карману. Но Лаллок своего не упустит, выгодно тебя продаст, не сомневайся.

Екжа, проехав через рыночную площадь, остановилась у въезда на крутой спуск к

Халькурнилу – Лиственной улице. На холм к Невольничьему рынку медленно поднималась запряженная волами телега с огромным камнем. Вокруг нее толпились люди, предлагали помощь возчикам.

– Погляди, вроде как женщина из камня высечена! – удивленно воскликнула Майя. – Куда это ее везут?

– Это новая статуя Аэрти, – пояснил возчик, не оборачиваясь. – Флейтиль со своими подмастерьями все лето над ней в каменоломнях трудились. Большие статуи всегда в каменоломнях начинают, а потом к месту привозят и там уж до ума доводят. У Лилейных ворот целая толпа собралась, все помогать рвутся. Говорят, примета такая – на счастье дотронуться.

– И где ее установят? – спросила Оккула.

– У храма Крэна. А вот и сам У-Флейтиль, видишь?

Майя уставилась поверх моря голов, но разглядела не ваятеля, а юношу, стоявшего на противоположной стороне улицы. Он, не обращая внимания на царившую вокруг суматоху, прислонился к двери таверны, отщипывал виноградины с зажатой в руке грозди и пристально смотрел на Майю.

Внешность его была весьма примечательной. Все в нем говорило о богатстве, знатности и привычке к роскоши. Был он высок, строен, с длинными темными волосами и коротко подстриженной бородкой; особой красотой он не отличался, но в лице его сквозила учтивость и уверенность в себе. Одет он был в абшай розового шелка, перехваченный серебряным поясом, с короткими пышными рукавами, отделанными серебряной нитью. И абшай, и бледно-желтые парчовые шальвары были усеяны множеством сверкающих бирюзовых камешков. На поясе висел меч в ножнах, усыпанных драгоценными камнями побольше, а за спиной, на витом алом шнурке с кистями, болталась широкополая шляпа с красными и синими перьями. Левое плечо украшала эмблема Леопарда, шитая серебром.

Юноша, несмотря на щегольской наряд, держался с достоинством, как подобает знатному доблестному воину, но своего интереса к Майе не скрывал. Она смущенно отвела глаза и прикрыла полуобнаженную грудь, потом украдкой оглянулась – и снова встретила уверенный взгляд незнакомца.

– Да улыбнись же, дуреха! – прошипела Оккула, не разжимая губ.

Майя неловко, будто деревенская простушка при виде кареты знатных господ, сложила губы в улыбку, но тут юноша сам улыбнулся, отшвырнул виноградную гроздь попрошайке и перешел улицу. Прохожие почтительно уступали ему дорогу.

Незнакомец опустил руку на борт повозки у ног девушек и с неприкрытым восхищением взглянул на Майю, будто говоря: «Не правда ли, хорошо быть красавицей?»

– К моему глубокому сожалению, мне неизвестно, как вас зовут, – произнес он. – Не развеете ли вы мои сомнения?

– Ах, мой господин... я... меня...

Растерянность и смущение Майи были настолько неподдельными, что на миг юноша и сам смутился.

– Прошу прощения, – удивленно сказал он. – Я не хотел вас обидеть. Надеюсь, я не ошибся. Но если вы не шерны – и к тому же редкие красавицы, – то почему едете по нижнему городу в открытой повозке и без сопровождения?

– Мы из Теттит-Тонильды, мой господин, – объяснила Оккула с учтивой улыбкой и ласково коснулась его руки. – Нас везут к У-Лаллоку.

– Ах вот как! – разочарованно вздохнул юноша. – Значит, он выставит вас на торги?

– Увы, боюсь, что нет, – ответила Оккула, будто сожалея, что вынуждена отказать ему в просьбе. – Нас обещали отправить в услужение какому-то знатному господину.

– Что ж, ничего удивительного, – промолвил незнакомец. – В таком случае, надеюсь, мы с вами еще встретимся. А если ваш... гм, знатный господин решит с вами расстаться, то обязательно дайте мне знать. – Он склонил голову, поцеловал босую ступню Майи и, резко повернувшись, скрылся в толпе.

Екжа тронулась с места. Девушки изумленно молчали.

– Ах, он же нам не представился, – пролепетала Майя, пораженная странной встречей.

– Ему и в голову не пришло, что мы не знаем, кто он, – объяснила Оккула. – Он из Леопардов.

– И кто же он?

– Откуда мне знать? Но неплохо бы выяснить, кто это такой.

– Ой, мне так стыдно...

– Ты, банзи, своей силы не ведаешь! – Оккула раздраженно смахнула муху с руки. – Ты прекрасно себя держала, он нас не скоро забудет. О Крэн, как я проголодалась! Быстрее бы уж до места добраться.

Впрочем, совсем скоро они достигли цели своего путешествия. Екжа проехала мимо высокой Лиственной башни, резной балкон которой нависал в ста локтях над головами прохожих, и свернула под низкую каменную арку, на узенькую тропку, выходящую в мощный дворик. Зуно вышел из своей повозки и велел девушкам спешиться. С екжи выгрузили сундук Оккулы, и Зуно расплатился с возчиком. Выразительные движения бровей Зуно возымели на возчика не меньший эффект, чем на разбойников с большой дороги.

– Вполне достаточно, – надменно произнес Зуно, вложил монету в протянутую руку, отвернулся, пересек дворик и своим ключом отпер калитку в стене.

Внезапно он остановился и спросил Оккулу:

– О чем с вами беседовал молодой господин?

– Он выразил нам свое восхищение.

– И больше ничем не интересовался?

– Нет, мой господин, – учтиво ответила Оккула. – Я ему объяснила, что мы – собственность господина У-Лаллока.

– А ты знаешь, с кем разговаривала?

– Нет, мой господин.

– С Эльвер-ка-Виррионом, единственным сыном маршала Кембри-Б'саи, – бросил Зуно и вошел в дом.

Майя с Оккулой, неся сундук, вошли в калитку и оказались в квадратном дворе, посреди которого виднелись крохотная, усаженная цветами лужайка и маленький прудик. Двор с четырех сторон окружала низкая стена с крытой галереей, куда выходили многочисленные двери и зарешеченные окна. Здесь, словно в тюрьме, Лаллок держал свой товар.

У пруда играли в мяч пять девушек. Зуно провел Майю и Оккулу в небольшую комнатку, где стояли тяжелый стол со скамьями, сундук и кровать, застланная толстым ковром и забросанная подушками. На кровати растянулась толстуха лет тридцати. Завидев Зуно, она поспешно поднялась.

Зуно уселся на скамью, налил себе вина из кувшина на столе и осведомился у толстухи:

– Варту, У-Лаллок у себя?

– Нет, У-Зуно, он в верхний город по делам уехал. Обещал завтра утром вернуться. Как в Теттите съездили?

– Спасибо, хорошо, – рассеянно ответил Зуно. – Что ж, в таком случае я тебе товар передам – вот, две девушки, получены в Хирдо от Мегдона.

– В Хирдо? – удивилась толстуха.

– Да, – вздохнул Зуно, утомленно прикрыв глаза. – Парден остальную партию приведет, как обычно. Завтра или послезавтра придут. О продаже чернокожей девушки У-Лаллок с сайет Домридой особо сговорились. Она из «Лилейного пруда», что в Теттите. Вот тут в письме все подробно написано, и счет прилагается.

– Да-да, от сайет Домриды девушку мы ждали. У-Лаллок уже спрашивал.

– А вторая вроде бы случайно подвернулась. Мегдон мне сказал, что немалые деньги за нее заплатил, – врет, наверное. Впрочем, он расписку предоставил. Продала ее какая-то безграмотная крестьянка, видишь, даже имени не подписала, только палец приложила. Ничего, У-Лаллок с Мегдоном сам разберется. Ну все, мне пора.

Как только Зуно ушел, толстуха недовольно повернулась к Оккуле и Майе:

– С чего бы это вас отдельно от всей партии отправили? Что произошло?

– У-Мегдон решил, что мы – товар особый, сайет, – объяснила Оккула. – Хотел, чтобы У-Лаллок сам на нас поглядел и мнение свое составил.

– Ха, по-твоему, ты – особый товар? Это почему еще? Из-за черной кожи, что ли?

– Не знаю, сайет. Я просто повторила, что У-Мегдон сказал.

– А тебя почему Мегдону продали? – обратилась толстуха к Майе. – Или какой баронишка тобой натешился, а как надоело ему, так и с рук сбыл?

От грубых слов толстухи Майя едва не разрыдалась.

– Прошу прощения, сайет, – вмещалась Оккула. – Моя подруга завтра сообщит господину У-Лаллоку все, что он пожелает узнать. Вы же сами много невольниц повидали, знаете, что они не любят о своих злоключениях рассказывать.

– Ах, какие мы нежные и важные! – воскликнула толстуха. – Я погляжу, ты много себе позволяешь!

– Я ни на чем не настаиваю, сайет, – мягко заметила Оккула, не отводя взгляда.

Толстуха достала из сундука длинную гибкую розгу:

– Видала? Будешь дерзить – выпорю.

Оккула невозмутимо промолчала. Толстуха разгневанно уставилась на нее и опустила розгу на стол.

– Ладно, пойдете со мной, – раздраженно сказала она. – И сундук свой не забудьте.

Вслед за толстухой девушки направились по крытой галерее. Майя прихрамывала и еле попевала. В углу одна из дверей была раскрыта. Варту пригнулась и, войдя внутрь, поманила за собой девушек.

В комнате, длиной шагов пятьдесят, на выложенном каменными плитами полу были расставлены койки, отделенные друг от друга деревянными перегородками. Три зарешеченных окна выходили во внутренний двор; в очаге горел огонь. Посреди комнаты стоял чисто вымытый стол и грубо сколоченные скамьи. Такой чистоты и порядка Майя прежде не видела.

– Здесь женщин и девушек держат, – объяснила Варту. – Койки себе сами выберете, тут пока всего пять живут. Купальня рядом, мыться обязательно. Там мыло есть и сера – вшей выводить. Ежели завшивеете, выпорю. А что у тебя с ногой? – спросила она у Майи. – Болит?

– Да, сайет, подвернула.

– Как искупаешься, придешь ко мне, я перевяжу. Если вдруг еще где болячка какая, первым делом мне скажи, я вылечу, понятно? Детей кормят отдельно, а вам еду раздают утром и вечером, стряпать сами будете, вот здесь, у очага. – Она помолчала и наставительно произнесла: – Запомните, вам очень повезло. Лаллок ценным товаром торгует, с девушками хорошо обращаются – многие говорят, что лучше, чем в родном доме. Еды вдоволь, постель мягкая, одежда красивая, вода теплая, мыло и полотенца чистые. Вы припадками не страдаете? По ночам в постель не мочитесь?

– Нет, сайет.

– Тех, кто грязь разводит или имущество портит, строго наказывают. Завтра У-Лаллок на вас поглядит, – заявила толстуха напоследок и ушла.

– Виши здесь ценные, им повезло, – передразнила ее Оккула. – С ними так хорошо обращаются, что они становятся припадочными и по ночам в постель мочатся. Ах ты, сука завшивленная! Ладно, давай на этих койках устроимся, подальше от очага. – Она потрогала тюфяк и распласталась на кровати. – Ха, правду сказала корова! Постель мягкая, удобная. Еще б поесть... Ты стряпать умеешь?

– Немного, – призналась Майя. – Смотря что.

– Вот и славно, а то я вообще не умею. Говиг не в счет, давно было. Слушай, давай в купальню поодиночке ходим? Не хочется без присмотра сундук оставлять, мало ли что за девицы здесь собрались. Ну, иди мыться.

– Нет, я подожду, – ответила Майя. – Мы же в караульной у стражников вымылись, помнишь?

– Правда, что ли? Так это когда было! Ну, как хочешь. Я пойду поплещусь, а ты пока отдохни. Полотенца наверняка в купальне есть.

Майя, оставшись в одиночестве, улеглась на кровать. Деревянную перегородку покрывала вязь выцарапанных имен, надписей и рисунков. «Мейдиса из Дарая», – медленно прочитала Майя, шевеля губами. Чуть ниже располагалось весьма откровенное изображение, подписанное: «Тилла бастает, как свинья». Разглядывая надписи, Майя задремала. Проснулась она оттого, что в комнату вошла коренастая девушка лет семнадцати, темноволосая и косоглазая, с хрустом жуя яблоко. При виде Майи она остановилась, оглядела ее с ног до головы и сердито спросила:

– Ты кто?

Майя села на краешек кровати и улыбнулась:

– Меня зовут Майя. Я из Тонильды.

– Из дельды? – ехидно переспросила девушка. – Оно и видно. А свои на полку на ночь кладешь?

Грубое, презрительное замечание невозможно было принять за шутку. «Нет, на ссору лучше не нарываться, – подумала Майя. – Она сильнее, да и подруги ее на помощь прибегут, не отобьешься».

– Ты зачем грубишь? – спросила она. – Мы с тобой обе в беду попали...

– Может, ты и попала, откуда мне знать, – огрызнулась девушка. – Забрюхатела, что ли?

– Да я не о том...

– А что в сундуке? – спросила косоглазая, подходя к кровати.

– Не твое дело, – резко ответила Майя. – Это подруги моей, Оккулы. Она сейчас вернется.

– Оккула-чпоккула, – передразнила девица тонильданский выговор Майи и плюнула в нее яблочными семечками. – Вот вернется твоя Оххала, еще не так разохается. – Она захихикала и распахнула крышку сундука.

– Не тронь, кому говорят! – выкрикнула Майя, хватая девушку за запястье.

Косоглазая оттолкнула Майю и засунула ей за шиворот огрызок яблока. Тут в комнату вошла Оккула: талия обмотана полотенцем, оранжевый метлан перекинут через руку, в другой руке – чугунная сковорода.

– Банзи, глянь, что я нашла... – начала она, окинула взглядом распахнутый сундук и косоглазую девицу, а потом посмотрела на Майю. – Что происходит? Это кто открыл?

– Она, – кивнула Майя. – Я остановить ее хотела, а она...

– Сейчас остановим, – сказала Оккула и стукнула девушку сковородой по макушке.

Сковорода отозвалась гулким звоном.

Девица пошатнулась, упала на пол, но сразу же подскочила и, брызжа слюной, ринулась на Оккулу. Подруга, стремительно швырнув Майе метлан и сковороду, храбро встретила натиск. Противницы, сцепившись, катались по полу. Тут в комнату вбежали остальные невольницы, встали в кружок и начали громкими криками подбадривать дерущихся.

Оккула, прижатая к полу, обвила соперницу руками и ногами:

– Бей ее, банзи!

Майя обеими руками ухватила ручку сковороды, замахнулась и со всей силы ударила косоглазую девицу по затылку.

В комнату вошла Варту и разгневанно спросила:

– В чем дело?

Все немедленно умолкли – видно было, что толстуху боятся.

Варту нагнулась, подняла косоглазую девушку за шиворот, без малейшего усилия отшвырнула на койку, отвесила звонкую пощечину и повернулась к Оккуле, но чернокожая девушка, опустив крышку сундука, невозмутимо надевала метлан.

– Ты что это вытворяешь? – завопила Варту.

– Одеваюсь, сайет, – ответила Оккула.

– Одевается она! – возмущенно заорала толстуха. – Ну я тебе покажу, шлюха черномазая! – Она вперила в Оккулу устрашающий взгляд, но девушка не отвела глаз. Варту отвернулась и прикрикнула на косоглазую девицу: – Поднимайся, мерзавка!

Та немедленно встала и замерла, чуть покачиваясь.

– Мне плевать, кто драку начал, – заявила толстуха. – Если б вас завтра У-Лаллоку не показывать, я б обеих выпорола на совесть. Еще раз такое повторится, я найду способ, как вас наказать так, чтоб следов не осталось. Ясно вам?

– Да, сайет, – покорно произнесла Оккула. – С вашего позволения, мне хотелось бы поставить сундук в надежное место, чтобы в него без спросу не лазили.

– Много ты о себе воображаешь! – буркнула Варту. – Ладно, отнесите сундук ко мне, заодно и еду на всех заберете. Нечего вам тут прохлаждаться.

Еды и вправду оказалось вдоволь: каждой рабыне полагалось полфунта нежирного мяса, свежие овощи, фрукты, хлеб, сыр и молоко.

– Вы такого обращения не заслужили, – проворчала толстуха. – Как поужинаете, не забудьте все прибрать, я проверю. А ты соображаешь, даром что чернокожая, – неожиданно сказала она Оккуле. – Девицы там все больше неотесанные, ты уж за ними пригляди.

– Слушаюсь, сайет, – ответила Оккула.

Полтора часа спустя Майя – чисто вымытая, одетая, досыта накормленная и с туго перевязанной щиколоткой – с наслаждением растянулась на мягком тюфяке, забыв о беде, что приключилась с ней всего пять дней назад. Как это часто случается, Оккула и косоглазая девица по имени Чийя уже успели подружиться. Чийя вызвалась состряпать ужин и рассказала, что ее привезли из Урты две недели назад, в счет оброка.

– Меня старейшина Сурдад выбрал, чтоб ему в Избоины отправиться прежде времени! А все потому, что с отцом моим не поладил. Вот меня больную-то в кандалы заковали, двадцать лиг пешком протащили. Не знаю, как не померла в дороге. А как сюда дошли, так я в бреду неделю и провалялась, потому меня еще на торги не выставили, ждут, пока сил не наберусь. Тебе-то легче будет, – заявила она, завистливо глядя на Майю. – Не понимаю, как ты здесь оказалась. У нас таких в рабство не продают. А меня в судомойки определяют в каком-нибудь трактире.

Майе стало жалко бедняжку, и она предложила Чийе поужинать вместе. Косоглазая девушка с радостью согласилась. В сгустившихся сумерках девушки подтащили койки поближе друг к другу и тихонько переговаривались.

– Слушай, а почему ты Зуно ничего не рассказала про этого красавчика, как его там... ну, знатного господина, – спросила Майя Оккулу. – Может, он нас с тобой купит, если Лаллок ему предложит?

– Может, и купит, – ответила подруга. – Только я на это не надеюсь. Чего зря задумывать, если Лаллок наверняка уже решил, кому нас продать. Вдобавок хоть этот парень и знатного рода, из Леопардов, но молод еще. Такие невольниц не покупают. Да и зачем им? В столице других удовольствий хватает. А даже если и купит, вдруг война? Вот уйдет он воевать, а рабов своих продаст – и что потом делать? Нет, нам другой покупатель нужен.

– Какой?

– Ну, если повезет, то хорошо бы нас продали какому-нибудь старику, из тех, кто рабынь держит не только для постельных утех, а чтобы положение свое подчеркнуть. Такое часто бывает, я знаю. А как устроимся, можно друзьями обзавестись, связями полезными, чтобы в люди выбиться. Если честно, банзи, я точно знаю, чего мне не хочется, а не чего хочется. И красавчик этот мне совсем не по нраву – слишком уж гладкий. Ненадежно это, поверь мне. Может, я и не права, но сердце мне подсказывает – с ним жди беды. И не забывай, мы – собственность Лаллока, и с этим ничего не поделаешь. – Она повернулась к Чийе и

спросила: – А что ты там говорила про эти, избоины какие-то?

– Ой, не поминай к ночи! – воскликнула Чийя, краснея. – Беду накликаешь.

– Что за проклятье такое?

– Не скажу. И никакой уртаец тебе не скажет. Забудь, что слышала.

– А как его насылают?

– О великий Шаккарн! Молчи! Нельзя об этом. Одно могу сказать – ты туда не попадешь.

Оккула задумалась, пожала плечами и шепнула Майе:

– Банзи, ты никому не говори, откуда я родом, ладно? И историю, что я тебе вчера рассказала, не повторяй.

Майя согласно кивнула.

– Ой, ты умеешь сказки сказывать? – спросила Чийя. – Как настоящая сказительница?

Ты в доме утех выучилась, да?

Оккула рассмеялась и облегченно вздохнула – хорошо, что уртайка не поняла, о чем они с Майей говорили.

– О Крэн, я столько сказок знаю! – воскликнула она.

– Расскажи! – взмолилась Чийя. – Про Леспу или еще про какую богиню... – Не дожидаясь ответа, она выкрикнула на всю комнату: – Идите сюда, Оккула сказку расскажет!

Девушки, сгорая от любопытства, с нетерпением столпились вокруг странной чернокожей невольницы.

Оккула молча оглядела собравшихся и наконец произнесла:

– Ну что ж, придется рассказать. Про кого? Про Леспу?

– Да, расскажи про Леспу! – воскликнула Чийя и с горечью добавила: – Про то, как она была обычной деревенской девушкой, как все мы.

Остальные согласно зашептались, но едва Оккула начала говорить, как воцарилось молчание.

Сказ о жертвоприношении Леспы

– Давным-давно богиня Леспа, та, что посылает нам драгоценные сны из своего мерцающего звездного дворца, была простой смертной, – нараспев произнесла Оккула. – Никто не знает, откуда она родом, все говорят по-разному: уроженцы Кебина рассказывают, что она там родилась, жители Икета настаивают, что Леспа жила в Йельдашее, но я всегда считала, что богиня начала свой путь в одной из деревень Субы, там, где Вальдерра впадает в Жерген.

– Твоя правда! – воскликнула одна из девушек. – Моя матушка оттуда родом, она мне всегда говорила...

– Вранье! – перебила ее другая. – Леспа в Саркиде родилась, все знают. Мне матушка сказывала...

– Вот видите, – примирительно улыбнулась Оккула. – Ну, я-то точно знаю, что Леспа не в моей земле уродилась. Вы пока между собой разберитесь, а я подожду.

– Нет-нет, Оккула, рассказывай! – попросила Чийя и прикрикнула на девушек: – А вы заткнитесь и слушайте.

– Так вот, жителям деревни, считай, повезло, будто радуга в землю концом уперлась, потому что таких красавиц, как Леспа, свет прежде не видывал. Вот исполнилось ей лет четырнадцать или пятнадцать. Всякий раз, как она в поле отцу обед несла, все вокруг свои дела бросали, каждому хотелось с ней словом перемолвиться, а потом домой проводить. Чуть до драки не доходило.

Жил в той деревне паренек по имени Балтис. Так ему Леспа в сердце запала, что он ни есть, ни пить не мог, ночами не спал, все терзался. Он ладный юноша был – высокий, крепкий. Подмастерьем в кузне работал. Да вы и сами знаете, по всей империи кузнецов обычно Балтисами кличут – как встретишь Балтиса, так наверняка кузнец.

Балтис с Леспы глаз не сводил, парней от нее отгонял, даже поколачивал иногда, да все впустую – он их бьет, а они знай за ней увиваются, будто мотыльки вокруг свечи. Балтис хороший работник был, только его чуть из кузни не выгнали: он как увидит, что Леспа из дому выходит, так молот бросит – и за ней.

Сам Балтис хорошо знал, что ему от Леспы надобно, а вот Леспа... Понимаете, она про любовь ничего не ведала, наивная была, словно бабочка, что непросохшие крылышки только-только расправила. Нет, она догадывалась, что хорошенькая, потому что как на улицу выйдет, так откуда ни возмись парни выскакивают и все ее красавицей величают. Вскоре Леспа даже на реку без матери не ходила – пока девушка купалась, мать любопытных отгоняла. Ну, хоть и не понимала Леспа, чего парни от нее добиваются, внимание ей нравилось – кому ж неприятно, когда тебя нахваляют? С самого детства славилась она учтивым и ласковым обхождением, умела с людьми разговаривать и возле себя их удерживать – так всякая корова или там куропатка знает, кого к себе подпускать, а кого отваживать.

Ну, куда пчелиная матка полетит, туда и рой следом. Только матка летает высоко, за ней не всякий поспеет, а кто поспеет – дорого за это платит. В те времена, сказывают, Балтис от любви голову совсем потерял, каждый мельд на Леспу тратил, каждую свободную минутку ей уделял. В конце концов Леспа, даром что не знала, чего ей от Балтиса надобно, поняла, что не прочь с ним наедине остаться, в его объятиях понежиться да неведомой науке у него

выучиться.

Как ни старалась Леспа удобную минутку улучшить, ничего у нее не выходило. Отец ее, человек зажиточный, хозяйство вел справно, держал долю в рыбацкой лодке на Жергене, а потому считал Балтиса неподходящим ухажером для своей красавицы-дочери, отвадить его хотел. Вскоре Балтис перестал у дома Леспы околачиваться – никто его там не привечал, а как Леспа ему украдкой улыбалась, то родители ее ругали строго. Ну, вы сами знаете, что запретный плод слаще сладкого. Леспе стало любопытно, чего же Балтис так отчаянно добивается, да и тело ее тоже изнывало от тайных желаний, вот только раскрыть эту тайну Леспа никак не могла, хотя чувствовала, что ответ где-то рядом, как полузабытый сон, – впрочем, в то время снов на свете еще не было.

– Снов на свете не было? – ахнула Чийя.

– Конечно, – серьезно кивнула Оккула. – Откуда ж снам взяться, когда звездного дворца Леспы еще не построили?

– Ох, наверное, когда снов не было, тяжело на свете жилось, – вздохнула одна из девушек.

– Так вот, в деревне, где Леспа жила, – продолжила Оккула, – поклонялись богу Шаккарну. Вы тут из разных краев собрались, не знаю, известно вам или нет, но я вам скажу, что мне рассказывали: бог Шаккарн куда древнее Крэна и Аэргы. Над здешними землями он с давних времен властвовал, еще прежде того, как ортельгийцы своего медведя в Беклу привели, а их вот уже пять сотен лет как прогнали отсюда на остров посреди Тельтеарны. Говорят, древность народа в империи до сих пор определяют по тому, чтут люди Шаккарна или нет. Шаккарн над землей властвует, оттого в деревнях его и помнят. А еще говорят, что если Шаккарн империю оставит, то империя разрушится и никакой Крэн ее не спасет. Шаккарн – бог простых людей; роскошных храмов он не требует, ему скромных святилищ хватает, не то что богам жадных жрецов и богатых владык.

– Ш-ш-ш! – испуганно воскликнула Чийя, зажмурилась и схватила рассказчицу за руку.

– Да не пугайся ты так! – невозмутимо сказала Оккула. – И глазом не коси почему зря. Я слишком дорогой товар, здесь меня никто не тронет. Были б мы в верхнем городе – другое дело. Ну, как бы то ни было, в честь Шаккарна великий праздник устраивают в начале осени, и в какой деревне святилище есть, его украшают цветами и особыми покрывами – женщины их годами ткнут да вышивают. А в день праздника мужчины несут плоды своих трудов: крестьяне – овец, коз или коров, кузнецы – изделия железные, кожемяки – шкуры выделанные и так далее. Всю эту живность и предметы называют жертвоприношением Шаккарну. Незамужние девушки, как им тринадцать лет исполняется, весь год волосы растят, а в день праздника обрезают и тоже Шаккарну отдают – такое вот девичье жертвоприношение. Правда, что потом с этими волосами делают, мне неизвестно.

– Как что? – удивилась Чийя. – Набивают ими подушки да тюфяки, одеяла стеганые. А как свадьбу играют, невеста с женихом на этих подушках в святилище ночь проводят – мягко, тепло, да и детей помогает зачинать.

– Спасибо, что рассказала, теперь буду знать, – улыбнулась Оккула. – Может, при случае сама попробую. А еще говорят, что у Шаккарна жрецов нет; в каждой деревне ему поклоняются по-своему, а древние ритуалы передают из поколения в поколения... Так вот, той осенью в деревне Леспы готовились к чествованию Шаккарна: святилище украсили сверху донизу, как положено. Гирлянд из трепсиса наплели для яркости; охапок планеллы нарвали, чтобы благоухало кругом. Красоту наводили две местные старухи – они много лет

этим занимались и к святилищу больше никого не подпускали.

– У нас в деревне тоже такие есть, – вспомнила Майя.

– Таких везде хватает, – согласилась Оккула. – Так вот, утром перед праздником две кумушки взялись за работу: венки вязали, гирлянды развешивали, окна зелеными ветвями украшали. Наконец дошло дело до алтаря.

На алтаре лежал великолепный покров с бахромой, что свешивалась до самого пола, – его лет за двадцать до того местные женщины соткали и расшили богатыми узорами. Красивее покрыва во всей округе не было, из дальних деревень на него приходили любоваться. Короче говоря, стали старухи алтарь украшать, да и пригорюнились, заметив, что покров прохудился: бахрому в нескольких местах мыши погрызли, кое-где ткань поползла, прорехи образовались.

«Ох, беда-то какая! – запричитала одна. – Некрасиво ведь! Как же все это к завтраму починить?»

«Да, некогда шитьем заниматься, еще сколько дел надо переделать!»

«А просить никого не хочется, – вздохнула первая кумушка. – Все знают, что мы всегда сами святилище украшаем. Вдруг решат, что мы не справились, засмеют и прогонят?»

Сели они на порог и стали горькую думу думать.

«По-моему, покров с алтаря снимать не стоит, – начала вторая старуха. – Он тяжелый, нам с тобой его не утащить. Вот если бы кто согласился его заштопать, сидя или лежа на полу...»

«Ну, это для молоденькой работа. Слушай, а ведь девчонку попросить легче – она и не засмеет нас с тобой, и никому не расскажет, что нам помощь понадобилась. Кто у нас в деревне есть из скромных и работающих?»

«Леспа! – припомнила вторая старуха. – Она и скромная, и работающая, и обходительная. Вдобавок дом их тут неподалеку, семья живет в достатке, наверняка и нитки цветные для штопки найдутся, все нам в расход не входить».

И вот старые сплетницы поплелись домой к Леспе, в дверь постучали.

А Балтис наш с дома красавицы по-прежнему глаз не спускал, даже когда работал – гвозди ковал или там решетки мастерил, – вот и увидел, как старухи к дому подошли, а матушка Леспы им дверь открыла. Поговорили, покивали, Леспу позвали. Ну, та вышла, улыбкой засияла, тоже кивнула, в дом вернулась, принесла рабочую шкатулку, где нитки цветные да иголки хранят. Старухи загалдели, закаркали, чисто вороны по весне.

Балтису ума хватило догадаться, что Леспа в святилище собралась, помочь старым сплетницам. А еще он сообразил, что случай представился наедине с ней побыть. От радости у него сердце так и зашло. По счастью, кузнец в соседнюю деревню ушел договариваться с кем-то о цене на новый засов, так что Балтис инструмент побросал и бегом в святилище помчался.

Заскочил внутрь, огляделся – а там цветов полно. Он, конечно, не растерялся, быстренько букетик собрал – и сильвон, и дженнет, и белые колокольчики, – чтобы Леспе вручить, как она появится. Балтис-то воображал, что Леспа одна придет, а когда чего-то очень хочется, то верится, что так оно и будет. Вот сидел он в святилище, вздыхал, придумывал, как она придет, что он ей скажет, как цветы отдаст... И тут услышал снаружи голоса двух старух – они вместе с Леспой пришли.

Балтис знал, что старухи сразу догадаются, зачем он явился, и при Леспе на смех его поднимут. Понятное дело, вынести этого бедняга не мог, а потому решил спрятаться, только

негде было: святилище крошечное, темных углов не найти. Единственное подходящее место – под алтарем. Вот туда наш Балтис и шмыгнул.

Алтарем служил большой крепкий стол, под ним Балтис и спрятался, покров его со всех сторон прикрывал. Старухи с Леспой вошли и остановились шагах в трех от алтаря.

«Как по-твоему, голубушка, сможешь заштопать покров, не снимая?» – спрашивает одна кумушка.

«Да, сайет, – отвечает Леспа. – И бахрому подошью, и прорехи заштопаю так, что незаметно будет. У меня и нитки подходящие есть».

Ну, они еще немного поговорили, а потом старухи в другой конец святилища ушли, гирлянды плести.

Леспа встала на одно колено, надела на палец наперсток и приподняла край покрыва, чтобы получше прорехи разглядеть. Потом иглу к свету поднесла, стала нитку вдевать, как вдруг почувствовала, как ей ногу что-то щекочет. Посмотрела вниз – желтая кассия. Леспа подумала, что цветок с алтаря упал, и в сторону его отложила. Только нитку вдела – ногу опять защекотало, но на этот раз Леспа успела заметить и цветок, и руку со знакомым шрамом. Наша красавица тихонечко покров приподняла – а там Балтис сидит, улыбается, палец к губам подносит. А потом – хват! – под стол ее утянул и ну целовать, да так, что Леспа даже вздохнуть не могла.

Целовал он ее, целовал, и тут одна из старух с другого конца святилища спрашивает:

«Леспа, как там дела? Ты не притомилась?»

Балтис нашу красавицу выпустил, она голову из-под покрыва высунула и говорит:

«Нет, сайет, нисколечко! Я тут изнутри смотрю, нет ли где дырочек. Сейчас быстро все подлатаю».

Стала она из-под алтаря вылезать, а Балтис ее за щиколотки схватил и не выпускает.

«Балтис, отпусти!» – шепотом взмолилась Леспа, а потом вдруг поняла, что не хочет из его рук вырываться. Ее к Балтису так и тянуло, хотя родители Леспы его к ней не подпускали, держали дочь в строгости. А он тут как тут – страстью так и пышет, как пожар в лесу. Красавица Леспа сыздетства баловницей была, шалости любила – и сейчас любит, вы же знаете, – вот и решила подшутить над старухами.

«Сайет, с вашего позволения, я на пол лягу, так у меня дело быстрее пойдет, – крикнула она кумушкам. – Покров тяжелый, его на весу держать сил нет».

«Конечно, голубушка, устраивайся поудобнее, лишь бы тебе хорошо было».

– Ох, я знаю, знаю, что дальше будет! – воскликнула Чийя.

– Раз знаешь, так молчи, – с улыбкой остерегла ее Майя. – Мы-то еще не догадались. А ты дальше сказывай, Оккула.

– Так вот, Леспа накидку свою свернула, под голову подложила, улеглась на пол – голова и плечи на виду, а ноги до пояса под алтарем – и давай бахрому подшивать. Долго ли, коротко ли, поняла она, что вот-вот застонет от... ну, наверное, от удовольствия, – не знаю, что там Балтис с ней вытворял. Она и рада бы встать, да не может, потому что старухи уже поближе подошли, заметили бы, что у Леспы... одежда в беспорядке, так сказать. Вдобавок Леспа пребывала в некоторой растерянности. Как известно, Суба – край рыбацкий, Балтис форель ловил с малых лет и знал, что рыб надо подманывать, вроде как ублажать, чтоб им удовольствие доставить.

И тут Леспа не сдержалась и застонала – громко, протяжно. Старухи так и подскочили от неожиданности.

«Ах, голубушка, что с тобой? – спрашивает одна. – Ты поранилась?»

«Нет, что вы, сайет, – пролепетала Леспа, содрогаясь от неведомого прежде наслаждения. – Я тут... палец иголкой уколола».

«Ох, бедняжка! – отвечает старуха. – Больно тебе? Ничего, не бойся, скоро пройдет. А крови много?»

«Нет, чуть-чуть кровит, не страшно, – вымолвила Леспа, задыхаясь. – Мне уже гораздо лучше».

Рассказчица умолкла и с напускной суровостью оглядела своих слушательниц, которые корчились от смеха.

– Вот так всегда, – прошептала она хохочущей Майе и холодно обратилась к остальным: – Ну что, дальше сказывать?

Все дружно потребовали продолжения.

– Ну, на рынке я бы сейчас плошку по кругу пустила, за рассказ плата полагается. Вы свое задаром получаете, совсем как Балтис. Так что молчите и слушайте.

Ну вот, у красавицы Леспы в глазах помутилось, не понять, то ли она покров латает, то ли ее саму латают; такого ей прежде испытать не доводилось, голова кругом пошла. По правде сказать, боги наверняка послали Балтису силу чудесную, потому что только по волшебству парень может одновременно и клубничины есть, и рыбку ловить и при этом ни звука не издавать, – как есть божий промысел. Да и сама Леспа почувствовала, что на нее божественная благодать снизошла. Зажала наша красавица край покрыва – и ну иглой сновать по-всякому, но все больше туда-сюда. Так увлеклась, что даже губу прикусила чуть не до крови. А потом как вскрикнула, забилась под алтарем, задержалась, точно сама не своя.

В это время старухи гирлянды плюща под самый потолок святилища пристраивали, от одного столба к другому. Одна залезла на стремянку, другая ее придерживала да советы давала. Тут Леспа и вскрикнула. Старухи оглянулись – а она вертится, как змея под мотыгой.

«О великий Шаккарн! – завизжали кумушки. – У бедняжки припадок! Что делать?»

«Помоги мне спуститься, – воскликнула та, что на лестницу вскарабкалась. – Держи стремянку, не выпускай, а то я упаду! Погоди, я мигом...»

Припадок их так напугал, что они замешкались за пустой суетой и только через минуту подошли к алтарю, под которым лежала утомленная, но чрезвычайно довольная Леспа.

«Что случилось, голубушка? Тебе плохо? Где болит?»

«Ах, простите, сайет, – вздохнула Леспа, торопливо прикрываясь алтарным покрывом. – Судорогой ногу свело».

«Ох, бедняжка! Ничего, мы тебе сейчас поможем», – предложила одна старуха и взяла Леспу за руку.

Обе кумушки поднатужились, да только Леспу поднять не смогли – Балтис ее за ноги под столом держал, все старался платье поправить.

«Схожу-ка я за кузнецом, – вызвалась вторая старуха. – Или подмастерье его, Балтиса, позову. Он парень крепкий, быстро управится».

Как только она ушла, Леспа и говорит ее товарке:

«Ах, сайет, дайте мне водицы испить. Глядишь, мне и полегчает».

Старая сплетница поспешно ушла к ручью за водой, потом вернулась и видит, что Леспа покойно сидит у алтаря.

«Мне уже полегчало, – сказала красавица. – Только давайте мы с вами, сайет, у святилища по лужайке пройдемся, чтобы у меня в голове прояснилось».

Пока они с Леспой гуляли, Балтис незамеченным выскользнул из святилища и в кузню прибежал. Никто его отсутствия не заметил, потому как сам кузнец еще не вернулся.

Леспа в себя пришла, алтарный покров за полчаса заштопала, а вечером дома волосы остригла, в жертву Шаккарну, и большой пирог с дичью к празднику испекла.

Все ее пирог ели и хваливали, мол, вкуснее не бывает, да только из рук красавицы Леспы съели бы и камни. А как праздник подошел к концу, прежде чем танцы начались, Леспа родителям сказала, что бабушку пойдет навестить, – старухе нездоровилось, она дома сидела, слушала, как народ веселится.

«Ну что, внученька, – прошамкала бабуса, – принесла ты жертву Шаккарну?»

«Да, бабушка, самую что ни на есть лучшую девичью жертву», – ответила Леспа.

«А пирог твой понравился?»

«Еще как понравился! Я теперь так наловчилась со скалкой управляться, что из рук ее больше не выпущу».

– Девушки, спать давно пора, – заявила Варту, появляясь в дверях комнаты. – А кто меня ночью потревожит, тому не поздоровится. Чийя, огонь в очаге погаси.

Как только толстуха заперла дверь на замок, Оккула обняла Майю за плечи:

– Ох, банзи, койка узкая, как сточная канава, но мы с тобой поместимся, правда?

– Как, при всех? – смутилась Майя.

– А что такого? – удивилась подруга. – Не мы одни друг друга утешаем, сама видишь. Вдобавок, кто знает, где завтра ночевать придется.

Майя улеглась на свою койку и крепко уснула. Проснулась она часа через два после восхода солнца. В очаге уже горел огонь, девушки завтрак готовили. Оккула еще спала. Майя принесла еду и разбудила подругу, но та вставать не торопилась.

– Нам с тобой спешить некуда, банзи, – сказала Оккула, лениво жуя ломоть свежего хлеба с медом. – За нами пришлют, только рано еще.

– Откуда ты знаешь? – спросила Майя.

– Да знаю уж. Сходи-ка ты в купальню, посмотри, что там делается.

Майя недоуменно пожала плечами, но сделала, как велено. Во дворе ее остановила Варту и приказала возвращаться в комнату, убрать со стола и подмести пол. Час спустя Майю с Оккулой позвали в купальню.

Громадную каменную лохань в полу наполнили чистой водой с ароматными травами. Майя ногой потрогала воду – теплая, приятная! Вкусная обильная еда, мягкая постель и сладкий сон заставили Майю забыть о недавних бедах. К ней вернулось счастливое расположение духа. Она торопливо сняла повязку со щиколотки, разделась и с наслаждением бросилась в воду. Отмокнув и наплескавшись, девушки принялись увлеченно пробовать друг на друге всевозможные щетки, гребни, ароматные масла и притирания.

Наконец в купальню пришла Варту и велела им вылезать из воды и одеваться.

– Вас Лаллок все утро дожидается! – проворчала толстуха. – Похоже, вы не торопитесь хозяина убажывать.

– Так мы его и убажали, – с лукавой улыбкой заметила Оккула.

– Язычок-то попридержи, – оборвала ее Варту. – Делай что велено, а то как бы жалеть не пришлось.

Майя, неторопливо расчесывая золотые кудри, совсем забыла о том, что должна предстать перед Лаллоком. Руки ее задрожали, к глазам подступили слезы. Оккула подошла к подруге, опустилась на колени и обхватила ладонями Майин подбородок:

– Успокойся, банзи, тебя никто не обидит. И вообще, лучше уж к Лаллоку, чем зубная боль, правда?

– Но он же нас раздеваться заставит... – всхлипнула Майя.

– Вот глупышка! – воскликнула Оккула. – Да он уж насмотрелся, не сомневайся.

– Когда это?

– Да в купальне же! Угол кисейной занавеской выгородили, помнишь? Ах, ты же в домах утех не бывала, не знаешь, что там такое всегда устраивают. Некоторым нравится за другими подглядывать. Я, как кисейную занавеску заметила, сразу все поняла.

– А ты его видела?

– Нет, конечно. Для этого кисею и повесили. Но я уж постаралась, чтобы он меня хорошенько разглядел. Хорошо, что я тебя не предупредила, а то б ты от смущения не знала, куда себя девать. Воду ароматную и притирания не для уртайских коров косоглазых приготовили, а для нас, красавиц. Так что не бойся, раздеваться тебя никто не заставит – до поры до времени. Вдобавок мы же вместе к Лаллоку пойдем.

В комнате толстухи Майя встретила еще одной неожиданностью. Лаллок представлялся ей дородным старцем с темной бородой и в просторном одеянии, однако у

стола сидел крепкий тридцатилетний мужчина – чисто выбритый и светловолосый. По простодушному убеждению Майи, одет он был с невероятной роскошью, на дильгайский манер – ярко, как цыган или как ярмарочный зазывала. В ушах блестели золотые серьги, шею обвивал алый шарф в синюю полоску, на желтой безрукавке переливалась огромная брошь с тельгеарнскими аквамаринами, а ноги обтягивали лосины из тончайшей багряной кожи. На столе перед Лаллоком лежала гора бумаг, включая послание госпожи Домриды. Когда девушки вошли, он отложил очередной лист и велел им присесть на скамью у стола. Зуно, стоявший за спиной хозяина, холодно кивнул Оккуле и что-то прошептал на ухо Варту.

– А, вот и чернокожая девушка от госпожи Домриды, – удовлетворенно произнес Лаллок с сильным дильгайским выговором. – Она тебя очень хвалила! – Он благосклонно улыбнулся Оккуле.

– Благодарю вас, мой господин, – учтиво ответила она.

– Так, ты у Домриды несколько лет провела, постельным утехам обучена... А за столом прислуживать умеешь? Про это она ничего не пишет. – Он побарабанил пальцами по столешнице.

– Да, мой господин, умею.

– Значит, в услужение к знатым господам просишься, в верхний город?

– Да, мой господин.

– Гм, знатым господам прислуживать непросто, – сказал Лаллок, хитро поглядывая на Оккулу. – Ох как непросто. Если тебе такое не по нраву, ты сразу скажи, я тебя к другому пристрою, Домрида внакладе не останется.

– Благодарю вас, мой господин. Я совсем не прочь служить знатному господину из верхнего города. Обучена я хорошо, соображаю быстро, вас не ослаблю, не сомневайтесь.

Лаллок еще раз перечитал письмо.

– Что ж, если покупателю ты не подойдешь, он мне тебя вернет. Будем надеяться, что этого не случится. Похоже, Домрида в твоих способностях уверена, иначе бы не продала.

Он отложил послание, взял счета и начал быстро перебирать костяшки.

– Прошу прощения, мой господин, – почтительно произнесла Оккула, – мне бы хотелось узнать о деньгах.

– О деньгах? – переспросил ее Лаллок.

– Да, мой господин. Госпожа Домрида обещала мне пятьсот мельдов от продажной цены.

– Ну, это если за тебя назначенную цену заплатят, – напомнил Лаллок.

– Мой господин, умоляю, войдите в мое положение, – начала Оккула. – Я упростила госпожу Домриду меня вам продать, чтобы и вам славу принести, и себя не обидеть. Денег мне нужно немного, и я их с умом употреблю, к вашей же выгоде.

– Что ж, ради Домриды мы что-нибудь придумаем, – нетерпеливо ответил Лаллок. – А что твоя подруга? – Он повернулся к зардевшейся Майе. – Нам о ней ничего не известно. Случайное приобретение, а, Зуно? Сверх положенного в Тонильде оброка?

– Да, мой господин. Мегдон... – начал Зуно.

– Прекрасно, прекрасно, – пробормотал Лаллок, разглядывая Майю, и восторженно потер руки. – И где ее Мегдон приобрел?

– Как мне объяснили, мой господин, – протянул Зуно, – Мегдон или Парден, в общем, наши люди в Тонильде, проезжая через Мирзат, встретили женщину, которая вознамерилась продать девчонку. Разумеется, они товар осмотрели и незамедлительно заключили сделку.

Ничего удивительного, сами видите.

– И как дорого она им обошлась?

– Счет за нее я вчера Варту отдал, вон он, на столе лежит.

– Нет, ты мне сам скажи, что, по-твоему, Мегдон за нее заплатил. Ты ему веришь?

– В нашем деле я никому, кроме вас, не верю, мой господин, – ответил Зуно. – Мегдон девчонку приобрел у невежественной крестьянки. В счете сумма указана. Сами понимаете, что такую девушку за пустячные деньги нигде не купишь. Ну, в конце месяца Мегдон свои расходы нам представит, там и посмотрим.

Наступило молчание.

– Кто тебя продал? – спросил Лаллок у Майи.

– Матушка, – еле слышно прошептала бедняжка.

– Мачеха? – уточнил Лаллок.

– Нет, мой господин.

– Тебя родная мать продала? С чего бы это?

– Не знаю, мой господин.

Лаллок потянулся через стол, ухватил Майю за подбородок и, приподняв ей голову, пристально посмотрел в глаза:

– Ты распутничала? Забрюхатела? Или убить ее хотела? Ну-ка, признавайся!

Майя отшатнулась и, закрыв лицо ладонями, зарыдала взхлеб. Оккула начала ее успокаивать, Варту досадливо прищелкнула языком, а Лаллок снова забарабанил пальцами по столешнице.

– Приструнить ее, мой господин? – спросила толстуха.

– Нет, пусть себе плачет. Главное, чтобы была здорова и не в тягости. Мы ее сразу продадим, хорошую цену выручим.

– Мой господин, а вы не хотите продать ее вместе со мной? – предложила Оккула.

– И не надейся, дурочка. За тебя одну четырнадцать тысяч обещано, а может, и на пятнадцати сторгуемся, – возразил Лаллок. – Вдвоем вы покупателю в целое состояние обойдетесь.

Майя ахнула, вцепилась в Оккулу и заплакала еще горше. Варту подбежала к девушкам, встряхнула Майю и закрыла ей рот рукой.

– Уведи ее отсюда и успокой, – велел Лаллок толстухе. – Только чтоб следов не осталось. Смотри мне, товар не попорть! Зубы не выбей, как в прошлый раз. Лучше узнай, здорова она или нет.

Как только Варту вывела Майю из комнаты, Оккула заговорила:

– Мой господин, я вам сейчас расскажу все, что мне доподлинно известно. Майя мне все сама выложила, как на духу: ее отчим соблазнил, больше у нее никого не было. Семья бедная, живут впроголодь, мать на сносях, а дочь продала из ревности, когда отчим по делам уехал. Так что девушка вполне здорова и не беременна.

– А почему ты хочешь, чтобы я вас вдвоем продал? – уточнил Лаллок.

– Видите ли, мой господин, мы друг с дружкой поладили, – призналась Оккула. – Кроме того, я о вашей выгоде пекусь. Майя – девчонка молодая и неопытная. Я ее лучше всех нужной науке обучу, потому что она мне доверяет и меня не боится. Вдобавок мы друг дружку оттеняем – я чернокожая, она беленькая. Это многим по нраву придется, а вам славы прибавит. Вот я за ней и пригляжу, она свое смущение переборет, пугаться будет меньше. – Оккула мельком взглянула на Зуно. – Помните, мой господин, как она в Хесике испугалась?

Ну, на постоялом дворе.

– Гм, не время сейчас об этом вспоминать... – Зуно помолчал и добавил: – Впрочем, ты дело говоришь. По здравом размышлении, мой господин, девушек и впрямь выгоднее продавать вдвоем. Если, конечно, разумную цену назначить.

Лаллок задумался. Домрида предупреждала его, что чернокожая невольница не только обладает необычной внешностью, но и отличается острым умом, а потому наверняка далеко пойдет, особенно в Бекле. Может, станет наложницей какого-нибудь важного барона или шерной, умело удовлетворяющей прихоти пресыщенных богатеев-сластолюбцев. Кто знает? Доходы от торговли наложницами выражались не только в звонкой монете, хотя за хорошо обученных молоденьких рабынь и впрямь платили немалые деньги. Нет, искусную наложницу не стоило настраивать против себя – впоследствии она может занять высокое положение в обществе и стать источником важных сведений. Вдобавок Лаллок припомнил, что один из его приятелей, работорговец Хосейн, лет шесть или семь назад успел укрыться от гнева Леопардов по своевременному совету одной из своих бывших рабынь.

– Ну что ж, – вздохнул Лаллок. – Попробуем продать вас обеих. Только ты особо не надейся, Оккула. Покупатель – человек богатый, но неизвестно, согласится ли он на нашу цену. Так что без обид, ладно?

– Конечно, мой господин.

– Твою долю денег я тебе сейчас отдам, пока никто не видит. Тебе есть где их спрятать?

– Да, мой господин.

– В верхний город мы сегодня же поедем. У тебя есть что надеть?

– Да, мой господин, мои наряды при мне. Надеюсь, вам понравится. Только вот подружке моей хорошо бы платье подобрать.

– Подберем, не волнуйся. И причешут ее, как полагается. А ты иди пока, успокой ее. Негоже к покупателю зареванную девчонку вести.

– Не беспокойтесь, мой господин, я обо всем позабочусь.

Час спустя Майя, причесанная и надушенная, в новом облегающем зеленом платье с белой оторочкой и низким вырезом, вместе с Оккулой сидела в занавешенном паланкине, направляясь по улице Оружейников к Павлиньим воротам – единственному входу в верхний город. Лаллока, девушек и рабов-носильщиков провели в крохотное помещение в толще стены, известное как Лунный притвор. Там их обыскали и подтвердили личности входящих. Даже Лаллок, известный работорговец, вынужден был подвергнуться суровому досмотру – Леопарды весьма заботились о своей безопасности. Обыскали даже паланкин. Наконец привратник налег на рукоять подъемного механизма, и тяжелая створка ворот скользнула вверх, открыв дорогу в верхний город. Лаллок и его спутники проследовали к домам богачей на восточном берегу озера Крюк, точнее, в особняк Сенчо-бе-Л'вандора, верховного советника Бекланской империи.

В седьмой год правления Дераккона досточтимому Сенчо-бе-Л'вандору, верховному советнику Бекланской империи, одному из самых богатых и влиятельных людей в стране, стоявшему во главе Леопардов, исполнилось сорок пять лет.

Мать его была шлюхой в нижнем городе, отца он не знал. К десяти годам Сенчо выучился торговать и воровать; вдобавок миловидное обличье и учтивое обхождение помогали ему удовлетворять плотские желания взрослых – как женщин, так и мужчин. Мать тем временем спуталась с воровской бандой, а потом, оказавшись причастной к убийству, перебралась через Врако и попала в Зерай, бросив сына на произвол судьбы. Так и случилось, что дворецкий Фравака, богатого торговца железом, в один прекрасный день обнаружил на заднем дворе хорошенького мальчишку, выпрашивающего объедки с кухни. В обязанности дворецкого входило потакать извращенным вкусам хозяина, поэтому он пригрел мальчугана, нашел ему занятие в доме и через пару недель, убедившись в справедливости своих подозрений, привел юного подопечного к Фраваку.

Торговец, разнежившись на солнышке во дворе особняка, лениво сунул мальчику руку под рубаху, облапил его, ущипнул, расспросил о прошлых приключениях и потребовал продемонстрировать свои умения. Чуть погодя удовлетворенный Фравак задремал, но прежде велел дворецкому увести Сенчо и подготовить его к новым обязанностям.

Десять или двенадцать недель Сенчо провел взаперти, в роскошно обставленной спальне верхнего этажа. В спальне был балкон и отдельная купальня. К Сенчо приставили рабыню, молчаливую гельтскую девушку, которая заботливо ухаживала за ним, умащала благовонными маслами и – самое главное – откармливала.

Мальчика заставляли есть беспрестанно, с утра до вечера, – кормили вкусно, обильно и во все увеличивавшихся количествах. Если он отказывался от еды, то его пороли гибкой розгой и оставляли рыдать на толстом мягком ковре. Если он съедал больше, чем требовали, то его осыпали щедрыми дарами – драгоценными шкатулками, резными гребнями и всевозможными украшениями. Когда ему давали деньги, он посылал рабыню на рынок за излюбленными лакомствами. В перерывах между едой и сном Сенчо нежился на солнце, дабы кожа его не приобрела мертвенно-бледный оттенок. Вдобавок его обучали чтению, письму, пению и особой науке улаживать хозяина.

Спустя три месяца Сенчо привык к изысканной пище и растолстел, как откормленный каплун. Хитрости он не утратил, зато сил и энергии прибавилось. На пухлом теле появились аппетитные ямочки, живот округлился, как тыква, кожа золотилась от солнца. Наконец хозяин счел его вполне пригодным к исполнению своих непосредственных обязанностей.

Каждый вечер к возвращению хозяина Сенчо наполнял ванну, помогал Фраваку совершать омовение, умащал его благовонными маслами, растирал и разминал его тело: летом на балконе, а в дождливый сезон – в теплой спальне. После этого он отводил хозяина в столовую, где прислуживал ему за ужином: нарезал мясо, подавал овощи и сыр, наливал вино, смешивал крепкие напитки и готовил соблазнительные лакомства. Торговец пристально следил за его хлопотами, потом удовлетворенно вздыхал и отсылал прочих слуг. Оставшись наедине с мальчиком, Фравак снимал с него одежду, увлеченно ласкал нагое тело, а потом заваливал Сенчо на ложе и овладевал им сзади.

Сенчо, обладая острым и проницательным умом, прекрасно осознавал все выгоды своего положения. Разбогатевший торговец старел, но по-прежнему требовал новых мальчиков для утех. Сенчо относился к ним по-дружески, без ревности и без злобы, расхваливал хозяина и не упускал возможности напомнить Фраваку, что обучает новичков искусству ублажать. Постепенно роль Сенчо в доме торговца изменилась: из катамита он превратился в сводника. В любимчиках у торговца задерживались только те, кто старался произвести благоприятное впечатление на Сенчо. Юноша с готовностью обучал новичков необходимым умениям, потому что самому ему давно надоело услаждать торговца; к тому же он предпочитал женщин, а проводить ночи в постели Фравака ему претило. Впрочем, хозяин не возражал, когда шестнадцатилетний Сенчо развлекался с девушками у себя в спальне, и временами украдкой подглядывал за своим подопечным.

Расторопный юноша охотно помогал Фраваку в торговых делах и не упускал возможности как можно больше узнать о тонкостях торговли металлом и рудой. Он познакомился с другими дельцами и владельцами складов, рудников и плавильен, вошел к ним в доверие и по крупницам собирал выгодные для Фравака сведения. Один торговец медью давно и настойчиво домогался Сенчо. Юноша украдкой навел дельца, исполнил то, что от него ожидалось, и расслабился в ванне. Тем временем к торговцу медью пришел по делу его приятель, тоже купец, который не преминул воспользоваться искусными услугами Сенчо. Потом юноша притворился, что его клонит в сон после энергичных физических упражнений, а мужчины за бокалом вина принялись открыто обсуждать свои деловые намерения. Обо всем услышанном Сенчо немедленно доложил Фраваку, что не только спасло торговца от неминуемого разорения, но и принесло ему немалую выгоду.

Фравак сообразил, что Сенчо обладает весьма проницательным умом – подслушанный ранее разговор касался сложных сделок и не всякий молодой человек оценил бы его значение, – а потому предоставил юноше возможность досконально освоить торговое дело. Однажды Фравак послал Сенчо в Гельт с чрезвычайно важным поручением, и юноша не только прекрасно справился с задачей, но и привез из поездки очаровательного мальчика, купленного на руднике специально для Фравака. Изучая торговую премудрость, Сенчо изобретал множество хитроумных ухищрений для того, чтобы стареющий делец проводил как можно больше времени в праздности и роскоши. Вскоре Фравак во всем полагался на юношу.

Однако же Сенчо никогда не обманывал своего хозяина, понимая, что торговец и в старости деловой хватки не растерял, а потому с легкостью заметит любую попытку мошенничества. Сенчо метил гораздо выше. Все счета он составлял аккуратно, дела вел честно и точно и сообщал Фраваку только надежные, проверенные сведения. Сам юноша жил скромно, денег на ветер не бросал, а удовольствия находил на стороне, так чтобы Фравак об этом не узнал. Рабынь и служанок в доме Фравака он не трогал, за исключением тех случаев, когда хозяину самому хотелось развлечься. Таким образом, одинокий старик наконец-то поверил, что Сенчо – его единственная надежда и опора, а потому заслуживает благодарности. Торговцу хотелось ощутить себя по-настоящему щедрым к человеку, заслуживающему доверия.

Однажды весной, когда Сенчо минуло двадцать пять лет, Фравак сообщил, что назначил юношу своим наследником и за верную службу передаст ему бразды правления своим делом. Сенчо вовсе не горел желанием всю жизнь торговать железом, а потому сообразил, что следующий шаг необходимо сделать немедленно, пока Фравак не изменил своего решения.

Убийство хозяина Сенчо подстроил с необычайной легкостью. В то время у Фравака было два любимчика: десятилетний йельдашейский мальчишка, смешливый и донельзя развращенный, и тринадцатилетний катриец, очаровательный смуглый паренек, попавший в рабство во время набега на северную окраину Дарай-Палтеша. В доме его не любили – он плохо говорил по-беклански и считал жителей империи врагами. Поначалу Фравак предпочитал катрийца, но вскоре в нем разочаровался и приблизил к себе покладистого йельдашейца, который изо всех сил стремился ублажить хозяина. Как-то ночью Сенчо вошел в хозяйскую спальню, заколол спящих Фравака и йельдашейца, подбросил нож в постель катрийца, а после этого, как полноправный наследник и преемник торговца, обратился к властям с трогательной мольбой смилостивиться над юным преступником и даровать ему скорую смерть. Разумеется, Сенчо хорошо понимал, что под пытки катрийца отдавать нельзя, потому что пыточных дел мастера умеют отличать правду ото лжи и настоятельные уверения мальчишка в невинности не пройдут незамеченными.

Унаследовав торговое дело Фравака, Сенчо поначалу конкурировал с другими торговцами железом, затем попробовал свои силы в торговле тканью, канатами и драгоценными камнями. На удовлетворение своего чревоугодия и похоти он денег не жалел, но пуще всего алкал иного – власти. Фравак был хорошим торговцем, но чересчур осторожным дельцом и, хотя торговал он металлом, необходимым для изготовления оружия и доспехов, никогда не искал связей с бекланскими военачальниками. В отличие от бывшего хозяина, Сенчо только к этому и стремился.

В то время Бекланская империя была полуварварской страной: дороги и средства сообщения находились в зачаточном состоянии, а единой централизованной власти как таковой не существовало. Из-за своего выгодного географического положения Бекла, разумеется, стала естественным средоточием торговли. За сотни лет до этого бекланские бароны, предки Сенда-на-Сэя, державшие под своим контролем важные торговые пути, стали взимать поборы с путников и купцов, чей путь лежал через город. В руках баронов оказалась власть над важным населенным пунктом, который обеспечивал и поддерживал существование провинций, и за эту привилегию обитатели окраинных земель рады были платить. Впоследствии, с ростом богатства, величия и мощи Беклы, к бекланским правителям стали обращаться за защитой: Лапан искал союзников против Йельды, Урта – против Палтеша и так далее. Владыки города предпочитали поддерживать шаткое равновесие сил. Выплата дани совершалась деньгами, скотом или рабами, а иногда – заключением выгодного союза, который увеличивал и без того растущее влияние города.

Постепенно власть Беклы распространилась на огромную территорию – от Белишбы до Врако, от Йельды до Тельтеарны. Бекланские правители взимали налоги и обзавелись постоянно действующей армией, в которой служили жители окраин, однако провинциальные бароны все еще обладали определенной независимостью. К примеру, когда в Саркиде ввели новые налоги и туда послали войска, дабы следить за порядком, саркидский полк, перейдя границу, дезертировал в полном составе. Бекланская армия столкнулась с небывалым сопротивлением местного населения, после чего через год о новом налоге решили забыть, чтобы сохранить видимость власти над страной. Правители Саркида вели род от легендарного героя У-Депариота, а сами саркидцы были людьми гордыми и независимыми. Случившееся ясно показало, что провинциальные бароны обладают весомым влиянием в своих владениях.

Правители окраинных земель ежегодно собирались во дворце Баронов на Леопардовом

холме, в дни весеннего праздника, посвященного ритуальному союзу благой владычицы и бога Крэна. На этих встречах приносились клятвы верности, обсуждались насущные дела империи и согласовывались дальнейшие планы. Потомки баронского рода на-Сэй давно усвоили, что устрашение только отчасти помогает удержать власть. Намного важнее были, во-первых, привилегии, которые можно даровать и отнимать, – поддержка в час бедствия, помощь в строительстве дорог, соблюдение законности и установление правопорядка; а во-вторых, разумное отношение к провинциальным распрям – в междоусобицы не вмешивались, пока об этом не просили.

На западных границах империи вот уже много лет шла затяжная, бесконечная война с Терекенальтом – небольшим королевством, размером с две бекланские провинции. Терекенальтцы отличались воинственным нравом и невероятной преданностью правящей династии. Местность не подходила для развернутых военных действий, и вся война сводилась к мелким вооруженным стычкам, набегам, поджогам и грабежам. Впрочем, время от времени какой-нибудь капитан, желая зарекомендовать себя перед командованием, устраивал отчаянную масштабную вылазку. Для враждующих сторон двадцать лиг границы по реке Жерген служили серьезным препятствием, однако же войска ее часто пересекали, стремясь нанести противнику урон и захватить как можно больше добычи.

В основном борьба шла за территорию Субы – топкого, трясиного края, на западе граничащего с Жергеном, а на востоке – с его притоком, Вальдеррой. На заболоченных землях Субы, среди озер и бесчисленных ручьев, с незапамятных времен обитали рыбаки, привычные к сырости и туману. Коренные обитатели Субы строили жилища на островах или на сваях над водой, промышляли ловлей рыбы и умело управлялись с плотами и рыбацкими челнами. Бекланцы считали реку Жерген естественной границей между империей и Терекенальтом, а короли Терекенальта утверждали, что граница проходит по реке Вальдерра. Время от времени терекенальтская армия вторгалась в Субу – насколько позволяли болота, – а правители Бекланской империи, полагая своим долгом ответить на дерзкое вторжение, отправляли туда войска, чтобы предотвратить дальнейшую угрозу Урте и Палтешу.

К западу от Жергена лежала Катрия, терекенальтская провинция, на севере которой простиралось дремучее Синелесье – непроходимый древний бор. Столице Катрии, Керилю, не раз грозили бекланские отряды, но взять город с боем пока не удавалось.

Так обстояли дела через несколько лет после того, как Сенчо унаследовал состояние Фравака. В это время к власти в обеих странах пришли те, чье появление, с одной стороны, подстегнуло желание Терекенальта захватить Субу, а с другой – подорвало мощь Палтеша, а значит, и самой империи.

Престол Терекенальта занял король Карнат, буйным нравом превосходивший своих воинственных предков. Высоченный мужчина могучего телосложения, почти великан, он внушал подданным безмерное восхищение и почтение и обрел славу бесстрашного правителя. Рассказы о его дерзких подвигах передавались из уст в уста. Вдобавок он обладал зачатками дипломатических способностей и постоянно увещевал и улещал баронов на окраинах Бекланской империи. Поговаривали, что его лазутчики и посредники действуют даже в Хальконе, глухом горном крае между Тонильдой и Йельдой, хотя доказательств этого предъявить никто не мог. Итак, очевидно было, что Карнат Длинный готовится к окончательному захвату Субы.

В то же время внезапно скончался правитель Палтеша, верховный барон Кефиальтар-ка-Воро, и власть унаследовала его дочь, семнадцатилетняя Форнида, что вызвало пересуды и

кривотолки. Форнида была единственным ребенком Кефиальтара. Барон давно предполагал, что после его смерти начнется борьба за власть, и пытался выдать дочь замуж за подходящих избранников, но безуспешно: Форнида умудрилась дважды расстроить ненавистные союзы – неслыханная дерзость в стране, где дочери покорно исполняли отцовскую волю. В пятнадцать лет она отвергла Ренва-Лорвиля, храбреца и героя, старшего сына прославленного палтешского военачальника. Милый и обходительный юноша с удивлением осознал, что испытывает неясный страх перед Форнидой и в ее присутствии теряет мужество. Сама Форнида вела себя безупречно и во всем следовала велениям отца, однако же без слов давала понять, что презирает Ренва-Лорвиля, и постоянно выставляла его на посмешище. Вскоре даже Кефиальтар не мог без содрогания слышать учтивых речей и любезного смеха дочери, за которыми скрывалась тайная издевка. Юноша, сраженный язвительностью и презрением Форниды, осознал, что не сможет взять ее в жены, и чуть ли не в слезах пришел к верховному барону, умоляя расторгнуть помолвку.

Вторая попытка выдать Форниду замуж тоже провалилась и получила еще бóльшую огласку. В мужья девушке прочили Эвд-Экахлона, сына и наследника верховного барона Урты, – предполагаемый брак способствовал укреплению связей между провинциями, тем самым давая отпор притязаниям Терекенальта. Эвд-Экахлон, юноша неглупый, но флегматичный, особой чувствительностью не отличался: его не выводили из себя ни язвительные насмешки, ни холодность, ни напускное радушие. Отец Форниды, человек добрый и сердечный, решил, что нежелание дочери выйти замуж объясняется страхом перед супружескими обязанностями. Дабы не допустить повторения случившегося с Ренва-Лорвилем, Кефиальтар попытался объяснить Форниде, в чем заключается ее дочерний долг и как важен ее брак для безопасности страны. Девушка, покорно выслушав отца, согласилась встретиться с женихом и заключить помолвку.

За неделю до свадьбы, в полнолуние, Форнида сбежала. Вместе с ней исчезли ее служанка Ашактиса и два матроса с барки Кефиальтара на Жергене, что несли вахту в ту ночь, – неизвестно, сговорились с ними Форнида заранее или нет. Беглецы отплыли лиг на десять, прежде чем их хватились, и отряд, отправленный в погоню за легкой, быстрой шлюпкой, вернулся ни с чем. Кефиальтар тревожился за судьбу любимой дочери – в низовьях Жергена начинались владения Катрии.

Шесть дней спустя, проплыв по Жергену и Тельтеарне почти семьдесят лиг, Форнида высадилась на Квизо, священном острове ортельгийцев, и попросила убежища у тугинды – среди ее жриц, которые никогда не отказывали в помощи беглянкам, неповинным в тяжком преступлении. Здесь Форнида провела два месяца, а слух о ее дерзком поступке разнесся по всей империи, от Ортельги до Урты и Дарая.

Тем временем Кефиальтар погиб в стычке с катрийцами.

Форнида, девушка сильная и энергичная, вернулась в Дарай пешком, через Гельт и Беклу. На путешествие у нее ушло три недели. Сопровождали ее верная Ашактиса и ортельгийцы – двоих матросов простыл и след. По возвращении Форнида призвала баронов и военачальников, объявила, что она, полноправная наследница Кефиальтара, намерена единолично править Палтешем, и потребовала принести клятву верности.

Требование Форниды обрушилось на провинцию, как град на пшеничное поле. До сих пор считалось, что своевольная девушка сбежала от жениха потому, что у нее был иной, тайный избранник. Впрочем, противники ее брака с Эвд-Экахлоном поддерживали Форниду и, невзирая на ухудшившиеся отношения между Палтешем и Уртой, утверждали, что

медлительный уртаец – неподходящий жених для бойкой и смелой красавицы. Долгое время ходили слухи, что она влюблена в отчаянного смельчака из простолюдинов, однако никто не знал, в кого именно.

Такое снисходительное отношение к выходкам Форниды во многом объяснялось тем, что она слыла необыкновенной красавицей. Слава о ее красоте разнеслась далеко за пределы Беклы. На прекрасном бледном лице девушки сверкали огромные зеленые глаза, по плечам рассыпались густые пряди золотисто-рыжих волос, излучавшие неземное сияние. При ее появлении люди очарованно замирали, будто завидев великолепный закат или стаи пурпурных кайнатов, возвращавшихся с зимовки в родные края. Эта красота, что не раз умирала отцовский гнев, облекала Форниду невероятной властью. Противиться ей было бесполезно – все возражения немедленно отменялись, а все желания тут же исполнялись.

Однако же родственники Форниды с материнской стороны таили дурные предчувствия, ибо вкупе с красотой девушка обладала весьма своеобразными пристрастиями и склонностями. Кефиальгар был слишком занят военными кампаниями и делами провинции, а жена его, женщина праздная и безучастная, воспитанием дочери не интересовалась. Форнида росла среди прислуги, жадно усваивая нравы простолюдинов: колкую язвительность, хитроумное плутовство и умение любыми способами добиваться своего, а также твердую уверенность в необходимости запугивания, безудержную алчность, пренебрежение своими обязанностями и убеждение в бесполезности любых моральных принципов. Никто пока не догадывался, чему еще она выучилась, но иногда украдкой поговаривали, что четырнадцатилетняя Форнида – вместе с верной служанкой Ашактисой – с превеликим удовольствием наблюдала с балкона своей опочивальни, как во дворе хряк покрывает свинью.

С людьми она сходилась легко, держала себя уверенно и даже в юном возрасте без смущения вела разговоры с вассалами отца, хотя предпочитала общество солдат, егерей и торговцев, а крестьян не любила, считая их недалекими и глупыми.

Наконец бароны сообразили, что Форнида не намерена связывать себя брачными узами, а желает править Палтешем, и всерьез обеспокоились. В Бекланской империи не существовало обычая наделять женщин властью, однако закон этого не запрещал. По традиции, если в семье не было сыновей, то наследовал муж старшей дочери, а если дочери были незамужними, то право наследования переходило к старшему родственнику – родному или двоюродному брату. Родичи Форниды по материнской линии неустанно напоминали девушке, что ничего подобного прежде не позволяла себе ни одна женщина. И все же закон считал притязания Форниды справедливыми, что само по себе тревожило: не пристало семнадцатилетней девушке в одиночку править провинцией, да еще и в военное время. Кто же возьмет на себя ответственность управлять Палтешем?

Разумеется, Форнида могла бы избрать в советники нескольких баронов и править, следуя их наущениям, – в этом случае мелкая знать тоже встала бы на ее сторону. Однако подобная рассудительность была не в характере Форниды. Своевольная, упрямая, властная и непредсказуемо изменчивая, она обожала дразнить старых отцовских друзей и поступать вопреки всем правилам приличия. Ей нравилась роскошь и легкомысленные развлечения; она ничем не гнушалась ради удовлетворения своих желаний, но прекрасно сознавала, что появление мужа или любовника уменьшит силу ее красоты, а потому старалась не давать повода для обвинения в распутном поведении. Как выяснилось впоследствии, в этом Форниде помогли естественные склонности.

Другую уже давно бы строго отчитали и заставили подчиниться воле родных. Дядья пытались страшать своенравную племянницу, надоедали советами и просьбами и даже умоляли, но принудить так и не смогли: по закону власть в провинции неопровержимо принадлежала Форниде. Упрямыцу решили посадить под домашний арест, пока не образумится, но как только палтешцы об этом прознали, то пригрозили бунтом, и всеобщую любимицу пришлось выпустить.

Постепенно установилось шаткое равновесие. Форнида, настаивая на власти над провинцией, на самом деле управлять не собиралась, считая это делом скучным и нудным. Красавице хотелось развлекаться и тратить деньги – чем больше, тем лучше. Без должного надзора она за пять лет разорила бы Палтеш, а затем продала бы провинцию тому, кто хорошо заплатит. Ее родственники, хорошо понимая опасность, грозящую их краю, наконец решили положить племяннице щедрое содержание, с тем чтобы править от ее имени.

Поначалу Форниду это устраивало. К сожалению, родственники ее недооценили. Знай они, на что она способна, то, несомненно, наняли бы убийц. Первое время Форнида жила в Дарае, бездумно расходуя не только свое содержание, но и деньги влюбленных в нее молодых людей. Среди тех, кто не имел отношения к управлению провинцией, Форнида пользовалась огромным уважением – по всему Палтешу ходили рассказы о ее дерзких выходках и безрассудных поступках: то она выслеживала подстреленного леопарда, то на спор взбиралась на отвесную скалу, то прыгала с обрыва в стремнину Жергена.

Потом в Дарае Форниде наскучило, и она стала навещать в Беклу, где привлекла внимание всех юношей верхнего города. Она купила там особняк и начала устраивать роскошные приемы. Некоторые возмущались бесстыдной распущенностью девушки – в Бекланской империи женщин из хороших семей держали в строгости, – но многие утверждали, что Форнида себя блюдет, так что ее непорочность сомнению не подвергали, зато восхищались ее живостью и бойким характером. Она проводила время не только в обществе юношей из благородных семейств, но и с людьми влиятельными, приглашала к себе военачальников и важных господ, а потому считалось, что Форнида намерена подыскать себе подходящего мужа, который смог бы от ее имени управлять Палтешем.

В то время империя переживала необычайный подъем из-за умелого использования природных богатств и расширения торговых связей за пределы Йельды. Разбогатели не только родовитые землевладельцы, но и те, кто так или иначе имел отношение к предметам роскоши, – строители, каменщики, ремесленники, купцы и торговцы рабами, металлами и драгоценностями. Сенчо не упускал ни единой возможности обзавестись связями в верхнем городе и с готовностью ссужал деньги неразборчивым представителям знатных родов, что давало ему определенную власть над правящей верхушкой.

Сенчо много раз бывал на приемах у Форниды, но она не сразу обратила на него внимание, а когда заметила, то сочла презренным низким купцом – он не был ни воином, ни охотником, не отличался ни силой, ни ловкостью и славился только чревоугодием и любовью к распутству. К презрению Сенчо отнесся с тем же равнодушием, с каким военачальник, ведущий армию в бой, относится к суровым погодным условиям. Его поведение словно бы говорило: «Меня не задевают ни презрение, ни оскорбления, ни плевки в лицо. В один прекрасный день ты поймешь, что я предлагаю тебе нечто выгодное нам обоим».

В Форниде выиграло любопытство. Ей хватило опыта догадаться, что Сенчо задумал нечто большее, чем удовлетворение плотских желаний. Он был богатым и хитроумным дельцом, в то время как самой Форниде хотелось лишь купаться в роскоши; восхищались ею

только люди безрассудные и беспринципные (верховный барон Сенда-на-Сэй, к примеру, совершенно не принимал ее в расчет и все переговоры вел только с родственниками Форниды в Палтеше).

В конце концов она решила пригласить Сенчо на ужин, чтобы все выпытать. В зале Брамбовой башни Форнида велела служанкам удалиться и осталась наедине с Сенчо, но ни в тот вечер, ни в последующие встречи так ничего и не узнала – дельцу всего лишь хотелось возбудить ее любопытство и внушить ей доверие. Сообщить Форниде о своих планах он намеревался после того, как все будет готово. Впрочем, он ссудил ей значительную сумму денег.

Спустя десять месяцев, к очередному приезду Форниды в столицу, Сенчо решил, что пришло время для откровенной беседы. К тому времени Форнида давно растратила свое годовое содержание и задолжала огромные суммы палтешским и бекланским ростовщикам. Об этом она сообщила Сенчо за ужином в его особняке, но денег просить не стала, понимая, что он сам предложит ей ссуду, если это входит в его планы. Сенчо, с аппетитом поглощая пирог с персиками и миндалем, внимательно выслушал Форниду и наконец рассказал ей о своем предложении.

У Форниды заколотилось сердце, кровь застучала в висках от невероятного возбуждения: план Сенчо, рискованный, жестокий и беспощадный, сулил такие невероятные выгоды, что она едва не отдалась обжоре прямо за столом. Удержало Форниду лишь понимание того, что подобный поступок вызовет брезгливое отвращение Сенчо. В мире, доступном только избранным, плотские утехи – зард и терть – не имеют особого значения. Распространенные, легкодоступные качества, вроде красоты и внешней привлекательности, Сенчо не занимали. Он приглашал Форниду присоединиться к избранному кругу глубоко развращенных людей, жаждущих иных, холодных и жутких удовольствий. Отказ от такого приглашения свидетельствовал бы о том, что вызывающее поведение Форниды – не что иное, как напускная бравада.

Итак, предложение Сенчо заключалось в следующем: уничтожить существующих правителей Дарай-Палтеша. Для этого необходимо было заручиться поддержкой армии, убить родственников Форниды и всех тех, кто стоял у власти, после чего Форнида сможет жить в свое удовольствие и сорить деньгами без счета. Сенчо вызвался все подготовить сам, подкупить всех, кого необходимо, а также отправить в Палтеш доверенных людей – бывших наемников, – которые способны поднять войска на бунт и осуществить переворот.

Легкость, с которой Сенчо относился к убийству, хладнокровную алчность, коварство и вероломную жестокость дельца Форнида восприняла как откровение. Внезапно ей стало ясно, что именно этого она и добивалась своим вызывающим поведением, вопреки мольбам и уговорам родных и близких. Она считала себя любительницей развлечений и ценителем удовольствий, однако все ее дерзкие и отчаянные выходки теперь выглядели детской игрой. Она осознала, что рождена для иного: ей суждено обладать невероятной властью.

В это Форнида уверовала еще сильнее после встречи с доверенными людьми Сенчо. Тридцатилетний Хан-Глат, освобожденный раб, свыше десяти лет прослужил в армии, где зарекомендовал себя опытным строителем укреплений и прочих оборонительных сооружений. Вполне естественно, что сейчас ему хотелось проявить себя на службе в Палтеше.

Его приятель Кембри-Б'саи, младший сын обнищавшего лапанского барона, угрюмый чернобородый великан, был настоящим воином. Кровь его не страшила. По неизвестной

причине он разочаровался в армейской службе и возненавидел Сенда-на-Сэя, считая, что верховный барон нарочно не допускает его возвышения.

Спустя два года план был приведен в исполнение. Форнида лицемерно втерлась в доверие к родственникам, изобразила искреннее раскаяние и убедила их в своем полном послушании, что дало ей прекрасную возможность в ночь переворота отравить обоих дядьев. Тем временем Хан-Глат и Кембри подняли мятеж в войсках и убили палтешских военачальников в Дарае.

В подобных делах один шаг влечет за собой другой. Сенчо и Кембри это предвидели, а Форнида – нет. Сенда-на-Сэй, верховный барон Беклы, не обращал внимания на междоусобные розни провинциальных баронов, но открытого мятежа допустить не мог. Палтешский переворот серьезно ослабил положение империи. Бекле грозила война с Терекенальтом, и только начало сезона дождей задержало вторжение короля Карната в Субу, – впрочем, Кембри это предугадал. Сенда-на-Сэй призвал Форниду в столицу и потребовал от нее объяснений.

Сначала Форнида сказалась больной, потом напомнила о невозможности пройти двадцать пять лиг по раскисшим дорогам, хотя сама всю зиму беспрепятственно передавала с посыльными сообщения для Сенчо. Верховного барона удерживали в столице неотложные дела чрезвычайной важности, с которыми его предшественники прежде не сталкивались.

Сенда-на-Сэй совершенно не учел, а потом и недооценил глубочайшие изменения в общественном устройстве империи, вызванные ростом торговли и накоплением богатства в низших слоях населения. Прежде Бекланская империя была страной, где правили родовитые землевладельцы, но потом в ней резко увеличилось число зажиточных, а то и вовсе чрезвычайно богатых купцов и ремесленников, требующих признания и власти, соизмеримой с их доходами, с которых они платили немалые налоги в имперскую казну. Разумеется, верховный барон и его сторонники не снисходили до таких людей, как Сенчо и Лаллок, но хуже всего то, что они обошли вниманием достойных ремесленников и людей творческих – например, Флейтиля. Подобное – возможно, непреднамеренное – упущение привело к тому, что правители утратили поддержку состоятельных жителей империи, способных подкупить слуг и войска. Вдобавок против них выступили многие представители бекланской знати, из тех, что поддерживали приятельские отношения с купцами, торговцами и ростовщиками. Эти благородные мужи стали называть себя Леопардами.

По весне верховный барон снова отправил посольство в Дарай-Палтеш, велел немедленно сопроводить Форниду в Беклу. Три недели от посольства не было вестей, а потом случилось невероятное: Форнида вступила в переговоры с Карнатом, пообещала не оказывать сопротивления захвату Субы, а король Терекенальта поклялся не нападать на Палтеш. Кроме того, Форнида объявила себя благой владычицей, наместницей Аэрты и во главе огромного войска под командованием Кембри и Хан-Глата двинулась на Беклу.

Титул благой владычицы – не государственный, а религиозный сан. Традиционно благая владычица исполняет обязанности верховной жрицы в храме Крэна, а во время ежегодных весенних праздников по окончании сезона дождей совершает ритуальное совокупление с богом в присутствии правителей, знати, жрецов и прочих представителей правящей верхушки империи. Через девять месяцев, в день зимнего солнцестояния, она символически разрешается от бремени в присутствии жриц и знатных горожанок, тем самым начиная новый год. Раз в четыре года, сразу же после объявления о рождении нового года, народ выбирает новую благоую владычицу – обычно из пригожих юных девушек знатного рода.

Избранницу чествуют и восхваляют, но при этом реальной власти не получает ни она сама, ни ее родственники. В сущности, даже в храме Крэна благая владычица препоручает исполнение всех ритуалов жрицам, а сама всего лишь присутствует на церемониях и играет отведенную ей роль в весеннем и зимнем празднествах.

Итак, Форнида объявила себя благой владычицей как раз в год выборов, – разумеется, хитрая задумка принадлежала Сенчо, но Хан-Глат и Кембри ее оценили и поддержали. Красота и знатность рода Форниды были неоспоримы, на что она и рассчитывала. Она заявила, что всегда подозревала о своем высоком предназначении и отказывалась выходить замуж, терпеливо снося несправедливые упреки в дерзком неповиновении родительской воле, а теперь, когда пробил ее час, призывает всех верных почитателей Крэна и Аэргты поддержать ее богоугодное устремление.

Сенчо, Лаллок и другие заговорщики приложили много усилий для того, чтобы Форнида, и без того народная любимица, заручилась горячей поддержкой населения. В Бекле, как и в Дарае, Форниду обожали за красоту и отвагу. Вдобавок многие Леопарды – особенно те, что помоложе, – тоже встали на ее сторону, утверждая, что нет великой беды в том, что Форнида объявила себя благой владычицей: ее присутствие оживит древние храмовые ритуалы. Постепенно Сенда-на-Сэй сообразил, что полки вышли из-под его контроля и что необходимо как можно скорее разгромить войско Форниды, прежде чем она приведет его к стенам Беклы, иначе в городе вспыхнет мятеж.

Увы, сразиться с Форнидой верховному барону не довелось. Сенда-на-Сэю доложили, что силы Форниды только-только выдвинулись из Дарай-Палтеша, и он решил, что у него есть время собрать войско в Тонильде, где предки барона пользовались невероятным влиянием и где у него было огромное родовое поместье в Пуре, на берегах озера Серрелинда. Итак, барон незамедлительно выехал из Беклы в Пуру, где намеревался собрать трехтысячный отряд и вместе с преданными ему армейскими подразделениями перехватить войско Форниды на равнине у западных окраин столицы.

Кембри и Сенчо предвидели, что Сенда-на-Сэй возлагает последние надежды на Тонильду, но склонить население на свою сторону им не удалось. Впрочем, в итоге они добились своего, хотя и дорого за это заплатили. Один из баронов, Дераккон, по натуре своей не заговорщик, а умствующий мечтатель, недовольный методами правления Сенда-на-Сэя, согласился – с немалым риском для жизни – не допустить возвращения верховного барона из Пуры в Беклу, но потребовал за это верховной власти. Нарушать обещание заговорщикам не имело смысла, поскольку Дераккон пользовался немалым уважением среди знатных Леопардов и любовью солдат.

В третий день месяца прана Сенда-на-Сэй за сутки проделал двадцать лиг от Беклы до Пуры. В ночь на шестое прана Дераккон с тридцатью воинами отправился из Теттита в поместье Сенда-на-Сэя и поджег особняк. По несчастливой случайности верховный барон погиб, придавленный горячей балкой. (Примерно в это же время Оккула с отцом пришли в Беклу из Хёрл-Белишбы.)

Несколько дней жители Беклы томились в страхе и неизвестности. В отсутствие Сенда-на-Сэя военачальники выдвинули полки навстречу армии Форниды, но отступили перед натиском превосходящих сил противника. Решающей битвы не произошло.

Слухи о гибели верховного барона столицы не достигли, потому что Дераккон перекрыл дорогу из Теттита. О судьбе Сенда-на-Сэя знала только Форнида, которая вошла в Беклу, не встретив ни малейшего сопротивления, а затем объявила о смерти верховного барона и

немедленно послала за Деракконом.

Уртайский и тонильданский полки бекланской армии отказались служить новому режиму и, в неразберихе беспрепятственно покинув столицу, вернулись в родные края. Остальные шесть полков присягнули Леопардам. К концу месяца прана Дераккона объявили верховным бароном Беклы и правителем Бекланской империи. Кембри-Б'саи занял пост маршала, а Хан-Глат возглавил фортификационный корпус. На весенних празднествах, начало которых пришлось задержать, Форниду провозгласили благой владычицей и наместницей Аэрты. В тот же день Сенчо-бе-Л'вандор, назначенный верховным советником Беклы и главой тайного сыска Леопардов, переехал в роскошный особняк в верхнем городе, ранее принадлежавший брату Сенда-на-Сэя.

Леопарды одержали победу. Некоторое время спустя Урта и Тонильда принесли присягу в верности Бекле, возобновили выплату налогов в имперскую казну; их полки вернулись в столицу, однако оставались под подозрением, как и сами провинции, за которыми неустанно следили осведомители Сенчо.

Как и следовало ожидать, правление Леопардов ознаменовалось расцветом стяжательства, порока и всевозможных злоупотреблений. Вскоре выяснилось, что якобы свободомыслящий Дераккон правителем был никудышным и не мог ни влиять, ни как-то иначе воздействовать на тех, кто привел его к власти. Алчные и корыстные дельцы, способные заплатить за свое положение, заняли все мало-мальски выгодные должности. Как ни странно, налоги снизились – во-первых, потому, что Бекла не вела войны с Терекенальтом, а во-вторых, потому, что новые правители не видели необходимости в поддержании законности и правопорядка и не считали нужным, к примеру, отправлять отряды патрульных для охраны дорог. Путникам приходилось полагаться на себя и самим нанимать охранников или, как Лаллок, платить разбойникам за свою безопасность на дорогах.

Дераккон оказался беспомощной марионеткой в руках своих ненасытных и развратных хозяев, однако основную силу режим черпал в богатстве дельцов. Торговцы покупали сырье – к примеру, шерсть и выделанные шкуры – у крестьян и крестьянских хозяйств в провинции по определенным, специально заниженным ценам; если крестьяне отказывались продавать по этой цене, то торговцы просили прислать на помощь войска. В прошлом родовитые землевладельцы наверняка воспротивились бы подобному обращению, но теперь все чаще оставляли свои поместья под надзором управляющих и переезжали в Беклу – с каждым днем столица предлагала все больше роскоши и удовольствий. Те, кто приобретал должность у Леопардов, вскоре обнаруживали, что их доходы значительно превосходят скромные доходы провинциальной знати.

Больше всего от нововведений пострадали крестьяне, которым приходилось продавать урожай по ценам, установленным Леопардами.

Показная роскошь вела к чрезмерной расточительности; для поддержания порядка в гигантских особняках требовались бесчисленные слуги, что увеличило спрос на рабов – и привело к появлению крупных работорговцев. Невольников либо покупали в деревнях у старейшин, либо просто похищали (иногда за незначительную плату, как Майю). Вскоре Леопарды, предвидя долгосрочный спрос, сочли за благо устроить в провинциях своего рода невольничьи питомники. Обитатели отдаленных деревень жили в постоянном страхе перед безжалостными работорговцами. Поговаривали, что к северу от Гельта, на реке Тельтеарна, верховный барон Бель-ка-Тразет превращает свой остров Ортельга в неприступную крепость. Разумеется, преуспевающие работорговцы платили налоги в казну Леопардов и вдобавок создавали возможность дополнительных заработков ремесленникам, портным, сапожникам, кузнецам и хозяевам постоянных дворов.

Спокойствие жителей Беклы и других городов империи обеспечивалось за счет дешевой еды и доступных развлечений. Простолюдины полагали (в какой-то мере справедливо), что Форнида, отдав Субу королю Карнату, предотвратила кровавую войну с Терекенальтом, а значит, поступила мудро и на благо Беклы, а потому заслуживает восхищения. Уртайские бароны отказывались забыть о предательстве Форниды – формально Суба находилась в подчинении верховного барона Урты, – по-прежнему совершали набеги на владения Карната и ввязывались в стычки с терекенальтскими войсками на западном берегу Вальдерры.

Сенчо, став верховным советником и переехав в верхний город, купался в роскоши. При поддержке Форниды и маршала Кембри-Б'саи он угрозами, вымогательством, а то и просто грубой силой с лихвой восполнил все средства, затраченные в предыдущие годы на подкуп и подготовку свержения Сенда-на-Сэя. Как только в его руках сосредоточилась вся торговля металлом, он не без выгоды для себя назначил своих людей управлять делами, а сам занялся укреплением и расширением осведомительской сети Леопардов. Сведения, добытые осведомителями и лазутчиками, а также полученные от подозреваемых и заключенных, Сенчо сообщал Кембри, Хан-Глату и Форниде. Он настолько преуспел в своем занятии, что его повсеместно боялись и поговаривали, что ему известны не только все существующие заговоры, но и мысли окружающих. Впрочем, тайная деятельность ничуть не отвлекала Сенчо от удовлетворения извращенных наклонностей, которыми он обзавелся в услужении у Фравака.

Сенчо неустанно предавался чревоугодию, не жалея ни времени, ни денег. Он нанял самых лучших поваров в империи, а его винные подвалы обслуживал самый крупный виноторговец Беклы, которому выгоднее было не торговать вином, а поставлять товар исключительно верховному советнику. Личные закупщики Сенчо сновали по всей империи, от Йельды до Кебина, в поисках лучшей дичи, фруктов, овощей и всевозможных редких лакомств.

Каждое утро Сенчо проводил за обсуждением дневного застолья со своими поварами, после чего удалялся принимать ванну, а затем в садовой беседке до полудня выслушивал сообщения осведомителей и лазутчиков. В полдень подавали долгожданный обед, который длился два или три часа, – от стола Сенчо отрывался не потому, что удовлетворял свое обжорство, а потому, что больше вместить в себя не мог.

После обеда он отправлялся почивать, вынужденный на время прервать излюбленное времяпрепровождение, однако утешаясь тем, что, отдохнув и поспав, вскоре сможет снова предаться жадному поглощению пищи. Ближе к вечеру его будили слуги и готовили к ужину, после которого Сенчо, осоловелый и обмякший, погружался в блаженные сновидения, неведомые плебеям и невежам, непривычным к подобным изыскам.

После нескольких лет такой роскошной жизни Сенчо начал подумывать о том, что неплохо было бы вообще отойти от тайных дел и полностью отдаться наслаждениям. Невероятная тучность не позволяла ему обходиться без постоянной помощи рабов. Глаза его превратились в заплывшие жиром щелочки, руки и ноги до невозможности распухли, чудовищная полнота мешала дышать, а громадный отвисший живот не позволял ни стоять, ни сидеть – его обнаженную дрожащую тушу укладывали на ложе у стола, дабы Сенчо было удобнее поглощать еду. Наевшись до отвала, он откидывался на подушки, с помощью рабов справлял естественные надобности и засыпал, пока невольники бесшумно убирали объедки.

Впрочем, его изысканные развлечения одним чревоугодием не исчерпывались. Обжорство, разумеется, вызывало в нем похоть, о постоянном удовлетворении которой Сенчо тоже заботился. Примерно год спустя после того, как Форнида объявила себя благой владычицей, Сенчо уговорил престарелого бекланского гурмана расстаться с белишбанской рабыней по имени Теревинфия, славившейся особым умением ублажать толстяков.

Теревинфия, молчаливая, с виду медлительная толстуха, понимала толк в растираниях, в составлении ароматных смесей для омовения и в приготовлении успокоительного питья и отваров, способствующих пищеварению. Вскоре она, твердо усвоив предпочтения нового хозяина, с ловкостью избавляла его от всевозможных недомоганий, вызванных обжорством, и

стала обучать юных невольниц утонченным способам обращения с чудовищным жирным телом. Своих подопечных она держала в строгости, но не гнушалась за соответствующую мзду поставлять рабынь богачам из верхнего города – понятно, что такими пустяками самого верховного советника не тревожили.

По приказу Лаллока Зуно пригласил Теревинфию в особняк работорговца в нижнем городе, где она, спрятавшись за кисейной занавеской в купальне, понаблюдала за Оккулой и Майей и велела привезти чернокожую девушку к верховному советнику на осмотр. О Майе Лаллок ничего не сказал, и Теревинфия решила, что эта невольница предназначена другому покупателю. При беседе Лаллока с Оккулой в комнате Варту Теревинфия не присутствовала, поэтому очень удивилась, увидев, что во двор особняка Сенчо внесли паланкин с двумя девушками.

Теревинфия присела на каменную скамью у фонтана, лениво обмахнулась – день выдался жаркий – и, полуприкрыв глаза, вопросительно взглянула на Лаллока:

– Ты не сказал, что обеих привезешь.

– Ну, может быть, верховный советник захочет на них вдвоем посмотреть, – ответил работорговец. – Ради удовольствия.

Теревинфия опустила руку в бассейн, провела пальцами по воде и укоризненно заметила:

– Но ты же не сказал...

– Про чернокожую девушку я тебе на прошлой неделе говорил, – вздохнул Лаллок, разводя руками. – Ты велела ее привезти, чтобы У-Сенчо поглядел. А сегодня утром, как ты ушла, я подумал, почему бы обеих не показать, – если вторая не понравится, ничего страшного, я ее заберу. Но если не хочешь, то ее показывать не станем.

Теревинфия, помолчав, равнодушно пожала плечами:

– Будь по-твоему, покажу обеих. Если понадобится, я позову.

В то утро Сенчо проснулся поздно, довольный тем, что спал крепко и прекрасно переварил великолепный ужин. Верховный советник лежал в ванне, постанывая и громко выпуская газы – раб осторожно растирал хозяйское брюхо, – и размышлял о двух насущных делах, первое из которых разрешилось к полному удовлетворению Сенчо. В его власти находились все имперские прииски и рудники, а потому недавно к нему обратились два чужеземных старателя из какого-то неведомого края за Йельдой с просьбой разрешить разведку месторождений в Хальконе – глухом, лесистом горном крае на юго-востоке Тонильды, с условием, что о любых находках немедленно уведомят Сенчо. Вернувшись из похода, старатели доложили, что обнаружили богатые залежи медной руды, и попросили позволения начать добычу. Разумеется, Сенчо им отказал и, сообразив, что убийство старателей не пойдет на пользу развитию торговли с неизвестной страной на юге, велел под охраной препроводить их за Икет, к йельдашейской границе, а сам отрядил к месторождению одного из своих доверенных людей с шестью или семью помощниками, нисколько не сомневаясь в дальнейшем успехе предприятия.

Второе дело было неприятным и немало раздосадовало Сенчо. Оказалось, что его самая умелая и ценная невольница, лапанка по имени Юнсемиса, заразилась марджилом, дурной болезнью. Самого Сенчо от заразы спасла только бдительность Теревинфии. На пиры и празднества верховный советник всегда являлся в сопровождении рабынь, но кто знает, чем они занимались, пока хозяин разнеженно дремал, пресыщенный развлечениями. Глупая девчонка подцепила марджила на одном из пиршеств и попыталась скрыть свое недомогание.

Разумеется, в доме ее не оставили, хотя она была хорошо обученной и сладострастной, а выпороли и отправили к Лаллоку вместе еще с одной невольницей, по имени Тиусто, которой исполнилось двадцать три года, – по мнению Сенчо, преклонный возраст для наложницы. Верховный советник считал признаком дурного вкуса держать в доме дряхлых собак, ветхие ковры и рабынь старше двадцати трех лет. Как правило, три или четыре невольницы необычайной красоты прислуживали Сенчо и развлекали гостей. Толстяк избегал лишних телодвижений и гнушался любых физических усилий, поэтому девушек обучали делать именно то, что доставляло ему удовольствие, а Юнсемиса лучше всех умела ублажать хозяина. Жаль, что пришлось с ней расстаться. Сенчо раздраженно подумал, что потеря искусной рабыни почти равнозначна потере хорошего повара. Вдобавок негодница заслуживала повторной порки – это наверняка снизило бы ее продажную цену, зато верховный советник насладился бы зрелищем страданий девушки.

Теревинфия прервала грустные размышления хозяина и сообщила, что Лаллок привез пару девушек, одна из которых – долгожданная чернокожая красотка из Теттит-Тонильды. По мнению Теревинфии, обе заслуживали внимания верховного советника. Сенчо, которому больше всего хотелось, чтобы его хорошенько растерли, размяли и помогли опорожнить кишечник, недовольно осведомился, здоровы ли рабыни, и после непродолжительных уговоров согласился осмотреть их через час в малом обеденном зале.

Из выходящих на север окон малого обеденного зала открывался вид на крыши и башни нижнего города и залитую солнцем равнину, убегающую к Гельтским горам на горизонте, в двадцати лигах от Беклы. В малахитовую чашу работы Флейтиля с тихим плеском лились струи воды из груди мраморной нимфы, полускрытой прозрачными нефритовыми камышами. Сенчо устроили на ложе и обложили подушками; одна из невольниц, Мериса, сидела на полу, неподалеку от хозяина, чтобы по первому его знаку удовлетворить его любую нужду. В присутствии слуг и рабынь Сенчо обходился без одежды. Мериса, зная о предпочтениях толстяка, легонько поглаживала его пах и заплывшие жиром ляжки, пока сам он обсуждал с двумя поварами всевозможные яства. Наконец, закончив это наиважнейшее дело, он заявил Теревинфии, что готов осмотреть живой товар Лаллока. Разумеется, для этого необходимо было подкрепиться, и вторая рабыня, Дифна, на коленях приблизилась к ложу с подносом шафранных пирожных, засахаренного имбиря и кунжутного печенья.

Чернокожих девушек Сенчо никогда прежде не видел. Теревинфия ввела невольницу в зал и велела ей скинуть с плеч алую накидку. Толстяк внезапно ощутил приятное возбуждение и, подозвав странную рабыню поближе, некоторое время пристально рассматривал и ощупывал ее гибкое темное тело. Убедившись, что его не обманули и что это естественная окраска кожи, он и впрямь признал девушку необычной. Сенчо провел детство в трущобах нижнего города и презирал калек и уродцев (к примеру, горбунов), но эта невольница вовсе не выглядела ошибкой природы. От рабыни веяло жизнерадостной силой и здоровьем; она не вздрогнула и не смутилась, когда Сенчо погладил ей бедра и ощупал ягодицы. На вопрос, откуда она родом, девушка ответила, что ее ребенком привезли откуда-то из северных земель, лежащих далеко за Тельтеарной.

Сенчо откинулся на подушки и задумался. Лаллок наверняка заломит высокую цену за такую экзотическую рабыню. Конечно, в доме держать ее заманчиво – она обязательно привлечет внимание окружающих, – однако интерес к новизне быстро улетучивается, если невольница не обладает необходимыми хозяину качествами. Нет, Сенчо – не ребенок на рынке, который тратит деньги на первую же яркую безделушку. Он глотнул охлажденного

вина, чтобы избавиться от привкуса имбиря во рту, а потом велел Мерисе разложить подушки на полу и привести раба-садовника.

Неожиданно, не спрашивая позволения заговорить, чернокожая девушка обратилась к Сенчо, заверила его, что горит желанием доставить верховному советнику удовольствие, но поскольку формально все еще является собственностью У-Лаллока, то обязана заручиться согласием своего хозяина.

Сенчо не возмущился дерзостью рабыни, а, наоборот, с удовлетворением отметил, что девушка рассуждает разумно и способна на решительные поступки, а раз она выказывает уважение Лаллоку, то, разумеется, будет уважать и нового хозяина. Вдобавок невольницы слишком часто были чересчур робки, покорны и безропотны, – по мнению Сенчо, им не хватало пикантности.

Лаллок (через Теревинфию) дал свое согласие на проверку способностей рабыни, при условии что товар не повредят – не оцарапают, не покусуют и в целом не попортят, – после чего в обеденный зал ввели юного раба.

Через пять минут Сенчо, возбужденный зрелищем, решил, что обязательно приобретет чернокожую невольницу, и сделал знак Мерисе удовлетворить его вожеление. Тут Теревинфия наклонилась к уху хозяина и шепотом осведомилась, не хочет ли он взглянуть на вторую рабыню. Сенчо раздраженно отказался, но чернокожая девушка уже ввела в зал подругу и сняла с нее зеленое складчатое одеяние.

Сенчо, распаленный похотью, с изумлением уставился на невольницу. Он, будто акула в лагуне, давно погряз в разврате и излишествах верхнего города и уже забыл, когда прежде видел такую редкостную красавицу – молоденькую, лет пятнадцати, наивную и по-детски непосредственную. Золотистые волосы девушки рассыпались по плечам; гибкое тело с пышными формами дышало здоровьем. Больше всего привлекало ее смущение; рабыня, покрывшись стыдливым румянцем, дрожала и пыталась прикрыть срам; в огромных синих глазах блестели слезы. При виде девушки Сенчо пришел в невероятное возбуждение – ему захотелось схватить ее и взять силой, преодолевая робкие попытки сопротивляться. Жирная туша верховного советника затряслась от едва сдерживаемого вожеления.

Не отдавая себе отчета, Сенчо приподнялся на подушках, но под тяжестью собственного веса обмяк и, тяжело дыша, завалился на спину. Девушка вырвалась из рук Теревинфии и выбежала из обеденного зала. Впрочем, Сенчо уже осознал, что не имеет ни малейшего смысла ни расспрашивать непорочную красавицу, ни проверять ее способности. Надо было немедленно решать, купить ее или вернуть работорговцу. Толстяк вспомнил, что избавился не только от Юнсемисы, но и от второй невольницы. Вдобавок обнаруженные в Тонильде залежи меди сулили неслыханные прибыли, так что Сенчо мог позволить себе купить двух новых рабынь, пусть и за огромную цену.

Мериса с привычной ловкостью закончила свое дело, после чего верховный советник сообщил Лаллоку, что вечером готов обсудить условия сделки, и велел Теревинфии подавать обед пораньше.

– Тридцать тысяч! – восторженно воскликнула Оккула. – Тридцать тысяч мельдов за нас обеих, банзи! Похоже, за тебя пятнадцать тысяч заплатили, представляешь?

– Чему тут радоваться? – вздохнула Майя, осторожно водя кусочком пемзы по спине подруги. – Нам все равно этих денег не видать... Ну, разве что пятьсот мельдов. А откуда ты знаешь?

Девушек уже отвели в женские покои особняка верховного советника.

– Мне Теревинфия сказала, – ответила Оккула, растянувшись на мягком ложе. – Объяснила, что нам повезло: богаче нашего хозяина только благая владычица и Дераккон. Только ты с ней поосторожнее, банзи, она наверняка ему все доносит.

– За нас могли и сто тысяч заплатить, – сказала Майя. – И что с того?

– Ох, не зли меня! Потри чуть ниже, вот так! Да пойми же ты, что мы с тобой теперь – очень ценный товар, обращаться с нами будут бережно. Главное – глупостей не наделать. Ты – как фонтан в обеденном зале; за тебя огромные деньги плачены, испортить тебя никто не посмеет.

Майя зарыдала:

– Он такой гадкий! Фу, даже смотреть противно, будто... – Она перевернула подругу на спину и бросилась ей на грудь. – Ах, я так рада была, что мы с тобой в Беклу попали, а теперь...

Оккула села и тряхнула Майю за плечи:

– Ты с ума сошла? Все так удачно складывается! Как тебе еще сказать, чтобы ты наконец поняла? Ты вообразила, что этот толстяк тебе Таррина заменит? Или меня? В нашем деле так думать не следует. – Она ласково погладила Майю по спине. – Вот погляди, тело у тебя сильное, красивое. Ты плавать любишь, так? Плавать – это удовольствие, верно? А воду носить и дрова колоть – это работа, тяжелый труд. Так вот, наше дело – то же самое, работа. Толстяка ублажать – работа, не удовольствие. В этом и весь секрет. Но пойми, работа здесь не тяжелая. Жирный боров... Теревинфия говорит, он как пузо себе набьет, так больше ни на что и не способен. Его ублажить – полминуты хватит, если умеючи. Он жир сбрызнет и уснет, а дальше – не твоя забота. А коли научишься удовольствие ему доставлять, то далеко пойдешь, если вести себя с умом. – Оккула серьезно поглядела на подругу. – И ни в коем случае не показывай ему, что он тебя пугает. Знаешь почему? Потому что он жестокий, ему чужой страх по нраву. Как сообразит, что тебе противно или страшно, так и начнет издеваться – козла на тебя напустит или еще как надругается, а сам будет любоваться. Помнишь, что я тебе в Пуре говорила? Держи себя с достоинством, даже если под дильгайского гуртовщика уложат. В нашем деле без хороших манер нельзя.

– Нет у меня никаких манер, – всхлипнула Майя.

– Ты же мне сказала, что плавать умеешь?

– Ну и что? Как мне это поможет?

– Не знаю, что-нибудь придумаем. Пловцы хорошо двигаются, будто танцуют. Вот, кстати, как это я сразу не сообразила! Хочешь, научу тебя сенгуэлу танцевать? У тебя получится, не сомневайся.

– А что это – сенгуэла?

– Танец такой, про Шаккарна и Леспу. Я когда его танцую, то вроде как завлекаю, а если ты ему научишься, то все решат, будто сама Леспа с небес спустилась. Что ж, время у нас есть, я тебя выучу.

– Пятнадцать тысяч мельдов... – недоуменно прошептала Майя. – Матушка таких денег в жизнь не заработает!

– Вот на что крестьянские налоги тратятся, – рассмеялась Оккула, подтягивая табурет к зеркалу у стены. – Видишь, как оно получается: мать твоя деньги у Лаллока за тебя получила, подати в казну, то есть Сенчо, заплатила, а он их Лаллоку вернул. Считай, они у твоей матушки из венды выпали.

– Ой, Оккула, ты же хотела Лаллоку на Геншеда пожаловаться! Ну помнишь, за то, что он в Пуре устроил?

– Не спеши, банзи, рано нам еще жаловаться. Вот как прославимся на всю Беклу, станем по тысяче мельдов за ночь получать, тогда и начнем счета сводить. Не бойся, я этого негодяя не забуду. Он свое получит, растечется, как навозная лепешка под дождем. – Оккула осторожно поправила ожерелье из клыков. – Ох, не ной! Погляди лучше, как нам повезло! Мы в роскоши купаемся – наряды новые, зеркало, мраморный бассейн для омовений, притирания! Не забывай, на улицах народ за корку хлеба убивается, а нам всего-то и надо, что толстяка ублажать да делать вид, будто по нраву оно тебе. Легче легкого. У такой красавицы, как ты, все получится.

Тут в покои из коридора вошла белишбанская невольница Мериса. Обнаженная девушка, не обращая внимания на Оккулу с Майей, невозмутимо забралась в бассейн. Оккула замолчала. Тишину нарушал только плеск воды.

– Ты откуда такая взялась? – наконец спросила Мериса.

– Мы обе из Тонильды, – безмятежно ответила Оккула.

– Впервые слышу, чтоб в Тонильде чернокожие водились, – заявила Мериса. – Как по мне, так лучше б вы в своей глуши и сидели. – Она досадливо плеснула ладонью по воде, но брызги до девушек не долетели.

Оккула встала у края бассейна:

– И чего тебе неймется? Повздорить решила? Вот Теревинфия придет, нам всем не поздоровится.

– Плевать я на нее хотела, – буркнула Мериса. – От нее и так неприятностей не оберешься.

Миловидное личико темноглазой белишбанки исказила злобная гримаса, пухлые чувственные губы презрительно сжались, отчего девушка словно бы повзрослела лет на десять.

– Что случилось? – спросила Оккула, протянула руку, помогла Мерисе выбраться из бассейна и обернула ее пушистым полотенцем.

– Ох, Крэн мне свидетель, в один прекрасный день заколю я этого жирного борова, и пусть меня повесят! – вздохнула белишбанка. – Бедняжка Юнсемиса!

– А с ней что стряслось? Померла?

– Нет, марджил подцепила. Ничего страшного, мы бы все вылечили, никто бы и не заметил, да эта сучка Теревинфия прознала и тут же донесла. Она Юнсемису терпеть не могла, только на любимицу Сенчо раньше жаловаться боялась, а как про марджил разнюхала, так все и выложила, кошка драная. Юнсемису выпороли, а этот гад любовался, да еще и мне велел его ублажать.

– И где теперь Юнсемиса?

– Ее работорговцу продали вместе с Тиусто. Ну, Тиусто уж двадцать четыре стукнуло, она понимала, что ей тут недолго осталось. Сенчо старых рабынь не держит.

– А тебе сколько лет? – осведомилась Оккула.

– Девятнадцать.

– И долго ты при деле?

– Смотря, что делом называть, – усмехнулась Мериса. – Ты вот на меня во все глаза погляди да прикинь, чернушка, – через пару лет тебя то же самое ждет.

– Не страшай попусту, – отмахнулась Оккула. – Ты когда начала?

– В тринадцать, – ответила Мериса. – Это не рано, в Белишбе тринадцатилетних замуж выдают, только мне замуж не хотелось, просто я бастанье любила, никого мимо не пропускала. Всех парней в округе перепробовала, вот меня отец из дома и выгнал, шлюхой назвал, хотя я ни у кого ни мельда не брала. – Она досадливо стукнула кулаком в стену.

Майя с Оккулой переглянулись.

– А потом что? – спросила Оккула.

– Ну, чем помирать с голоду, я решила в Хёрл пойти. По дороге мне встретился один паренек, Латто его звали. В бега подался.

– Раб?

– Ага. Пять лет назад в Белишбе беглых много было. Только Латто мне про себя не рассказывал, называл себя даром Шаккарна. И то правда – зард у него был знатный, дверь мог вышибить. Знаешь, как он... – Тут Мериса пустилась в такие подробные и откровенные описания любовных утех, что девушкам стало ясно: говорила она больше для себя.

– Эх тебя распалило, – усмехнулась Оккула.

– Ох, заткнись! – проворчала Мериса. – О чем это я? А, ну, пристали мы с Латто к банде беглых, что на тракте из Хёрла в Дарай разбойничали, к югу от Жергенской переправы. Они поначалу нас обоих принимать не хотели: я им была нужна, а вот Латто – нет. Только я уперлась, что без него – ни в какую. А он с ними чуть до смерти не подрался.

– Ох, они что, тебя все бастали? – ужаснулась Майя.

– Вот еще! Латто их ко мне не подпускал. Я им для другого нужна была – путников подманывать. Как увижу кого побогаче, уговариваю отойти в рощицу... А там его уж поджидают, дуралея... Ох и весело нам было! Однажды я трех лапанцев остановила, мол, я сразу с тремя согласна. А они с оружием были. Ну, я их в рощу отвела, голову задурила... Самое смешное, что мне очень уж хотелось сразу с тремя попробовать. Тут разбойники на них и налетели. Мы повеселились от души и четыре тысячи мельдов заработали.

– Понятно теперь, банзи, о чем я толкую? – спросила Оккула подругу. – Иногда наше дело в удовольствие, иногда – работа. Если повезет, то и себя потешишь, и денежку огребешь.

– Ну и чем все кончилось? – спросила Майя.

– А ты как думаешь? Солдат прислали, нам ловушку подстроили... Я и попалась, хотя сразу поняла, что на торговца парень не похож. Четверых разбойников на месте убили, а Латто и еще двоих у дороги повесили. Меня бы тоже повесили, только тризат решил, что я хорошенькая, повел меня в Дарай, там и продал, после того как сам натешился.

– А как ты сюда попала? – спросила Оккула.

– Так тризат же меня генералу Хан-Глату продал, – объяснила Мериса. – Хан-Глат тогда крепость в Дарае строил. Каждый вечер заводил меня на крепостную стену – и ну бастать! Ох и сладко! У него еще две рабыни было, только я ему больше всех нравилась.

– А потом что? – поллюбопытствовала Майя.

– Хан-Глат поехал в Беклу с докладом Кембри, увидел у Сенчо невольницу, предложил верховному советнику обменять ее на одну из нас трех. Вот Сенчо меня и выбрал.

– И что же в этом плохого? – удивилась Оккула. – Или ты из-за Юнсемисы расстроилась?

– Да то и плохо, что бастать теперь некому! – воскликнула Мериса.

– Где ж тогда Юнсемиса марджил подцепила?

– Ну, нам с ней плохо было без мужчин. Сенчо так жиром заплыл, что ходить не может, где уж ему бастать. Лежит себе и ждет, чтобы его ублажали. Хорошо хоть берет с собой невольниц на всякие пиршества – но и там особо не разгуляешься, разве что он сам тебя кому из гостей предложит. Юнсемиса всем нравилась, поэтому Сенчо ее от себя не отпускал. Вот и в тот раз так объелся, что с места двинуться не мог, а ей невоготу стало, что все кругом знай себе бастают. Ну, она и отпросилась на пять минут, воздухом подышать, а сама перепихнулась с одним из рабов. От него и заразилась. Ему ничего, а Юнсемису выпороли.

Теревинфия бесшумно вошла в покои, скользнула босыми ногами по алым и синим плиткам пола и, обмахиваясь огромным веером из белых перьев, пристально посмотрела на девушек.

– Как тебя У-Лаллок назвал? – обратилась она к чернокожей невольнице.

– Оккула, сайет.

– А тебя?

– Майя, сайет.

– Что ж, Оккула, тебе повезло: верховный советник требует к себе новую игрушку. Судя по утреннему представлению, ублажить хозяина ты сумеешь.

– Прямо сейчас, сайет?

– Я тебя сама отведу, – сказала Теревинфия. – Нет, не одевайся. Нагишом в самый раз.

Жара окутала город толстой пеленой. Носильщики на Караванном рынке маялись без дела, сидя на корточках в тени прилавков. Бездомные псы, высунув языки, развалились на мусорных кучах, над которыми кружили тучи мух. Вдоль берегов озера Крюк тянулась широкая бурая полоса высохшего, растрескавшегося ила, будто рыбацкие сети, выложенные на просушку. В садах на северной оконечности озера поникла листва на деревьях; от зноя умолкли птицы.

На закате в покое на вершине самой высокой башни дворца Баронов влетел легчайший ветерок, колыхнув кисейные занавеси в окнах. В распахнутую дверь виднелась винтовая лестница, у подножья которой стоял личный охранник Кембри-Б'саи.

Дераккон, верховный барон Беклы, налил в кубок вина из запотевшего глиняного кувшина у двери, отошел к окну и замер, рассеянно глядя на тусклые неподвижные воды озера в трехстах локтях внизу, у подножья Леопардового холма. Кембри сидел у стола. Сенчо обливался потом, растянувшись на ложе, которое обмахивал опахалом глухонемой невольник.

– Дело вот в чем, – произнес наконец Дераккон. – Сколько бы мы ни заверяли Карната, что Суба нам не нужна и что Леопарды с ним воевать не собираются, он нам не поверит, потому что уртайцы постоянно совершают набеги на его земли. А если он решит сам переправиться через Вальдерру и на Дарай напасть, кто его остановит?

– Для этого мы там неприступную крепость и построили, – заметил Кембри. – Карнату об этом известно. Вдобавок скоро сезон дождей начнется, так что терекенальтский король с места не двинется.

– Знаю, – вздохнул Дераккон. – Я вот думаю, что весной будет. Ладно, сейчас не время об этом беспокоиться. Сенчо говорит, у нас других забот хватает.

Из нижнего города донесся протяжный звон водяных часов.

Дераккон отошел от окна. Сенчо начал рассказывать об известиях, полученных от своих людей в Тонильде. Спустя семь лет после прихода к власти Леопардов в провинции все еще оставались очаги недовольства режимом; жители хранили верность роду Сенда-на-Сэя. Разумеется, все земли бывшего верховного барона передали новым владельцам, а Энка-Мардет, племянник Сенда-на-Сэя, жил в поместье на севере Халькона, к юго-востоку от Теттита, и находился под постоянным наблюдением. Он старался не давать поводов для недовольства, однако в последнее время начал жаловаться на работорговцев, зачистивших в те края. Впрочем, жалобы на произвол торговцев живым товаром поступали со всей Тонильды. Сенчо опасался тайного сговора и возможного мятежа.

– Нет, если начнем арестовывать землевладельцев, то жди беды. Народ восстанет. А так – поворчат и успокоятся, – заметил Кембри. – Может, приструнить работорговцев, пусть пару лет Тонильду стороной обходят?

Сенчо нетерпеливым жестом велел рабу подложить подушек на ложе и напомнил своим собеседникам, что как только товар начнет поступать из невольничьих питомников, то оброк с провинций можно будет снять, – правда, для этого придется подождать три-четыре года, потому что дети в питомниках еще не подросли.

– Рабов стало слишком много, – заявил Дераккон. – У богачей тысячи невольников

лентяйничают, даром хлеб едят. Их же для виду держат, друг перед другом богатством похваляются...

– Ты решил к хельдрилам примкнуть? – с улыбкой осведомился Кембри, имея в виду знатных провинциальных землевладельцев, недовольных режимом Леопардов.

– Мне известно, что работорговля приносит хороший доход, – сказал Дераккон. – Бекла процветает, но в какой-то мере торговля живым товаром ослабляет империю. На каждом шагу – беззаконие и произвол; беглые рабы бесчинствуют на дорогах, нападают на путников, держат в страхе целые деревни...

– Жители прекрасно знают, как этого избежать, – возразил Кембри. – Если нас попросят, мы тут же отправим войска на защиту – за определенную мзду, разумеется. Оплата по результатам. Расчистили же несколько лет назад тракт из Хёрла в Дарай, и Палтешу с Белишбой это обошлось не дороже, чем налоги, которые они платили за регулярное патрулирование торгового пути.

– Может, в деньгах и не дороже... – начал Дераккон.

Его прервал Сенчо, напомнив, что торговцы, которые в основном пользуются дорогами, пока ни на что не жалуются. Вдобавок правление Леопардов основывалось на превосходном правиле: и жители, и провинциальные власти платили Бекле за все необходимое. Леопарды положили конец войне с Терекенальтом, снизили налоги и дали тысячам людей возможность разбогатеть.

– Да уж, – вздохнул Дераккон, подойдя к кувшину за новой порцией вина. – Сенчо, ты сам из дельцов, прекрасно понимаешь, что нам это досталось дорогой ценой. Крестьяне нас ненавидят, а в одиночку путешествовать боятся. – Помолчав, он вызывающе добавил: – Иногда я чувствую себя наемным убийцей. Сенда-на-Сэй, несмотря на свои отсталые взгляды, осознавал необходимость общественной безопасности, законности и правопорядка.

– Но обеспечить их не мог, – улыбнулся Сенчо и почесал взопревший зад. – Поэтому к власти пришли мы.

– Сейчас не об этом речь, – прервал их Кембри. – Вы пригласили нас, мой повелитель, чтобы обсудить три вещи: во-первых, набеги уртайцев на Терекенальт; во-вторых, положение в Тонильде и, в-третьих, разбойные нападения беглых рабов. Решается все это очень просто. С уртайцами мы разберемся после того, как пройдет сезон дождей. Можно, конечно, взять заложников, но сейчас в Бекле и без того достаточно знатных уртайцев, включая Эвд-Экахлона, наследника верховного барона Урты, и этого... как его... Байуб-Оталя. Так что подождем два месяца, а потом объявим Урте, что если набеги на Терекенальт не прекратятся, то виновники будут иметь дело не с Карнатом, а с нами. Далее, тонильданским властям следует объяснить, что требуемое количество живого товара может быть снижено, но только в том случае, если разницу казне восполнят деньгами. И наконец, всем провинциальным баронам необходимо еще раз напомнить, что за установленную плату имперские войска согласны избавить от разбойных нападений любые земли. А теперь, мой повелитель, прошу вашего позволения откланяться – я приглашен на ужин к благой владычице. Вы же знаете, она ждать не любит. Сенчо, твоих носильщиков звать?

Дераккон не поддал виду, что задет неприкрытой издевкой, прозвучавшей в словах Кембри, крепче сжал кубок с вином и преградил маршалу дорогу к выходу:

– Кстати, о благой владычице... – Дераккон с притворной задумчивостью поглядел в потолок. – Ах да, прежде чем вас отпустить, маршал, я хотел бы обсудить с вами еще один вопрос.

Кембри удивленно взглянул на него и поспешно отвел глаза.

– Видите ли, Форниду повторно избрали благой владычицей два с половиной года назад. Через полтора года срок ее правления подойдет к концу, а ей самой исполнится тридцать четыре. Вы прекрасно понимаете, что благая владычица в подобном возрасте – оскорбление великого Крэна. Что нам делать с Форнидой?

– Мой повелитель, в этом вопросе я не предвижу никаких разногласий, – ответил Кембри. – Когда придет время, мы с вами все обсудим. – Он выглянул в дверь и крикнул охраннику: – Карвиль! Вели носильщикам верховного советника подняться за ним!

– Нет-нет, банзи, не так! Не целиком, а потихонечку. Вот, бери понемногу, а как привыкнешь – еще чуть-чуть.

– Но я же подавлюсь! Не получится у меня!

– Все получится. Это как на киннаре играть – поначалу кажется, что никогда не научишься шесть струн одним пальцем придерживать, а потом вдруг раз! – и сумеешь. Ну, попробуй еще разок.

– Мм...

– Молодец! А теперь покачай головой – медленно, не спеши. Умница! А как целиком возьмешь, приостановись, а потом выпускай. Давай еще разочек. Вот и славно. Ладно, на сегодня хватит. Вот видишь, не так все и страшно.

– Да? А если заталкивать будут?

– Тогда губы покрепче сожми. В этом деле ты темп задаешь, говорить ничего не придется. Если все делать правильно, то никто возражать не станет, вот увидишь. Если тебе что не нравится, притворись, что тебе чего-нибудь другого хочется, и заставь его это сделать. Главное – чтобы он думал, что тебе приятно. Все мужчины тщеславные. Лестью из них веревки можно вить.

– Оккула, тебе впору школу открывать, – сказала Теревинфия.

Тихонько зашелестела завеса из бусин. Девушки оглянулись: толстуха стояла в дверях – ни Оккула, ни Майя не слышали, как она вошла.

– Чем могу служить, сайет? – учтиво спросила Оккула.

– Мне пока ничего не требуется, – ответила Теревинфия, зевая и потягиваясь. – К верховному советнику коробейник приходил, вот я и подумала, что, может, вы захотите на его товары поглядеть – мыло, благовония, украшения всякие.

– Ой, банзи, давай посмотрим? Даже если ничего не купим, новости разузнаем. А он откуда, сайет?

– Говорит, из Тонильды.

– Ах, тогда, конечно, зовите! – воскликнула Оккула. – Мериса, у тебя деньги есть?

– Есть немного, – ответила Мериса, поднимаясь с ложа. – А у Дифны еще больше. Пойду спрошу, не нужно ли ей чего.

Высокая и грациозная Дифна, четвертая невольница Сенчо, была родом из Йельды. Сам он редко призывал ее к себе, зато кичился перед бекланской знатью, что в рабынях его привлекают не только постельные утехи. Оккула и Майя видели ее всего несколько раз, за завтраком. Говорила Дифна мало, но держалась приветливо и дружелюбно. Ей, старшей невольнице, полагались отдельные покои, где она и проводила почти все время. Майя ее побаивалась, – по словам Мерисы, Дифна обладала многочисленными достоинствами, а также умела читать и писать. Впрочем, Оккула тут же заметила, что Дифна своим

превосходством не хвастала.

В жаркую духоту женских покоев йельдашейская невольница явилась в полупрозрачной кисейной сорочке, прикрываясь накидкой. Майю не интересовал ни разносчик, ни новости из Тонильды – чтобы хоть как-то спастись от жары, ей хотелось раздеться донага, и она надеялась, что девушки не станут долго рассматривать товары. Накинув просторное одеяние, она поспешно провела гребнем по золотистым кудрям. Тут Теревинфия ввела в покои высокого юношу.

И в окрестностях озера Серрелинда, и на улицах Мирзата Майя часто встречала коробейников – торговцев вразнос, имеющих особое разрешение. Они свободно путешествовали по всей империи и носили наряд, по которому их повсюду узнавали: красную широкополую кожаную шляпу, зеленую рубаху и жилет в белую полоску с разноцветными лентами на плечах. Сейчас шляпа болталась за спиной у юноши, рукава взмокшей от пота рубахи были закатаны до локтей, полосатый жилет небрежно расстегнут. Торговец вошел в покои, остановился посреди комнаты и, достав из холщового мешка метелочку из разноцветных перьев, пощекотал Мерисе подбородок.

– Ну что, красавицы, хорошо тут у вас, тепло... А по ночам не мерзнете? – шутливо произнес он и лукаво подмигнул Майе темным, сорочьим глазом.

На вид коробейнику было года двадцать три; загорелое, обветренное лицо и запыленные башмаки говорили о жизни, проведенной в дороге.

– И это весь твой товар? – спросила Мериса, пытаясь шлепнуть его по руке. – Метелочки? – Она украдкой взглянула на Теревинфию и приспустила накидку с плеча.

– Нет, что ты! – воскликнул коробейник и снова пощекотал рабыню. – У меня много всякого припасено, но начинаю я со щекотки, чтобы тон задать. Впрочем, в щекотке вы и сами большие мастерицы! – Он снова подмигнул Майе.

Мериса захихикала. Молодой человек скинул с плеча короб, опустил его на пол и повернулся к Майе:

– А ты откуда, красавица?

– С озера Серрелинда, – с неожиданной радостью ответила Майя.

– Тебе надобно домой возвращаться, – с неожиданной серьезностью заявил коробейник. – Молода ты еще для этих дел. Украли тебя, что ли?

– Ты не забыл, где находишься? – лениво осведомилась Теревинфия. – В верхнем городе, в доме верховного советника. Показывай товар, не трать время даром.

– Да-да, конечно, сайет, – почтительно ответил коробейник. – Я просто дожидаюсь, пока все девушки не соберутся. Похоже, одна задерживается.

Майя только теперь заметила, что ее подруга куда-то исчезла.

– Откуда ты знаешь... – начала Теревинфия, но тут в покои вошла Оккула – в оранжевом метлане, охотничьей безрукавке и с золотой серьгой в носу.

Коробейник, который присел на корточки и рылся в своем мешке, торопливо встал.

– Привет, Зирек! – поздоровалась с ним Оккула. – Как ты узнал, что я здесь?

– От Лаллока, – ответил юноша. – Мне Домрида сказала, что ты в Беклу отправилась счастья искать. Говорят, в «Лилейном пруду» тебя очень не хватает.

– Ой, ну показывай уже свои товары! – нетерпеливо воскликнула Мериса. – Какое мне дело, что вы оба из Теттита? Я хочу посмотреть, что ты нам принес.

– Есть у меня шелк, – начал коробейник, – есть и вуали-тартуа, только их надо носить умеючи. А вот и духи особые, из самого Врако, – настоящий кеприс. Хочешь, капну на

запьястье? Сотня мельдов за флакончик... ладно, только ради тебя – девяносто.

– Нет, это очень дорого, – вздохнула Мериса.

– Ну, тогда вот мыло, розами пахнет. Большой кусок всего четыре мельда, а за флакон розовых духов – тридцать. И ожерелья есть – топазовое и ониксовое, только они недешево стоят. Ну ничего, когда-нибудь найдется красавица, которая их купит.

– А для комнаты украшений у тебя никаких нет? – внезапно спросила Оккула. – Надоело мне на голые стены глядеть.

Юноша пристально посмотрел на нее:

– Есть у меня всякие яркие шгучки – из глины, но красиво сделанные. Вот, погляди.

Он вытащил с десяток раскрашенных фигурок – быки, медведи, леопарды, голуби, петухи и коты.

– Как тебе такая кошка? Знаешь, есть такая легенда йельдашейская, про кошку Келинну?

– Да, – кивнула Оккула и выразительно добавила: – Только я слыхала, что кошку Бакридой звали.

– Все может быть, – согласился коробейник. – Ох, прости, она побитая немного... Я тебе ее даром отдам. – Он протянул чернокожей невольнице яркую фигурку с длинным выгнутом хвостом.

Оккула благодарно поклонилась и с улыбкой взяла подарок:

– Ах, глина и впрямь сердце радует! А то здесь кругом одна позолота – кроме меня, конечно.

– Из чего же ты сделана? – улыбнулся юноша.

– Из бесценного черного мрамора, не видишь, что ли?

Тут Дифна осведомилась о цене кольца с сердоликом. Коробейник объявил, что оно стоит восемьдесят пять мельдов, и снова повернулся к Оккуле, но Дифна невозмутимо предложила ему семьдесят монет. Юноша удивленно приподнял бровь и заикнулся о семидесяти пяти. Йельдашейская невольница улыбнулась, пожала плечами и собралась уходить. Торговец тут же согласился на названную цену, хотя и посетовал, что красавицы всегда его разоряют. Дифна принесла из своей опочивальни бронзовый ларец, достала деньги и рассчиталась с коробейником.

– Ох, у нее там наверняка целое состояние, – шепнула Оккула Майе.

Дифна, мило улыбнувшись юноше, вышла из комнаты.

– Ну, поняла теперь? – не унималась Оккула. – Интересно, давно она нашим делом занимается – лет пять-шесть?

– Знатные господа от нее без ума, – сказала Мериса, покосившись на Теревинфию, которая рассматривала ожерелья. – Видели б вы, как она себя на пирах ведет – и поет, и легенды рассказывает, и на киннаре играет, и танцует. У нашей Дифны в достоинствах недостатка нет, но с другими девушками она всегда держится приветливо. И дела у нее налажены: Теревинфия свою долю забирает, конечно, но Дифне немало перепадает, – похоже, она скоро вольную себе выправит и станет шерной. А может, и замуж выйдет.

– Неужели Сенчо ее отпустит? – удивилась Майя.

– Конечно, – кивнула Мериса. – По закону, если девушка может хозяину двенадцать тысяч мельдов заплатить через пять лет после того, как ее купили, то получает свободу. А ему выгодно – за пять лет невольница обесценивается, а он себе потраченные деньги возвращает и на них другую девушку купит.

– Все равно таких, как я, больше нет, – гордо заявила Оккула. – Вот увидите, я

прославлюсь больше Дифны.

Тут в покои вошла Огма, хромя служанка, и замерла у входа, почтительно прижав ладонь ко лбу, – ожидала, когда Теревинфия позволит ей заговорить. Толстуха наконец смилостивилась, велела хромоножке подойти поближе, и тут выяснилось, что служанку прислал Сенчо. Взволнованная Теревинфия немедленно отправилась к хозяину.

– Что ж, с красавицами приятно проводить время, даже если они товаров не покупают, – вздохнул Зирек, убирая безделушки в короб. – А теперь мне пора. Рад был повидаться, Оккула. Надеюсь, еще встретимся, ты мне свои новости расскажешь. – Чуть помолчав, он добавил: – Это по-всякому можно устроить, ты же знаешь. Ну и я вас навещу, как случай подвернется.

– Хочешь, я у тебя кеприс куплю? – неожиданно предложила Мериса. – И за хорошую цену, не пожалеешь. Вот! – Она скинула накидку на пол и встала перед юношей, полностью обнаженная, только поблескивали серебряные браслеты на запястьях и сверкали расшитые туфельки на ногах. В душных покоях от разгоряченного тела слабо пахло лилиями. – Пойдем в опочивальню, только быстро, пока Теревинфия не вернулась.

Оккула подняла накидку с пола.

– Я здесь новенькая, ты же знаешь, – обратилась она к Мерисе. – Прости, что вмешиваюсь, но на виселице мне вас обоих видеть не хочется – а именно так и будет, если Теревинфия вас в опочивальне застанет. Так что, Зирек, забирай товар и убирайся отсюда поскорее.

– Ах ты, дрянь! – воскликнула Мериса. – Тебе-то что за дело? Не лезь, куда не просят.

Оккула схватила ее за плечи, но белишбанская невольница, пытаясь вырваться, укусила чернокожую девушку за руку.

– Прогони ее! – велела Мериса Зиреку, топнув ногой. – Или я тебе не по нраву? От меня еще никто не отказывался!

– О великий Крэн, спаси и сохрани! – вздохнула Оккула. – Мериса, ты с ума сошла! Теревинфия вот-вот вернется, дурочка. Зирек, не стой столбом, пошел вон, а то я сейчас сама охранников позову.

Мериса, совершенно обезумев, лягнула Оккулу в щиколотку. Оккула взвизгнула от боли и отвесила белишбанке пощечину. Мериса повалилась на колени и бессильно обмякла, а чернокожая девушка снова подхватила ее под руки.

– Это она от жары, – сказала Оккула, потирая ушибленную лодыжку. – Банзи, помоги мне ее в опочивальню отвести. В последний раз говорю, Зирек, уходи!

Девушки перенесли Мерису из покоев в опочивальню, уложили на кровать и, вернувшись в покои, обнаружили, что Зирек уже ушел.

– Вот видишь, банзи, как просто в беду попасть, – сказала Оккула. – Безрассудство Мерисы добром не кончится, помяни мое слово. Представляешь, что бы произошло, если бы Теревинфия их с Зиреком за керой застала?

– А что такое кера?

– О великий Крэн, даруй мне терпение! Кера – это представление такое. Раб невольницу перед всеми бастает, на пиру или на празднестве каком, чтобы знатных господ развлечь. Ничего, ты сама скоро все увидишь. Ох, если бы выяснилось, что мы знали о намерениях Мерисы и остановить ее не пытались, то нас с тобой выпороли бы. А уж ей самой...

С дробным шорохом бусин качнулась завеса у входа: на пороге показалась Теревинфия, утирая полотенцем вспотевшее лицо и шею.

– Коробейник ушел? – спросила она.

– Да, сайет.

– А где Мериса? – подозрительно осведомилась толстуха.

– В опочивальне, сайет. Ей дурно стало.

Теревинфия со скрытой угрозой поглядела на девушек. Майя испуганно вздрогнула, понимая, что от толстухи ничего не ускользнет, – потому-то она и занимала свое высокое положение.

– Пожалуй, оно и к лучшему, – наконец промолвила Теревинфия, решив не допытываться, что произошло.

Девушки молчали.

– Верховному советнику из храма сообщили, что к утру дожди начнутся, – весело произнесла толстуха.

– Это хорошие вести, сайет, – сказала Оккула.

– А с началом дождей маршал, как обычно, устраивает пиршество, – важно продолжила Теревинфия. – Разумеется, верховный советник принял приглашение. Сопровождать У-Сенчо будет Мериса. И ты, Майя, – чтобы опыта набраться.

– Я, сайет? – удивленно спросила Майя. – Но...

– Мне с Мерисой надо поговорить, – заявила толстуха, не обратив внимания на Майю. – Нет, Оккула, я сама к ней пойду, проверю, как она себя чувствует.

– Ох, банзи, с Теревинфией надо поосторожнее, – вздохнула Оккула, разглядывая глиняную кошечку. – Похоже, коли она кого невзлюбит, ни перед чем не остановится.

Бекла лежала посреди засушливой бурой равнины у подножья горного массива Крэндор, как валун посреди пруда. Долгие летние месяцы воздух над городом висел неподвижно, застыв над башнями и крепостными стенами, лишь изредка чуть колыхался, но не от ветра, а словно бы от мельтешения потных тел и шума голосов – так стоячая вода вокруг камней в пруду покрывается рябью, когда мимо лениво проплывает рыбина.

В полях закончилась жатва; жаркое лето подходило к концу, рассыпалось сухой шелухой. Мальчишки-подпаски дремали в тени, не обращая внимания на стада, – коровы, разморенные зноем, не уходили в луга с выжженной травой, а держались поближе к реке. Весь мир устало замер, покорно ожидая дождей; в тридцати лигах к востоку, над Тонильданскими горами, нависали тяжелые грозовые тучи.

Наконец темная облачная громада тронулась с места – медленно, будто даже богам было не под силу ее сдвинуть, – и поползла на запад, к равнине. Под тучами белой ватой клубился туман, застревал в верхушках деревьев Тонильданского леса, беззвучно плыл над гладью озера Серрелинда, окутывал трущобы Пуры и Хирдо. Между туманом и облаками висела еле заметная пелена дождя. Деревни, дороги, хижины в полях и лодки на реках сначала обволакивала белесая дымка, потом их заливало дождем, а затем они увязали в непроходимой грязи. Впрочем, деревенские жители, путники, крестьяне и рыбаки были к этому привычны. Клочковатый туман переваливался через горы и холмы, вползал на равнину, белым дымом спускался в долины и овраги, нес долгожданную прохладу и спасение от летнего зноя и засухи, даровал кратковременную желанную передышку, отдых от тяжелых трудов: пока боги занимались своим делом, люди набирались сил перед грядущими пахотой и севом.

Туманная дымка набухала дождем, который с тихим шипением падал на жухлую траву, шуршал в кронах деревьев, прибывал дорожную пыль. Над Беклой наконец-то задул легкий, мягкий ветер, овевая прохладой паутину городских улиц и закоулков. Повсюду раздавался тихий шорох ливня и журчание дождевых струй. Вода плескалась в канавах и водостоках, съездившееся озеро Крюк постепенно возвращалось в свои берега, искрящиеся струи забили из фонтанов на площадях и в садах. Горожане распахивали окна и с наслаждением вдыхали влажный запах дождя; бездомные попрошайки и нищие прятались под уличные навесы, отдирали присохшие струпья и почесывали гноящиеся язвы. Сенчо, дремавший в бассейне, проснулся от шума ливня и, постанывая от удовольствия, решил потешиться с Мерисой и Оккулой. Флейтиль и его подмастерья, надежно закрепив новую статую Аэрти на постаменте, отправились в близлежащую таверну, чтобы отпраздновать начало работы в мастерской.

Вечерело. Дераккон стоял у окна в восточной башне дворца Баронов и глядел, как мглистая дымка, собравшаяся над горами в двух лигах от столицы, медленно сползает по склонам, скрывая пустынный тракт к Теттиту. В Накше наверняка заметили быстро надвигающийся туман, и к вечеру идти в столицу никто не решался – белесая дымка грозила путникам не только дождем и слякотью; так Сенда-на-Сэй, разбуженный среди ночи ревушим пламенем, встретил в дыме пожара свою смерть.

Дераккон размышлял о глупости Сенда-на-Сэя. Бывший верховный барон считал, что

империей можно и должно управлять по традиции, освященной веками. Он не понял, что в сложной структуре общества возникли и окрепли новые силы, – а если и понял, то решил, что они не в состоянии свергнуть наследственную власть верховных баронов Беклы, основанную на чести, достоинстве и чувстве долга. Еще семь лет назад Дераккон, в отличие от Сенда-на-Сэя, осознал веяния нового времени и необходимость перемен в развитии империи. Именно поэтому он ухватился за предложение Кембри и Сенчо. Для успешного переворота Леопардам был необходим человек из знатного рода, способный возглавить восстание и увлечь за собой жителей империи. Дераккон хотел воплотить в жизнь свои высокие идеалы и честолюбивые стремления, править империей по-новому, улучшить благосостояние страны, не сопротивляться грядущим переменам, а поощрять их – и не упустил подходящего случая. Сенда-на-Сэй никогда бы на такое не решился. Глупый, честный и благородный Сенда-на-Сэй... Сейчас не время для благородства...

А как же высокие идеалы и честолюбивые стремления? Дераккон вспомнил о Сенчо – мерзкий паук опутал всю страну гнусной паутиной осведомителей и доносчиков, наживался на добытых сведениях и погряз в трясине обжорства и разврата. Маршал Кембри отправлял бекланские войска на поддержку того провинциального барона, который ему больше заплатит. Обоих заговорщиков не тревожили воспоминания о ночном пожаре и о пронзительных женских криках с верхних этажей горящего особняка.

Благосостояние страны... Да, люди живут в достатке – и не только горстка тех, кто у власти. У многих появилась возможность сколотить состояние. Дераккон глянул в окно, на верхний город, и заметил, как из ворот особняка Сенчо вышел коробейник в зеленой рубахе и торопливо направился к Павлиньим воротам, чтобы дождь не намочил его товары. Особое разрешение, купленное у городских властей, облакало коробейников неприкосновенностью – совсем недавно разбойников, дерзнувших ограбить разносчика, поймали и повесили у дороги из Накша в Беклу. Похоже, у этого коробейника товары были отменного качества – восемь лет назад разносчики такими не торговали. Зеленая рубаха исчезла под сводами Павлиньих ворот. В полулиге от восточной городской стены тракт накрыла полоса тумана.

Из-за двери донесся голос охранника. Дераккон отошел от окна, прислушался – без доклада к нему не впускали – и неохотно решил выяснить, в чем дело:

– Кто там, Гарпакс?

– Прислужница благой владычицы, мой повелитель, с посланием от своей госпожи.

– Впусти ее.

В покои Дераккона вошла Ашактиса, доверенная прислужница Форниды. Ашактиса родилась в Палтеше – Форнида, как и сам Дераккон, опасалась наемных убийц и слуг набирала только из своих соотечественников. Впрочем, Ашактиса прислуживала Форниде с детских лет.

– Сезон дождей начался, – произнес Дераккон вместо приветствия.

– Да, мой повелитель, хвала богам. Благая владычица свидетельствует вам свое почтение и просит сообщить, что занемогла.

– Сочувствую, – пробормотал Дераккон.

– Ничего серьезного, – добавила служанка, – просто ей немного нездоровится, поэтому из дому она не выходит. Однако же она просила меня передать, что ей необходимо с вами переговорить, мой повелитель. Не соизволите ли вы сегодня вечером с ней отужинать? Разумеется, если это не оторвет вас от важных государственных дел, мой повелитель.

Дераккон решил, что к Форниде придется пойти – возможно, ей стало известно что-то

важное, – и велел Гарпаксу через полчаса быть готовым к выходу с вооруженным конвоем. А ведь всего семь лет назад Дераккон в одиночку и без оружия спокойно прошел бы и по верхнему, и по большей части нижнего города.

К вечеру дождь превратился в ливень, застучал по крышам и ставням; по крутым улочкам у внутренних стен города – по улице Оружейников, по склонам Аистиного холма, по Лиственной улице – побежали мутные ручейки. Речушка, вытекающая из озера Крюк, превратилась в бурный поток, струившийся мимо Тамарриковых ворот по трем каналам. На два месяца в стране воцарялось затишье, прекращались войны и междоусобицы, торговля замирала – к этому ежегодно готовились не только богачи и знать, но и все те, кто их обслуживал. Бекланцы называли дождливые месяцы «мелекрил», что буквально значило «зверь, укрывшийся от погони». В сезон дождей столичная жизнь превращалась в череду празднеств и роскошных пиров. Из-за раскисших дорог свежие продукты поставляли на рынки редко и с перебоями, поэтому виноторговцы, бакалейщики и пекари запасались провизией заранее, а в загоны у Лилейных ворот пригоняли стада для забоя. Мощные улицы верхнего города облегчали светские визиты: навещать знакомых женщины предпочитали в занавешенных паланкинах, а мужчины ходили пешком, в прочных сапогах, укрываясь от теплого дождя под толстыми накидками.

В особняке Кембри-Б'саи к сезону дождей тоже готовились заранее. Званные приемы и великолепные пиры маршала прославились на всю империю – бывший наемник любил хвастать своим богатством и с огромным удовольствием выслушивал льстивые похвалы гостей. Вдобавок это давало ему возможность узнать все слухи и сплетни, а также оценить положение дел в городе и стране.

За несколько лет праздник стал традицией – в первый день дождей маршал устраивал пиршество. Слуги Кембри сновали по городу, разнося многочисленные приглашения, а рабы убирали огромную пиршественную залу, подметали и натирали полы, расставляли светильники, чистили бассейны, пруды и фонтаны, устанавливали ложа, скамьи и столы. Вокруг залы располагались комнаты поменьше, устроенные для удобства гостей, – туда удалялись для тайных бесед, азартных игр или для любовных утех. Главный распорядитель, стольник, главный повар и дворецкий отдавали последние распоряжения двум сотням слуг и невольников. В двух мраморных бассейнах покоились огромные охапки свежесрезанных цветов из сада – к пиршеству их предстояло превратить в венки и гирлянды. Маршал велел двум своим врачам быть наготове – гости страдали не только от обжорства; часто вспыхивали ссоры и потасовки. Кембри отужинал и отправился ночевать к одному из своих старших военачальников, потому что в маршальском особняке всю ночь шли шумные приготовления к предстоящему торжеству.

– Банзи, ты сделала все, как Теревинфия велела?

– Ох, да! Так противно...

– Все до капли выпила?

– Ну да, она проверила.

– Вот и славно. Не хватало еще, чтобы какой-то придурок тебя в первый же вечер обрюхатил. Тогда все наши старания прахом пойдут.

– Ах, Оккула, мне так страшно... Вот если бы ты со мной пошла, я бы не боялась.

– Ничего не поделаешь, наш жирный боров велел вам с Мерисой идти. И что ему только в голову взбрело?! Нет чтобы надежных, проверенных девушек взять – меня и Дифну. Ну да

ладно. Дай-ка я на тебя полнубуюсь. Ох, банзи, какая же ты редкостная красавица!

Майя взволнованно улыбнулась, глядя на свое отражение в большом зеркале на стене: да, это не голодная босоногая пастушка с озера Серрелинда. Туфельки из тончайшей белой кожи были усеяны алыми бусинами, под цвет платья, сшитого на йельдашейский манер – с пышной складчатой юбкой и облегающим лифом, который поддерживал и выставлял на обозрение полную грудь, прикрытую только каскадом золотистых локонов. Прическу украшала веточка алой керанды – крошечные цветы отливали перламутром и распространяли головокружительный аромат. После долгих споров Теревинфия с Оккулой решили, что никаких украшений Майе не нужно, только позолотили ей веки и соски. Наконец Теревинфия придирчиво оглядела девушку с головы до ног и удовлетворенно вздохнула.

– Слушай меня внимательно, – сказала Оккула, усаживая Майю на скамью у бассейна. – Ты выглядишь замечательно! При виде такого лакомого кусочка любой похотливый Леопард слюной изойдет. Ты похожа на ту самую красавицу-крестьянку, которой богиня бессмертие даровала. А теперь, ради Крэна – ради Крэна, а не ради Канза-Мерады, я тебе серьезно говорю! – запомни мои слова крепко-накрепко. Ты не на деревенский праздник идешь и не на ярмарку в Мирзат ухажеров искать. Ты работаешь! Ты – личная собственность нашего важного бора. Он тебя с собой берет, чтобы тобой похвалиться, вроде как фонтаном его дурацким или еще чем. Так что надо делать только то, что тебе велено. Если ты об этом забудешь и позволишь какому-то чванливому богатею к тебе прикоснуться – да и вообще, если хозяину должного уважения не выразишь, – тебя высекут, продадут или вообще неизвестно что сотворят. С него станется, не сомневайся. Понятно тебе?

– Да, Оккула. А что, если вдруг какой-то знатный господин захочет... ну, знаешь...

– Ответ у тебя на все один – как хозяин скажет. Вдобавок важнее Сенчо нет никого. Кстати, вот еще о чем не забудь: если случай подвернется толстяка ублажить, без того, чтобы он тебе сам велел, – не упусти. Как увидишь, что ему чего-то хочется, делай немедленно. Понятно?

– Что там ей понятно? – спросила Мериса, входя в покои. От нее сильно пахло лаймовым цветом. – Что дельды наружу торчат? Оккула, помоги мне серьги вдеть, я их застегнуть не могу!

Гладкие черные волосы белишбанской невольницы заплели в толстые косы и уложили вокруг головы, закрепив золотыми гребнями. На смуглом лице капризной красавицы сладострастно блестели темные глаза, завлекая и маня. Шею обвивала тоненькая золотая цепь, на руках позвякивали золотые браслеты, а длинное нефритово-зеленое одеяние перетягивал на талии золотой пояс. Мериса держалась надменно и вызывающе.

– Ах, хороша! – воскликнула Оккула и добавила: – Стой спокойно, я тебе серьги вдену.

– Вы готовы? – спросила Теревинфия с порога. – Мериса, ты помнишь, что делать. Носилки верховного советника встретите у входа. И следи за Майей, подскажешь ей, если вдруг что.

– Да, сайт, – ответила Мериса. – А где моя накидка?

– У меня, – сказала Теревинфия. – И Майина тоже.

Не желая прерывать свои наслаждения и гнушаясь любых физических усилий, Сенчо редко покидал свой особняк – только в тех случаях, когда требовалось показать свою власть и могущество. Мастера-ремесленники и торговцы приносили свои товары в особняк, а сам верховный советник выезжал лишь туда, куда требовали правила приличия, – к Дераккону, на религиозные праздники и на пиры, устраиваемые знатными и важными особами, например

благой владычицей или Кембри. Рабов-носильщиков он не держал, предпочитая вызывать к себе солдат. В празднество дождей он потребовал отряд из двадцати человек под командованием тризата. Шесть солдат в сопровождении двух факельщиков должны были отнести паланкин с невольницами в маршалский особняк заранее, за полчаса до прибытия самого Сенчо.

Теревинфия, заботясь о сохранности хозяйского имущества не хуже любого пастуха или егеря, велела доставить паланкин к женским покоям, усадила в него девушек и задернула занавески. Только после этого она позвала солдат, напомнила им приказ не разговаривать с невольницами, велела нести паланкин осторожно, памятуя о дожде и грязи, и проводила до ворот особняка, где их дожидался привратник Джарвиль с факельщиками.

До дома Кембри-Б'саи было недалеко, но путь занял полчаса, потому что у маршалских ворот собралось множество паланкинов и образовался затор; носильщики толкались и переругивались, стараясь как можно скорее выбраться из-под дождя.

– Вот дурачье! – воскликнула Мериса, выглядывая в щелку между тяжелыми занавесками. – Выстроились бы в очередь, пропускали бы по два разом. Глянь, вон там драку затеяли! Хорошо, что у нас солдаты, – хоть какая-то польза от Сенчо.

– Душно-то как! – пожаловалась Майя. – Того и гляди дурно станет. Далекое еще?

– Конечно, когда бароны и знаменитые шерны приезжают, к ним со всем уважением относятся, не то что к нам, – продолжала Мериса, не обращая на нее внимания. – Ой, погляди, какой у нас факельщик хорошенький!

Тризат, наклонившись к занавескам паланкина, извинился за задержку и сказал, что сейчас все уладит.

– Дорогу эскорту верховного советника! – воскликнул он, расталкивая толпу.

Паланкин качало, в давке солдаты сбились с шага, дождь беспрестанно стучал по крыше. Майе и впрямь стало дурно, но тут шум стих, и сквозь занавеси ярко засияли светильники. Паланкин опустили на землю, тризат что-то скомандовал солдатам, и они удалились.

– Можно выходить? – взволнованно спросила Майя у Мерисы, сообразив, что наконец-то они приехали.

– Нет пока, – ответила белишбанская невольница. – Сейчас придет распорядитель, дворецкий или здешняя сайет – ну, как Теревинфия, только нравом подороже. Погоди, недолго ждать осталось.

Через несколько минут улыбающаяся светловолосая женщина лет тридцати пяти распахнула занавески паланкина.

– Вы У-Сенчо сопровождаете? – уточнила она. На ее небесно-голубом одеянии сверкали две изумрудные броши; у плеча поблескивала золотая фигурка леопарда на цепи.

– Да, сайет, – ответила Мериса, оперлась на предложенную руку и вышла из паланкина.

– Гм, как обычно, верховному советнику во вкусе не откажешь, – с милой улыбкой заметила женщина. – Ты прежде у маршала на празднестве дождей бывала?

– Да, сайет, – кивнула Мериса. – Я генерала Хан-Глата сопровождала, еще до того, как попала к У-Сенчо.

– Ах, генерала Хан-Глата, – понимающе протянула женщина и обратилась к Майе: – А ты, милочка?

Майя вышла из паланкина под свет множества фонарей.

– Ох, да ты красавица! – восхитилась женщина. – И такая молоденькая! Сколько тебе лет?

– Пятнадцать, сайт.

– Разумеется, ты у нас ни разу не бывала.

– Меня совсем недавно в Беклу привезли, я пока нигде не была и ничего не знаю...

– Какая очаровательная непосредственность! Ты из Тонильды? Как тебя зовут?

– Майя, сайт. С озера Серрелинда.

– Просто прелесть! Ну, красавицы, я бы с вами еще поболтала, только дел много. Знаете, куда идти?

– Я же тебе сказала, что она гораздо добрее Теревинфии, – заметила Мериса, когда девушки прошли по брусчатке крытого двора к подножью лестницы.

– Ой, со мной никогда так раньше не разговаривали, – удивленно прошептала Майя. – Можно подумать, я знатная госпожа. Мы же рабыни...

– Конечно, – вздохнула Мериса. – На твоём месте я бы об этом не забывала. Мы наложницы верховного советника, а раз он нас с собой взял – наверняка любимицы. Ей это прекрасно известно, потому она и обращается с нами уважительно.

Майя, пораженная великолепием особняка Кембри, даже не расслышала ответа. Она не могла представить себе подобной роскоши и сейчас удивленно озиралась, изумленная и напуганная невиданным прежде зрелищем. Вокруг сгустились сумерки, но лестницу заливало яркое – ярче солнечного – сияние бесчисленных ламп, фонарей и светильников: одни подвесили на серебряных цепях к высокому потолку, другие закрепили в начищенных медных скобах вдоль стен. На верхней площадке лестницы высились два бронзовых подсвечника в форме раскидистых деревьев сестуага; в них горели сотни свечей, изображающие кисти белых соцветий. У каждого подсвечника стояла очаровательная девушка в наряде леопарда – золотистый шелк усыпали вышитые черным пятна. Девушки меняли сторевшие свечи, подрезали чадающие фитили и радушно приветствовали гостей. Одна из девушек-леопардов заметила восторженный взгляд Майи и мило улыбнулась. Майя с облегчением перевела дух.

Пологие ступени широкой лестницы из мрамора с зеленоватыми прожилками ограждали резные перила из незнакомого Майе черного дерева, до зеркального блеска отполированного резко пахнущим маслом. Она осторожно прикоснулась к гладкому поручню – пальцы отразились в нем, будто на темной поверхности лесного озера.

Вокруг толпилось множество девушек: светловолосые бледнокожие йельдашейки; стайка ортельгиек, увлеченно щебетавших на своем языке; две белишбанки; какая-то красавица в серебристо-сером одеянии, расшитом саркидскими снопами; дильгайки с черными косами и приплюснутыми носами, одетые в яркие наряды, с монистами на шее и золотыми кольцами в ушах... Все они чинно, но с плохо скрытым возбуждением поднимались по ступеням. Внезапно Майя поняла причину такого поведения. «Все они здесь потому, что их хозяева выбрали каждую из-за ее необычайной красоты. И девушки об этом знают, – подумала Майя и запоздало сообразила: – Ах, и я теперь – одна из них!»

Просторная верхняя площадка лестницы изображала лесную поляну. Пол устилал толстый зеленый ковер – где ровный, где кочковатый, – усеянный искусно вышитыми и живыми цветами: первоцветами, ветреницами и лиловыми свечками мышиноного горошка. На ковре там и сям стояли кусты и деревца из бронзы и зеленоватой меди, усыпанные сверкающими ягодами и плодами из хрусталя, бериллов и других драгоценных камней. В кустах прятались серебряные фазаны, куропатки, рябчики и зайцы; в одном углу притаилась золотая лиса, а в другом – белоснежный мраморный горноста́й.

Через всю поляну тянулась тропинка с россыпью вышитых ромашек, ведущая к бассейну, где среди кувшинок и зарослей камыша плавали золотые рыбки. В центре бассейна стояла скульптура, изображающая обнаженную парочку: юноша, восторженно запрокинув голову, полулежал на боку среди камышей; его ласкала коленопреклоненная смеющаяся девушка, из-под пальцев которой весьма естественно вырывалась тонкая, прерывистая струйка воды. Майя зарделась и поспешно отвела взгляд, заметив, что никто из присутствующих не удостоил фонтан вниманием.

Она обошла бассейн и неожиданно увидела в дальнем конце зала еще одну лестницу. Майя никогда прежде не думала, что в доме может быть больше двух этажей. Неужели придется взбираться еще выше? Она решила, что, наверное, это безопасно: по лестнице не только поднимались девушки, там неподвижно стояли невольники в алых одеяниях, с серебряными подсвечниками в руках, по двое на каждой ступени. Других светильников здесь не было, так что горящие свечи образовывали уходящий ввысь сияющий туннель, окруженный со всех сторон мглой. Майя прищурилась и разглядела на стенах изображения зверей и охотников, лесов и водопадов, полускрытые дрожащими тенями рабов в неверном пламени свечей.

На верхней площадке второй лестницы установили бронзовую жаровню, наполненную тлеющими углями. Еще две девушки-леопарда присматривали за жаровней, время от времени подбрасывая в огонь щепотку благовоний; ароматный дымок тянулся вниз по лестнице и, смешиваясь с благоуханием всевозможных духов и сладкими запахами лилий, жасмина, трепсиса, планеллы и гардений, обволакивал входящих дурманной пеленой. Обилие ароматов кружило голову. Майя остановилась и оперлась на перила. Мериса нетерпеливо оглянулась:

– Что с тобой?

– Ничего страшного, – улыбнулась Майя. – Если бы у меня вместо носа были глаза, я бы уже ослепла.

За жаровней начинался длинный широкий коридор, с одной стороны которого высились стройные золоченые колонны, а за ними простиралась пиршественная зала, куда вели три пологие ступени.

Майе, все еще потрясенной чрезмерной пышностью убранства лестниц, почудилось, что она попала в строгое и скромно обставленное помещение, где главное – не яркость и богатство красок и форм, а услада других чувств. В зале длиной не меньше сотни шагов – никогда прежде Майя не видела помещения таких огромных размеров – не было ни статуй, ни картин. Красота убранства состояла исключительно в разнообразии пород дерева, использованных в отделке залы. Гладкие узкие планки пола, натертые воском и до блеска отполированные, были медового цвета, а длинные широкие ступени у входа – из того же черного дерева, что и перила нижней лестницы. Вдоль двух стен стояли колонны, а противоположные стены украшали панели из различных древесных пород, отличающихся не только цветом, но и рисунком древесины: одна – с концентрическими кольцами и пятнами, другая – коричневая, расчерченная ровными шестиугольниками сот, третья – черная, будто крыло скворца, с волнистыми, перламутровыми переливами. Все они были богато инкрустированы и покрыты великолепными узорами – то светлые зигзаги молний на темном фоне, то золотисто-оранжевые ромбы на каштановой поверхности, то дождь черных звезд, усеянных крохотными кусочками белой кости, искрящимися в желобках карнизов. Над лампами под потолком темнели тяжелые брусья, усыпанные крохотными кристалликами

шпата, которые излучали слабое сияние, словно вторя буйству огней в зале.

Впрочем, освещение в зале несколько уступало яркости света на лестницах, хотя светильников хватало; лампы в филигранной серебряной оплетке бросали нежные лепестки света на столы и ложа, а вокруг маршальского стола расставили замысловатые бронзовые подсвечники, сияние которых подчеркивало величие сидящих здесь знатных особ.

В центре залы, окруженный низким мраморным бортиком, помещался еще один бассейн с кувшинками – творение Флейтиля. Центрального фонтана в бассейне не было, но над самой поверхностью воды симметрично разместили пятьдесят крошечных распылителей, создающих едва заметную рябь, будто от капель дождя. Из бассейна к сводчатому потолку вздымалась раскачивающаяся змея, сверкая медными чешуйками, – на самом деле это была вытяжная трубка, потому что под стеклянным дном бассейна (кувшинки росли в горшках) помещались лампы, подсвечивающие воду снизу, так чтобы она сверкала и переливалась между широкими округлыми листьями.

Три распахнутые двери в торцевой стене вели на кухню. По зале сновали рабы, завершая последние приготовления к пиршеству. Между длинными дубовыми столами и лавками установили и ложа, потому что по имперскому обычаю гости вкушали яства сидя или лежа, в зависимости от личных предпочтений. На помосте в дальнем конце залы высился маршальский стол, окруженный папоротниками и кустами в свинцовых кадках. Рабы сбрызгивали прохладной водой свежие цветы, рассыпанные по столам. У колонн главный виночерпий придиричиво осмотрел вино в огромных серебряных чанах, смахнул какую-то мушку или соринку с поверхности и, накрыв каждый чан тонкой кисеей, положил рядом черпаки и расставил пустые кувшины.

Зала наполнялась красавицами-рабынями. Почти все они, спустившись по ступеням, подходили к высокому, сурового вида мужчине с эмблемой Леопарда на алом одеянии – должно быть, главному распорядителю. Девушки называли имя хозяина, распорядитель сверялся с длинным списком гостей и направлял невольниц к нужному столу.

Мериса дернула Майю за рукав:

– Пойдем, у нас времени мало!

– Ты хочешь, чтобы я у него спросила... – смущенно начала Майя, заметив, как распорядитель холодно отчитывает какую-то миловидную черноглазую девушку с беличьим личиком, поведение которой пришлось ему не по нраву.

– О великий Крэн, кто же не знает, где стоит ложе верховного советника?! – раздраженно прошипела Мериса и решительно направилась сквозь толпу.

Майя замерла, очарованная сверкающим бассейном, и только потом заметила, что Мериса уже поднялась на помост. Майя торопливо направилась к ней, в спешке налетела на паренька с подносом, уставленным серебряными солонками, и едва не упала.

– Ох, прости!

Юноша резко обернулся и при виде Майи тут же сменил гнев на милость:

– Ничего страшного, такими дельдами можешь целый день меня пихать. – Он лукаво усмехнулся. – Может, тебе их посолить?

В Мирзате Майя с удовольствием поддержала бы разговор, но сейчас поспешно отвела взгляд и отошла прочь.

На помосте Мериса вступила в ожесточенную перепалку с невольником, разносившим подушки.

– Неси еще, этого нам мало! – заявила она, топнув ногой.

– Больше нет, – проворчал раб. – Мне еще надо...

– Тебе надо делать то, что я велю! – воскликнула Мериса и схватила его за плечо. –

Немедленно притащи еще десяток подушек, или я главному распорядителю пожалуюсь.

– А остальные как же...

– Плевать мне на остальных. Мое дело – подготовить ложе к появлению верховного советника. Ну, беги за подушками, живо, пока плетей не заработал.

На помосте, рядом с маршальским столом, установили огромное мягкое ложе, длиной в десять локтей и шириной в пять, накрытое леопардовыми шкурами и заваленное подушками. Неподалеку от ложа расставили тазы, кувшины, полотенца, два чана воды, подносы с пучками трав, флаконы с маслами и коробочки с притираниями. Невольник, ворча, принес еще подушек. Мериса окинула вещи озабоченным взглядом:

– Эх, Теревинфию бы сюда! Я во всем этом плохо разбираюсь. Ладно, наверняка главный распорядитель подскажет, если что. Он за Сенчо часто ухаживал.

– А зачем это? – удивилась Майя.

– Обжираться помогает. Ой, да от тебя толку никакого, ты же не знаешь ничего! Не бойся, я тебя научу, что надо делать. Для начала уложи подушки поплотнее, друг на друга. Нет, не так, а полукругом, чтобы пузо ему поддерживать. А эти пока убери, мы их потом подложим, если захочет.

Мериса ловко пристроила подушки на ложе, еще два раза отправила Майю за какими-то мелочами и наконец удовлетворенно вздохнула:

– Ну, вроде бы все. А мы с тобой вот здесь на табуретах посидим. Гости совсем скоро появятся.

Все невольницы уже заняли свои места: кто на табуретах, кто за спинками скамей. Слуги и рабы выстроились вдоль стен и у сервировочных столиков. В зале воцарилась напряженная тишина.

Через минуту у колонн центрального входа появился воин в черно-золотом одеянии, поднес к губам блестящую длинную трубу, выдул четыре протяжные ноты, затем прошествовал к помосту и замер неподалеку от Майи с Мерисой. В залу начали входить гости.

В Тонильде Майя со знатными господами почти не встречалась. Однажды, когда ей было лет девять, она купалась в озере, а какой-то барон со своей барки крикнул «Посторонись!» – и стремительно пронесся мимо; Майя, подпрыгнув на волне, успела заметить только его отрешенное, надменное лицо. А много позже, на ярмарке в Мирзате, видела, как два знатных юноши, в щегольских сапогах и охотничьих шапках с перышками, избили рыбака и со смехом уволокли куда-то его визжащую хорошенькую жену.

Сейчас залу заполнили важные господа, разодетые в великолепные наряды – яркие ажурные рубахи и шелковые шальвары. Гости с невозмутимой важностью переговаривались, держа в руках серебряные кубки и обтянутые тисненой кожей шкатулки с ножами. Майя пришла в такое волнение, что Мериса раздраженно прошептала:

– Сиди смиренно, не дергайся!

Среди гостей Майя заметила нескольких шерн и очень удивилась: она ожидала увидеть непревзойденных, сказочных красавиц, но милovidные девушки выглядели вполне обычно, хотя и были наряжены в роскошные одеяния. Внезапно Майя, остро ощутив свое невежество, вспомнила слова Оккулы о достоинстве и приличиях. Шерны уверенно расхаживали среди знатных господ, обращались с ними на равных и вели себя непринужденно.

Тут Майя сообразила, что девушки, подобные Мерисе, – всего-навсего смазливые легкодоступные красотки, которые привлекают Сенчо своей распушенностью. Несмотря на богатство и власть верховного советника, мало кто из знаменитых шерн согласится его сопровождать – так отважный охотник с презрением отвергнет предложение отправиться ловить крыс. Шерны славились изяществом, прекрасными манерами и остроумием, сами выбирали, кого обласкать и почтить вниманием, а кого унижить и ослабить. Поклонников привлекали не столько постельные утехи, сколько сама возможность провести время в обществе шерны. Оккула недаром говорила, что в этом деле надо быть лучше всех. Майя вздохнула и уныло подумала: «Вот лучше кого надо быть! А как? Наверное, они чувствуют то же, что и я, когда в озере плаваю. Откуда же они такие берутся? И как становятся...»

Из забытья ее вывело неожиданное появление шагах в сорока от нее, у колонны, того самого молодого человека, что заговорил с Майей и Оккулой на Халькурниле, в день их приезда в Беклу. Юноша, в ярко-желтом одеянии с вышитым на груди алым леопардом, оживленно беседовал с русоволосой скромницей. Девушка с улыбкой слушала его, потом что-то сказала в ответ. Молодой человек расхохотался, коснулся ее руки и, взглянув на помост, увидел Майю. Он тут же пробормотал что-то своей собеседнице, подошел к помосту и улыбнулся. Майя, не зная, что делать, поднялась с табурета. Юноша почтительно приложил ладонь ко лбу, и Майя зарделась.

– Ах, златокудрая богиня! – воскликнул молодой человек. – Мы с вами на Халькурниле встретились в тот самый день, когда в Беклу новую статую Аэрти привезли, помните?

– Да, мой повелитель, – ответила Майя, неловко улыбнувшись и с опаской глядя на юношу.

– Вот только я забыл представиться...

Неожиданно Майя осмелела: раз уж он держит себя приветливо и шутит, она ответит ему в тон.

– Да, мой повелитель, вы забыли. Вот только слава ваша далеко разнеслась. Я знаю, кто вы, – работа у меня такая.

Молодой человек рассмеялся:

– Разумеется. И как работа? Тебя продали, я погляжу. А кому?

– Верховному советнику У-Сенчо, мой повелитель.

– Что ж, выбора у тебя не было, – расстроено вздохнул юноша. – А где твоя чернокожая подруга?

– Нас вместе продали, только ее на пиршество не взяли.

– Ну, мы с тобой еще увидимся, а сейчас мне пора, а то моя знакомая решит, будто я что-то дурное задумал... – Он небрежно махнул Майе и удалился.

– Ну и дела! – воскликнула Мериса. – Это же Эльвер-ка-Виррион.

– Ага, – кивнула Майя.

– Вы знакомы?

– Да.

Дальше расспрашивать Мериса не стала, потому что все гости уже расселись по местам и ждали появления маршала со свитой. Кембри – крепко сложенный, широкоплечий великан – первым вошел на помост. Потом, согласно обычаю, маршал помог подняться каждому из своих гостей, рассадил их на отведенные места и возложил каждому на голову венки, заботливо выбирая подходящий. В это время солдаты принесли на помост носилки Сенчо.

Верховный советник, предвкушая оргию наслаждений, не озаботился нарядом, хотя ради приличия прикрыл жирные тела отрезом белой, расшитой золотом ткани, который уже пропитался потом. В складках пухлых рук поблескивали широкие серебряные браслеты, усыпанные драгоценными камнями; шею обвивала золотая цепь, на которой болтался перстень с громадным рубином, – он не налезал ни на один из толстых пальцев верховного советника. Майя изумилась, как эту тушу втащили по лестницам. Носилки установили вровень с ложем, куда верховного советника с невероятным усилием перенесли четыре раба. Мериса обтерла Сенчо лицо и плечи мягким полотенцем, смоченным теплой водой, и жестом велела Майе подложить еще подушек под хозяйский живот и ноги. Наконец Сенчо удовлетворенно вздохнул и дал девушкам понять, что в их услугах пока не нуждается.

Продельвая все это, Сенчо не выказывал ни малейшей неловкости. Он прекрасно знал, что большинство гостей ему завидуют и боятся его гнева. Богатство и могущество верховного советника внушало им восхищение и страх, поэтому они с восторгом глядели на толстяка, который был не в состоянии самостоятельно пройти десяток шагов. Не смущало Сенчо и то, что ему, единственному из присутствующих, прислуживали две невольницы, – превосходные рабыни обошлись ему в целое состояние и удовлетворяли его малейшее желание лучше любой шерны.

Как только Кембри закончил ритуальное приветствие, все собравшиеся на помосте повернулись к гостям в зале и, воздев руки, поблагодарили за оказанные им почести. Маршал обратился к присутствующим, пожелал им счастливого мелекрила и передал поздравления благой владычицы, выразив глубокое сожаление, что недомогание не позволяет ей присутствовать на пиршестве. После этого он торжественно испросил у Дераккона, верховного барона Беклы, позволения начать торжества.

Час спустя Майя пребывала в совершеннейшем изумлении. Ей казалось, что она спит и видит сон. Подобного изобилия она и вообразить себе не могла, но пиршество только начиналось. Разумеется, Майя не догадывалась, что знатные господа привыкли к чревоугодию. Перемены блюд следовали одна за другой, так чтобы доставить обжорам наибольшее удовольствие. Сначала подали закуски – крошечные пряные печенья, рыбные блинчики, куриную печенку с перцем и грибами, а также разнообразные супы – артишоковый с зайчатинной, густую уху, холодный огуречный с мятой, яичный с лимонным соком. Потом гостей обнесли брамбой – рыбой, выращенной в садках на озере Крюк, – запеченной целиком в масле; за этим последовала паровая форель и раки в остром зеленом соусе сериабр. Утолив первый голод, гости решили передохнуть. Рабы распахнули окна – в залу ворвался прохладный свежий воздух и монотонный шум дождя – и предложили присутствующим влажные полотенца и чаши с лимонной водой.

Распорядитель объяснил Майе, что ей позволено есть вместе со всеми, и она быстро насытилась. Мериса предупредила ее не пить много вина, но с непривычки Майя захмелела всего от нескольких глотков. Мысли ее унеслись к родному дому, где она совсем недавно выпрашивала у Келси кусочек черствого хлеба. «Морка, наверное, уже родила. Может быть, мальчика... – рассеянно думала она. – А как там Таррин?» Впрочем, она не тосковала по убогой хижине в тонильданской глуши – там не было места сытой девушке в богатом наряде. Майя, скромно потупив взор, сидела на табурете и исподволь наблюдала за полуобнаженной шерной с пышными формами, которая, запрокинув голову, растянулась на ложе, а здоровяк в пурпурном одеянии скармливал ей лакомые кусочки и заботливо подносил кубок к пухлым

губам девушки. Глядя на них, Майя больше не чувствовала себя наивной простушкой.

Наконец окна затворили, и глашатай пригласил гостей рассаживаться по местам. В залу попарно вошли тридцать рабов, неся огромные серебряные блюда с олениной. За ними проследовала вторая процессия – с жареной говядиной; затем третья – с подрумяненными поросятами, а четвертая – с запеченными фазанами и индейками. Рабы ловко разделявали мясо на сервировочных столиках, а гостям тем временем подали овощи и всевозможные приправы. Гости начали вставать из-за столов и устраиваться на ложах вместе со своими прелестными спутницами.

До этого времени верховному советнику не требовалась помощь наложниц – рабы обносили его яствами и питьем, как и прочих гостей маршала. Неожиданно Сенчо нетерпеливо фыркнул и жестом подозвал к себе Мерису. Она осторожно обтерла ему лицо и заплывшее тело, старательно приподнимая каждую складку жира, размяла в ладонях горсть сухих трав с острым, резким запахом и поднесла к хозяйскому носу, а потом, подтолкнув к Майе вытянутый серебряный сосуд с узким горлышком и вместительной емкостью на конце, указала в изножье ложа. Покатые бока сосуда украшали изображения пухлых мальчуганов, писающих друг на друга. Майя непонимающе посмотрела на нее. Мериса досадливо вздохнула и объяснила, что делать. Майя дрожащими руками приподняла краешек шитой золотом ткани и, неуверенно ощупав дряблую, потную плоть, поднесла холодный краешек сосуда куда требовалось. Верховный советник с наслаждением облегчился. Один из рабов тут же протянул Майе чистое полотенце, принял у нее из рук сосуд, накрыл его салфеткой и вынес из залы.

Мериса, нетерпеливо прищелкнув пальцами, взяла чашу, наполненную ароматическим маслом, и кивнула, давая Майе понять, что ей следует встать с другой стороны ложа. Белишбанская невольница откинула раззолоченную ткань с громадного тела и выставила масло перед Майей, веля ей растереть хозяйское пузо.

Чуть погодя Сенчо недовольно запыхтел, заворочался и раздраженно помотал головой. Мериса сунула чашу в руки Майи и сама начала умело разминать и поглаживать брюхо верховного советника.

– Зачем это ему? – шепотом спросила Майя.

– В растянутое пузо больше влезет, – ответила Мериса. – Так, вот здесь подотри! Осторожнее, не дави! И подложи подушек, я сейчас помогу ему перевернуться.

Однако Сенчо решил занять полусидячее положение и подозвал раба, который подкатил к ложу сервировочный столик. Майя подумала, что невольник нарежет мясо и удалится, но верховный советник не велел ему отходить. Мериса стояла рядом, держа поднос, полный овощей и всевозможных соусов.

В следующие полчаса к ложу Сенчо подходили гости, стремившиеся подольститься к влиятельному верховному советнику и перемолвиться с ним несколькими словами. Впрочем, чтобы не отрывать толстяка от излюбленного занятия – обжорства, – многие, засвидетельствовав ему свое почтение, предпочитали обращаться к наложницам, расхваливая их на все лады. Мужчины один за другим восхищались красотой Майи; шерны, привлеченные юной прелестью девушки, восторгались ее остроумием. Майя невольно оценила величие своего хозяина и даже преисполнилась гордости из-за того, что принадлежит человеку, от которого добиваются благосклонного взгляда знатные господа. Вдобавок Сенчо только что с легкостью сожрал столько еды, сколько вся Майина родня не съела бы и за неделю, и запил все это галлоном вина.

– А его не стошнит? – спросила она у Мерисы.

Белишбанская невольница подняла с пола глиняную миску. Сенчо проглотил последний кусочек мяса и со вздохом откинулся на подушки, удовлетворенно сложив толстые руки на громадном животе.

– Верховный советник предпочитает не извергать съеденное, но, если понадобится, он тебе скажет, – невозмутимо ответила Мериса, будто Майя спросила у нее, любит ли он спать после обеда, и принялась собирать крошки с ложа и складывать их в миску, которую затем передала одному из рабов.

Ужин снова ненадолго прервали. Окна в зале распахнули, но в этот раз гости не стали разбредаться по особняку, а осоловело растянулись на ложах и развалились на скамьях у столов. Рабы обнесли всех серебряными сосудами, как тот, которым воспользовался Сенчо; потом в курильницах зажгли благовония и окропили залу душистой розовой водой, а ложа с уснувшими гостями вытащили в коридор.

Примерно полчаса спустя подали следующую перемену блюд – сласти и всевозможные редкие лакомства. Жадное поглощение яств сменилось неторопливым смакованием. Мало кто остался сидеть за столом, все переходили от одной группы гостей к другой или собирались вокруг шерн. На мраморный бортик бассейна выставили блюда с пирожными, чаши взбитых сливок и заварного крема, блинчики, печенье, фигурное бланманже, сладкие сырки, карамельный соус и прочие сласти, за которыми хозяева отправляли своих наложниц. Дераккон и Кембри спустились с помоста и прохаживались по зале, приветливо заговаривая с гостями, принимая поздравления и выслушивая похвалу.

Сенчо велел Мерисе принести ему персиков в сладком вине, попробовал, раздраженно отпихнул тарелку и отправил девушку еще за какими-то яствами, но ни одно из них не возбудило в нем прежнего аппетита. Верховный советник прополоскал рот, потребовал сменить подушки и убрать прикрывающую его накидку, дабы подремать без помех, – больше всего удовольствия ему доставляло осоловелое оцепенение после обжорства. Вдобавок ему нравилось лежать нагишом перед знатными господами, которым приходилось скрывать свое отвращение – или, наоборот, восхищаться непревзойденной наглостью того, кто еще недавно просил подаяния на улицах Беклы и своим телом ублажал низкого торговца и его мерзких приятелей. Сенчо сунул руку под юбку Мерисы, однако, поразмыслив, решил дожждаться керы, а потому закрыл глаза и задремал.

Майя с облегчением вздохнула, гордясь тем, что без ошибок выполнила все, что от нее требовалось. Мерису охватило странное возбуждение; недавняя отрешенная сосредоточенность исчезла без следа, девушка оживленно оглядывалась и улыбалась гостям. К помосту подошел высокий юноша, в камзоле с вышитой на груди крепостью – символом Палтеша, – и предложил Мерисе свой кубок. Белишбанская невольница выхватила у него кубок, осушила в несколько глотков, кинулась юноше на шею и крепко поцеловала в губы. Майя, осмелев, подозвала виночерпия и попросила наполнить свою чашу. Прохладное, необычайно вкусное вино освежало. Она рассеянно подумала, что Таррин вряд ли пробовал такое, потом встала и подошла к краю помоста, глядя на освещенную залу, посреди которой мерцала и переливалась вода в бассейне.

Запах жасмина и лилий кружил голову. Майя взяла со стола венок гардений, оставленный кем-то из гостей, и надела его. Аромат цветов смешивался с запахами вина, лампового масла, пота и воска, которым натирали дерево, но все это перекрывал свежий, прохладный запах дождя – того самого дождя, что сейчас лил, не переставая, над озером

Серрелинда.

– Только я не там, а здесь! – воскликнула Майя, обращаясь к юноше, который проходил мимо помоста под руку со стройной красавицей-шерной.

Девушка надменно взглянула на Майю, а молодой человек, польщенный вниманием очаровательной наложницы, учтиво заметил:

– Ничего страшного, такая красотка всегда вернется куда пожелает.

Майя поглядела на сверкающую поверхность бассейна и вспомнила летнее утро на озере, стаи белых ибисов на мелководье... Из забытья ее вывел протяжный звук трубы – глашатай вновь звал гостей к столам. Майя вздрогнула и опасно посмотрела на Сенчо, но верховный советник даже не шевельнулся. Она торопливо уселась на табурет, не зная, чего еще ожидать. В залу вошли музыканты – три киннариста, барабанщик, флейтист и дерланзель с деревянным ксилофоном – и расположились у бассейна. Рабы длинными шестами опустили лампы, свисавшие с потолка в углах, и погасили их. Теперь яркий свет заливал только центр пиршественной залы. Музыканты настроили инструменты и заиграли грустную мелодию, прерываемую отрывистыми ударами барабанов и мерным звонким пощелкиванием дерланзеля. В залу вбежали двадцать молоденьких девушек в полупрозрачных одеяниях – серых, коричневых, зеленых и белых, – заняли свои места вокруг бассейна и по знаку главной танцовщицы пустились в пляс.

Майя всегда любила танцы и в Тонильде никогда не упускала случая попрыгать и покружиться в хороводе, но никогда прежде не видела выступлений Флелы – знаменитых на всю империю танцовщиц, исполнявших священные танцы богини Аэрти. Девушек обучали с раннего детства; сами они не были ни рабынями, ни свободными женщинами, а считались собственностью империи, будто имперские драгоценности или имперские гвардейцы. Им вменялось в обязанность выступать на религиозных церемониях, светских торжествах и празднествах. Они жили вместе, как солдаты в казарме, подчинялись предписаниям своего ордена и пользовались уважением горожан; их почитали, но не завидовали строгостям и тяготам такой жизни. По достижении определенного возраста девушкам разрешалось покинуть Флелу и даже, с позволения благой владычицы, выйти замуж, впрочем многие, всей душой любя танец, посвящали остаток своих дней обучению других, помогали придумывать наряды или находили себе иное занятие во Флеле. Все расходы Флелы оплачивала имперская казна; танцовщицы считались неприкосновенными – Сенчо однажды попробовал выкупить одну из них, но, столкнувшись с гневными протестами и яростным сопротивлением, не стал настаивать на своем.

Через несколько минут Майя с растущим восхищением сообразила, что танец изображал величественное течение реки и сменяющиеся времена года. Этот танец, под названием «Тельтеарна», ежегодно исполняли на празднестве дождей, поэтому искушенным зрителям были хорошо знакомы все движения и последовательность танцевальных фигур. Майя, никогда прежде не видевшая подобного представления, с огромным удовольствием следила за необыкновенным зрелищем, по-детски непосредственно восторгалась и ахала, с живостью реагируя на происходящее, – ведь ей был хорошо знаком бескрайний водный простор. Она едва не разрыдалась, сообразив, что танцовщицы вначале изобразили серые волны, ласково набегающие на берег под легким ветерком, потом – песчаные отмели, обнажавшиеся в середине знойного лета, а затем – бурю и мутные потоки половодья, заливавшего окрестные земли в сезон дождей. К счастью, верховный советник безмятежно спал во время представления; прекрасный танец настолько захватил Майю, что она

наверняка не справилась бы со своими обязанностями. Воспоминания о танце в маршальском особняке остались с Майей на всю жизнь.

Танец завершился, воображаемые воды медленно отступили во мглу, смешиваясь со звездным светом. Под приглушенные звуки киннар девушки замерли, прильнув к полу. Восхищения Флелой по традиции изъяслять не полагалось – это считалось богохульством. В пиршественной зале на минуту воцарилось почтительное молчание, после чего гости снова начали переговариваться.

Затем Дераккон и представители благородных семейств покинули пиршество, а остальные гости разбрелись по особняку – кто отправился играть в азартные игры, кто искал утех в обществе невольниц или шерн.

Рабы погасили светильники, и пиршественная зала погрузилась в полумрак. Ярко освещенным оставалось только центральное окно, врезанное в толстую внешнюю стену в пяти локтях над полом; широкий подоконник и закрытые ставни придавали ему вид своеобразной сцены.

Танцовщицы Флелы и прислуга удалились из пиршественной залы (юноша с солонками, проходя мимо помоста, лукаво подмигнул Майе). Между колоннами у входа задернули тонкие золотистые занавеси. Музыканты негромко наигрывали веселые мелодии. В зале по-прежнему звучали разговоры и смех, но в воздухе повисло напряженное ожидание. Внезапно под освещенным окном появился высокий юноша из Палтеша – тот самый, что предложил Мерисе свой кубок, – помахал подушкой и швырнул ее на подоконник, воскликнув:

– Отависа!

– Отависа! Отависа! – послышались отовсюду громкие выкрики.

– Мельтирея! – завопил другой юноша, швырнув на подоконник свою подушку.

Ему вторил нестройный хор голосов.

Молодые люди друг за другом подходили к окну, выкрикивали женские имена: Отависа, Мельтирея, Никтентия, Пансикая... Гора подушек на подоконнике росла. Одна из невольниц Кембри, стройная лапанка с длинными темными волосами, отмечала их число мелом на столе.

Мериса, часто дыша, что-то одобрительно пробормотала, а потом ахнула:

– Восемнадцать!

– Отависа! – крикнул Эльвер-ка-Виррион, забросил подушку на подоконник и наполнил вином свой кубок.

– Ага, теперь ей победа обеспечена! – заявила Мериса, глядя на Майю. – Жаль, нам с тобой не судьба. Теревинфия этого никогда не допустит.

– А что происходит? – недоуменно спросила Майя.

– Как что? Выбирают королеву керы! – пояснила Мериса. – Понимаешь, число подушек ограничено – на празднестве дождей их всегда пятьдесят, – а потом тянут жребий, кто их швырять будет. Какая девушка больше всех подушек наберет, та и будет королевой керы.

– Шерна?

– Ой, Майя, ты такая глупышка! Керя – занятие не для шерны. Королева керы – из рабынь, ей в награду достанется тысяча мельдов. А может, и вольную дадут, представляешь? Если бы я у Хан-Глата осталась, может, и мне бы повезло. Хан-Глат своих невольниц приятелям уступает, у его наложниц всегда есть возможность связями обзавестись и прославиться. Ох, я из-за тебя счет потеряла. Равана, сколько уже там? – обратилась она к одной из рабынь.

– Двадцать одна за Отавису, – ответила девушка. – Надеюсь, ей повезет. Знаешь, она мне в прошлом году сорок мельдов ссудила, а потом долг простила.

Через несколько минут со всех сторон послышались восторженные восклицания – стало ясно, что Отависа набрала необходимое число подушек. Две невольницы взобрались на широкий подоконник и разложили подушки ровным слоем. Гомон стих. В луче света возникла красавица в серебристо-сером одеянии, расшитом снопами, которую Майя заметила на лестнице. Девушка счастливо улыбалась, в глазах блестели слезы. Под крики толпы и звон кубков Отависа распростерла руки в приветствии, потом легко оперлась ладонями о подоконник, кувыркнулась, будто лист на ветру, и уселась в оконном проеме лицом к гостям. Музыка зазвучала громче, ритм ее ускорился. Отависа медленно распустила завязки у горла и, непринужденно поведя плечами, высвободилась из одеяния, которое серым облаком легло ей на бедра. Затем она вытянула стройную ногу, и широкоплечий юноша в облегающих кожаных штанах бережно снял с нее сандалию.

– Ох, это же Спельта-Нард! – восхищенно прошептала Мериса. – А я-то все гадала, кого она выберет ради такого случая.

– А кто это? – спросила Майя.

– Вообще-то, он раб, но очень знаменитый, – объяснила белишбанка. – Лучший егерь Эльвер-ка-Вирриона. Говорят, жены Леопардов от него без ума.

Обнаженная Отависа медленно встала, оттолкнув смятое одеяние ногой. Тонкая ткань, чуть слышно зашуршав, слетела на пол. По зале прокатилась волна изумленных вздохов. Девушка с улыбкой протянула руку, помогла юноше взобраться в оконный проем, опустилась на колени в позе, традиционной для начала керы, и ловко раздела своего спутника.

Когда Оккула объяснила, что такое кера, Майя поначалу преисполнилась отвращения, представив, что их с Таррином заставляют на глазах у всех заниматься сугубо личным делом. Теперь же, глядя на представление, она осознала свою ошибку: Отависа и ее спутник предавались своему занятию весело и радостно, с необыкновенной легкостью и без малейшего смущения, так что сама Майя невольно заулыбалась. Своим непринужденным поведением любовники словно бы игриво приглашали зрителей присоединиться к их наслаждению. Зрелище не было омерзительным или отталкивающим, а, наоборот, манило шутливой изобретательностью, дразнящим лукавством и вызывающей, нескромной игривостью; в нем не было намеков на притворную или подлинную страсть. Поведение любовников словно бы утверждало: «Это не похоть, не вожделение, а удовольствие, развлечение, птичий щебет в саду наслаждений». Майя ахнула, поддавшись чувственному порыву, и оцепенела от восторга, когда Отависа, сидя на коленях своего спутника, лицом к зрителям, с напускным удивлением оглядела себя и, широко раскинув руки, одарила гостей сияющей улыбкой, будто говоря: «Я рада, что меня за этим застали».

Чуть погодя стало ясно, что возбужденным зрителям примеры больше не нужны. В полумраке пиршественной залы мужчины не жились в объятиях своих спутниц и ласкали невольниц, не обращая внимания на соседей, которые занимались тем же. Отовсюду слышались вздохи, стоны и экстатические восклицания, иногда – шутливый протест. Отависа и егерь незаметно соскользнули с подоконника и, подобрав одежду, тихонько удалились.

– Да ну их всех! – неожиданно вскричала Мериса, вскакивая с места так резко, что Майя испуганно вздрогнула. – Я что, не женщина, что ли?!

Она стремительно распустила завязки у шеи, расстегнула пояс и торопливо скинула одеяние с плеч. Мериса, хмельная и распаленная недавним представлением, была похожа на

увядающий, но все еще прекрасный цветок. Золотые браслеты поблескивали на гибком обнаженном теле, подчеркивая его жадную напряженность. «Так вот что сводило с ума путников на тракте из Хёрла в Дарай, – восхищенно подумала Майя. – Вот почему тризат пожалел Мерису...»

– Майя, присмотри за вещами, – надменно велела белишбанская рабыня. – Я скоро вернусь.

Она подняла с пола свой наряд, с маниакальной аккуратностью сложила его, швырнула на пузо верховного советника, соскочила с помоста и затерялась в полумраке пиршественной залы, которая напомнила Майе озеро Серрелинда бурной ночью – смутное колышущееся пространство, наполненное плеском волн и криками невидимых птиц.

«В танце такого не было...» – мысленно вздохнула она, осторожно сняла брошенный Мерисой наряд с огромного брюха Сенчо и вздрогнула: чья-то рука легла ей на плечо.

Майя обернулась и с облегчением перевела дух – к ней подошел Эльвер-ка-Виррион. Юноша был без спутников и, как ни странно, вполне трезв. Майя почтительно приложила ладонь ко лбу:

– Мой повелитель, я...

Эльвер-ка-Виррион, не говоря ни слова, решительно притянул ее к себе и поцеловал.

– Я не повелитель, – сказал он. – Я обычный мужчина, сраженный твоей красотой. Прекраснее тебя нет никого на свете. Я увидел тебя на Халькурниле, и в тот же миг ты покорила мое сердце. Молю тебя, отдайся мне, сделай меня самым счастливым мужчиной в Бекле!

Майя растерянно отшатнулась, напуганная пылкостью юноши. Эльвер-ка-Виррион со страстным восторгом глядел на нее, но в ушах Майи звучало грозное предупреждение Оккулы.

– Простите, мой повелитель, это не в моей власти. Я – прислужница верховного советника.

– Этот боров еще долго не проснется, – заявил Эльвер-ка-Виррион, окинув спящего Сенчо презрительным взглядом. – Майя, почему я не могу тебя забыть? Ты... ты такая настоящая, непорочная, как прекрасный цветок, которого никто и никогда не видел, а я отыскал... Ты невинна и чистосердечна, а здесь все внушает омерзение... – Он со вздохом обвел рукой пиршественную залу. – Майя, пойдем со мной, умоляю! Мое сердце принадлежит тебе, тебе одной!

Майя молчала.

– Ах, неужели ты мне не веришь? – горестно воскликнул юноша. – Ответь мне, Майя!

– Я – невольница, мой повелитель, – прошептала она, и глаза ее наполнились слезами. – Мой хозяин...

– Ну, с ним я все улажу, – без особого убеждения пообещал Эльвер-ка-Виррион, но в его голосе слышалось отчаяние.

Оккула уже объяснила Майе, что верховный советник, как любой вульгарный выскочка, обладал невероятной гордыней и задеть его, пусть даже и неумышленно, было легче легкого. Если Сенчо затаит обиду, то Эльвер-ка-Виррион, воплощение отваги и изящества, никак не сможет загладить свою вину, точно так же как малый ребенок не сможет удержать разъяренного быка за рога. Майя представила, как подруга укоризненно качает головой, и торопливо произнесла:

– Прошу прощения, мой повелитель, но без позволения хозяина я не могу. В другой

раз...

– Нет, сейчас! – воскликнул Эльвер-ка-Виррион, раздосадованно стукнул кулаком по ладони и сам рассмеялся своему нетерпению.

– Ах, мой повелитель, не вините меня, – умоляюще пролепетала Майя, утратив остатки самообладания. – Прошу вас, если вы и впрямь питаете ко мне все эти чувства, то оставьте меня в покое.

Эльвер-ка-Виррион изумленно уставился на нее. У Майи дрожали губы, по щекам катились слезы.

– Будь по-твоему, – наконец ответил он, резко отвернулся и сошел с помоста в сумрак залы.

Майя обессиленно опустилась на табурет, расстроенная и напуганная встречей со знатным красавцем. Она выросла в простом и понятном мире, где самыми большими несчастьями были голод и зубная боль – и то и другое неприятно, но объяснимо. Здесь, в столице, все было непонятно и смутно. Майя поступила именно так, как велела ей Оккула, но правильно ли это? А вдруг Майя оскорбила Эльвер-ка-Вирриона своим отказом и юноша теперь ей отомстит?

– О Леспа среди звезд! – шепотом взмолилась Майя, но в небе, затянутом тучами, звезд не было видно.

У Майи закружилась голова, захотелось поскорее вернуться домой.

Девушка и думать забыла о своем хозяине, лежавшем на ложе, как огромный дохлый аллигатор, выброшенный на илистый берег. Неожиданно он пошевелился, облизал толстые губы, разлепил набрякшие веки и, пытаясь повернуться на бок, протянул руку к полотенцу в изголовье. Майя вскочила, торопливо схватила свежее полотенце, осторожно, как учила Мериса, обтерла Сенчо лицо и тело, затем приподняла хозяину голову, предложила ему вина и поднесла к носу размятые в ладонях пряные травы.

Сенчо прополоскал рот вином и сплюнул в протянутый кубок. Майя торопливо отставила кубок в сторону и склонилась над хозяином. Он жадными губами приник к ее соску и потянул руку Майи к своему паху. Ясно было, что Сенчо еще не совсем пришел в себя: через несколько мгновений губы его обмякли, а голова бессильно опустилась на подушки. Майя прекрасно поняла, чего он хочет, – сказались уроки Таррина, – но застыла в растерянности. Тут верховный советник громко рыгнул, не открывая глаз, и простонал:

– Мериса!

Майя оцепенела от страха.

– Мериса! – нетерпеливо прорычал Сенчо.

Майя испуганно метнулась с помоста в пиршественную залу, выкликая имя белишбанской невольницы, запуталась в гирлянде желтых лилий и чуть не упала – стебли скользили под подошвами кожаных туфель, – потом, у самого бассейна, зацепилась о чью-то задницу и растянулась во весь рост, но тут же вскочила и побежала дальше. Вслед ей неслись крики и ругательства.

Внезапно в полумраке Майя увидела Мерису на полу среди подушек, наполовину скрытую мужским торсом. Ноги девушки, сплетенные вокруг пояса мужчины, ритмично сжимались; Мериса тяжело дышала, будто взбираясь на крутой холм; глаза ее были полузакрыты, голова запрокинута.

– Мериса! – воскликнула Майя, склоняясь над ней.

– Чего тебе? – пролепетала белишбанка. – Оставь нас в покое.

Майя потянулась к ней и встряхнула за плечо:

– Он проснулся, тебя зовет. Тебя, понимаешь? Пойдем скорее!

– Убирайся! – прошипела Мериса, скаля зубы, как рассерженная кошка. – Плевать я на него хотела! Подумаешь, верховный советник! – Она изо всех сил прикусила любовника за ухо, и тот вскрикнул от боли. – О! Не останавливайся! Убью, если остановишься.

Майя еще немного подождала, прислушиваясь к гулкому шуму, доносящемуся со всех сторон, будто от водопадов у озера Серрелинда, потом повернулась и со всех ног бросилась к помосту.

В последние несколько дней Сенчо несколько раз вспоминал о юной тонильданской девушке, чье имя забыл, а то и просто не знал. Купил он ее, следуя минутной прихоти, и теперь раскаивался в напрасной трате денег. Дрожащая от страха обнаженная красавица напомнила Сенчо о его собственной юности и возродила в нем жадное, жестокое влечение, которое в те дни он изредка удовлетворял. В частности, она вызвала в памяти верховного советника происшествие двадцатилетней давности, в Кебине, куда Фравак отправил Сенчо по делам. Имени той девушки верховный советник тоже не знал – служанка на постоялом дворе, наивная простушка, недавно оставившая родительский дом. Вечером Сенчо щедро расплатился с хозяином, незаметно вынес свои вещи из комнаты и спрятал во дворе, а через двадцать минут завалил служанку на сено в амбаре и надругался над бедняжкой. После этого он снял комнату на другом постоялом дворе, справедливо полагая, что на жалобы девушки никто не обратит внимания, а искать насильника не станут. Он до сих пор с наслаждением вспоминал истошные рыдания и стоны девушки.

Насилие над юной тонильданской красавицей доставило бы верховному советнику огромное удовольствие, но, к его глубокому сожалению, на подобные подвиги он был больше не способен. Сенчо решил, что имеет смысл вернуть рабыню Лаллоку и потребовать назад уплаченные деньги, потому что обучение наивной девчонки займет слишком много времени; вдобавок он не желал терпеть неумелых ласк неопытной невольницы, пусть даже и прехорошенькой.

Впрочем, он спросил совета у Теревинфии, лежа под опахалами в предгрозовой духоте веранды, увитой плющом. Верная служанка, поразмыслив, объявила, что девчонку стоит придержать по целому ряду причин. Во-первых, следовало поддерживать порядок в женских покоях: Юнсемису и Тиусто продали, а Дифна не обладала должным сладострастием и вдобавок уже почти собрала сумму, необходимую для своего выкупа. Верховный советник не сожалел, что с Дифной придется расстаться, – она хорошо себя зарекомендовала и всегда исполняла то, что от нее требовали. К развращенной и распутной Мерисе Теревинфия относилась с подозрением: белишбанская рабыня была упрямой, своевольной и склонной к вспышкам безудержной ярости. А вот юная тонильданская красавица могла оказаться удачным приобретением: ее фигура и внешность были выше всяких похвал, а в характере и поведении Майи зоркий глаз Теревинфии заметил многообещающие черты – девушка делила ложе со своей чернокожей подругой, во всем ей доверяла и быстро постигала необходимую науку, более того, стремилась во всем угодить и отличалась послушанием и кротостью. Ее чрезвычайная молодость и невинность служили залогом того, что излюбленные верховным советником способы удовлетворения страсти девчонка усвоит без отвращения, в отличие от Мерисы и других невольниц, привыкших к обычному безыскусному бастанью. Сенчо, разморенный жарой и вкусным обедом, выслушал доводы

Теревинфии и согласился подождать.

В выборе невольниц, которые будут сопровождать его на празднество, верховный советник руководствовался двумя соображениями: новизной и экстравагантностью. Необычайная красота новой рабыни и ее покорность перевесили необученность девушки. Впрочем, дабы компенсировать этот недостаток, Сенчо решил взять на пиршество разнузданную Мерису, а не щепетильную и слишком взыскательную Дифну. Мериса, как и сам Сенчо, родилась в трущобах, и ее ничего не смущало; она вполне сможет управиться с тонильданской девчонкой и обучить ее всем необходимым премудростям. Разумеется, наивная рабыня будет робеть и стесняться, но это только увеличивало ее прелесть – верховный советник обожал наблюдать за страданиями окружающих.

Как оказалось, Сенчо принял мудрое и взвешенное решение: его невольницы привлекли внимание гостей, и многие, включая маршала Кембри, отзывались о девушках с неприкрытым восхищением. Рабыни ловко и предупредительно ухаживали за Сенчо, так что он сполна насладился роскошным угощением и почти сразу же погрузился в удовлетворенное дремотное оцепенение, хотя обычно бодрствовал во время керы, чтобы потешить плоть.

Итак, Сенчо постепенно приходил в себя; в нем разыгралось невероятное возбуждение – такого острого приступа плотского желания он давно не испытывал. Смутно ощутив нежные прикосновения теплых женских рук к его телу, он нащупал пышную грудь невольницы и присосался к ней губами, а потом в порыве неудержимой страсти потянул руку девушки к своему паху. По какой-то непонятной причине рабыня оцепенела, что еще пуще распалило Сенчо. Он наконец-то очнулся, вспомнил, где он, и нетерпеливо кликнул Мерису, но та почему-то не отозвалась. А затем выяснилось, что его, верховного советника Беклы, вообще оставили в одиночестве.

Снедаемый неудовлетворенной похотью, Сенчо беспомощно заворочался на ложе и взвыл, как кобель, которого не подпускают к суке. Его мучения вскоре стали совершенно невыносимыми, потому что обычно его желания удовлетворялись моментально и ждаться он не привык. Тем временем вокруг него буйствовала оргия страстей. Сенчо с усилием приподнялся на ложе. На помост вскочила стройная темноволосая девушка и, спасаясь от невидимого преследователя, пробежала мимо верховного советника. Он протянул руку и схватил красавицу за ногу. Девушка вскрикнула, вырвалась и, хохоча, упала на соседнее ложе. Невыносимые мучения превратились в изошренную пытку – к девушке тут же присоединился ее преследователь. Верховный советник задохнулся от ярости и повалился на подушки, брызжа слюной и гневно всхрюкивая.

И вдруг напряжение исчезло, угасло, как пламя свечи, сменившись неопишуемым – шелковистым, влажным, податливым – блаженством. Спустя несколько мгновений наслаждение Сенчо перешло все мыслимые границы, подстегнутое чудесным спасением от невероятного унижения. Верховный советник – задыхаясь, не понимая и не желая понимать, что произошло, забыв обо всем – беззаветно отдался во власть этого наслаждения и наконец едва заметно содрогнулся, с минимальным усилием исторгнув из себя густую склизкую струю. Подобного ощущения он не испытывал уже много лет.

Истекая потом, ошеломленный Сенчо пришел в себя и медленно открыл глаза. Рядом с ложем коленопреклоненная тонильданская рабыня ополоснула рот вином из кубка Мерисы, подняла с пола веточку керанды и воткнула ее в золотые кудри над ухом, потом поглядела на хозяина и смущенно улыбнулась. Верховный советник, все еще осоловелый, но преисполнившийся гордости за свою необычайную проницательность, погладил невольницу

по плечу, довольно фыркнул и снова погрузился в сон.

Наказание Мерисы

– Превосходно! – Оккула налила ароматического масла на розовую ладошку и растерла плечи подруги. – Ну, банзи, такого от тебя я не ожидала!

– Я тоже, – вздохнула Майя.

– Ах, ты еще и шутница! Откуда в тебе столько талантов? Может, ты и петь умеешь?

– Оккула, научи меня танцевать, – попросила Майя. – Помнишь, ты про какой-то танец говорила? Как он называется?

– Сенгуэла. Научу-научу, не сомневайся. А пока лежи смирно, я тебе спину разомну. Молодец, банзи, я тобой горжусь.

Даже Теревинфия удовлетворенно улыбалась. На следующий день после пиршества Сенчо проспал до обеда, а проснувшись и утолив голод, рассказал Теревинфии о чудовищном проступке Мерисы и похвалил верную служанку за мудрый совет в отношении тонильданской рабыни. О Майе он отзывался в таких исключительно превосходных выражениях, что Теревинфия удивленно вытаращила глаза, а Сенчо, возбужденный собственным рассказом, велел немедленно привести девчонку, чтобы Теревинфия самолично убедилась в ее необычайном мастерстве. В присутствии Теревинфии Майя слегка оробела, однако врожденная смекалка подсказала ей, что сейчас хозяину придется по нраву абсолютно все – пожалуй, кроме битья посуды. Итак, Майя послушно ублажила Сенчо еще раз (для пущего удовольствия Теревинфию заставили держать зеркало), после чего верховный советник блаженно задремал, а Теревинфия увела Майю обратно в женские покои.

Дождь непрерывно лил уже два дня; похолодало. В покоях зажгли очаг, тихо потрескивали поленья, мерно журчала вода за окном.

– Да ну, мне просто повезло, – сказала Майя, переворачиваясь на спину. – Если честно, я очень испугалась, только надо было что-то делать.

– И то верно, иначе быть бы тебе там, где сейчас Мериса, – согласилась Теревинфия, придиричиво осматривая вчерашние наряды и украшения. – Она сама во всем виновата. Даром что науке обученная, а вот ведь не сдержалась. Ничего, вам всем урок будет.

– Банзи, а правда, что Эльвер-ка-Виррион тебя с собой звал, а ты отказалась? – спросила Оккула.

– Ох, вот еще и поэтому страшно, – призналась Майя. – А вдруг он злобу затаил?

– Нет, что ты! – воскликнула Оккула. – Он на тебя не в обиде. Понимаешь, с ним так еще ни одна девушка не обращалась. Теперь он к тебе уважением проникнется и страстью воспыхает, не сомневайся. Решит, что ты – лучше всех на свете. Как Леспа со своим козлом. Вот увидишь, он обязательно к нам в гости зайвится.

– А Мериса говорит, что нас никуда не выпускают и никому не показывают, – нерешительно промолвила Майя, ковыряя щепкой плитки пола.

– Ну, это целиком и полностью зависит от меня, – заявила Теревинфия, разглядывая на просвет юбку йельдашейского наряда Майи. – Если к девушке доверия нет, то одну я ее никуда не отпущу, чтобы верховного советника не опорочить. Мое доверие дорогого стоит. – Она потрепала Майю по плечу. – Ты, милочка, хорошо начала, только не заносись. Что там, Огма? Верховный советник людей из Тонильды отпустил? Пойду узнаю, когда Мерису лучше выпороть – до ужина или после.

– Ох, не любит она Мерису, – заметила Майя, когда Теревинфия ушла. – Видно, чем-то Мериса ей досадила.

– Да, Теревинфии лучше не перечить, – вздохнула Оккула. – Она на Мерису давно зуб точит, рано или поздно добилась бы своего. Понимаешь, банзи, в нашем деле врагов заводить нельзя, особенно из тех, кто над тобой властен.

Майя перебирала вещи на полке, искала свой гребень.

– Оккула, а куда делась твоя кошка Келинна? Та, что тебе коробейник подарил?

– Разбилась, – торопливо ответила Оккула. – Я ее случайно уронила. Невелика потеря, она ж глиняная была. Банзи, позолоти-ка мне лучше веки... и соски тоже. Нам же велели принарядиться, поведут смотреть, как Мерису будут пороть. А после этого понятно, чего борову захочется.

– У тебя не клубничины, а ежевичины, – захихикала Майя, снимая с полки коробочку золотой краски. – Ой, а дай монетку или ножичек, крышку поддеть. Присохла, не открывается.

Наказание, которое Теревинфия и Оккула называли поркой, наносили не плетьюми, не кнутом и не розгами. Невольницы верховного советника – ценный товар, на их телах не должно оставаться шрамов или других следов грубого насилия. Теревинфия предпочитала – с согласия верховного советника, большого знатока извращенных утех, – наносить побои кожаным ремнем шириной в ладонь и толщиной в палец. Вдобавок для пущего удовольствия Сенчо, обожая смотреть на унижение женщин, сам придумал особое приспособление, на которое помещали провинившуюся невольницу. Из черного дерева вырезали фигуру обнаженного ухмыляющегося дикаря в натуральную величину; поднесенные к лицу раскрытые ладони образовывали своего рода седло. Раздетую догола рабыню заставляли встать над истуканом на четвереньки, головой к ногам, так что ягодицы девушки были приподняты, лобок опирался на деревянные руки, а рот затыкал своеобразный кляп – дикарь был изображен в состоянии крайнего возбуждения. Подобное зрелище являло собой очаровательную и весьма изысканную картину, чрезвычайно тешившую пресыщенный взор верховного советника.

Теревинфия, обнажившись до пояса, чтобы ничто не стесняло ее движений, резво приступила к порке. Верховный советник, развалившись на ложе, установленном рядом с истуканом, с восхищением наблюдал за происходящим. Время от времени он жестом останавливал Теревинфию и, дрожа от плохо сдерживаемого возбуждения, ласково поглаживал бедро Мерисы. Удовольствие Сенчо было так велико, что прерывать наказание он не желал и неохотно согласился на это, лишь когда Теревинфия напомнила хозяину о ценности невольницы. Наконец Мерису унесли, а верховный советник еще долго лежал с закрытыми глазами, расслабленно постанывая и восторженно вздыхая при воспоминаниях об испытанном наслаждении. Потом, очнувшись от блаженного забытья, он поглядел на четырех рабынь, ждущих его дальнейших приказаний, велел Теревинфии раздеть Майю и оставить ее с ним, а всех остальных отослал.

Майя ублажала верховного советника до самого вечера.

Зрелище произвело на нее странное и неожиданное впечатление, однако привычки обдумывать свои ощущения у нее не было. Поначалу она преисполнилась отвращения при виде жуткого резного лица дикаря, ухмыляющегося между трясущихся ног Мерисы; от мерных ударов ремня ягодицы белишбанки вздрагивали, и этой дрожи вторили восторженные содрогания туши верховного советника. Внезапно Майю охватило небывалое

возбуждение; она неожиданно поняла, какое удовольствие испытывает Сенчо. Волна головокружительного восторга накатила на Майю и повлекла за собой – так пловец в реке отдается на волю бурного течения, так путник в знойной пустыне одним глотком выпивает все запасы воды, так в пылу схватки отважный воин бросается на могучего противника. Ах! Мериса вздрогнула и задергалась... Ах! Сенчо тяжело задышал... Ах! Мериса непроизвольно выпустила струю мочи на черную деревянную рожу... Ха-ха-ха! Теревинфия, раскачивая тяжелыми обвисшими дельдами, замахнулась толстым ремнем... Нет, удар обрушился не на Мерису, а на знатного господина в барке, который осмелился накричать на госпожу Майю... на гнусного Геншеда с его ножом... на Зуно, прохлаждавшегося под навесом екжи, пока Майя с Оккулой плелись в дорожной пыли... Сильнее! Еще раз! На Пардена, который толкнул Майю в возок работорговцев... На глупую Налу, за то, что рассказала матери про Таррина с сестрой... Ах, еще, еще! На Морку, на Морку, на Морку... Ну же, еще разок!

Когда бесчувственное тело Мерисы унесли, Майя обнаружила, что сама она дышит тяжело и возбужденно, с трудом втягивая в себя горячий густой воздух. Она прикусила губу, опустила глаза, украдкой схватила полотенце и поспешно утерла липкую влагу между ног, надеясь, что этого никто не заметил, потом скосила глаза на хозяина и осознала, что он не только видел, но и понял, что именно она почувствовала. Теперь ее собственные чувства и ощущения доставляли ему наслаждение, втягивая Майю в водоворот бушующих страстей и приводя Сенчо в совершеннейший восторг, не сравнимый ни с одним прежде испытанным удовольствием. Майю ничуть не удивило последовавшее за этим приказание раздеть ее донага – она испытала бы горькое разочарование, если бы хозяин этого не сделал. Пока Теревинфия срывала с нее одежду, Майя сидела неподвижно, гордая и невозмутимая, как богиня. Едва все удалились, оставив ее наедине с Сенчо, она решительно поднялась, не дожидаясь распоряжения хозяина, и потушила несколько ламп. Покои погрузились в полумрак. Затем Майя подошла к ложу, молча склонилась над Сенчо и, утратив всякую робость, начала неторопливо и уверенно ласкать его, нимало не тревожась о том, насколько умело или ловко выполняет свою работу. Отныне Майя будет решать, чем и как ублажить хозяина, а он не посмеет ей возразить.

Дераккон угрюмо сидел у окна и смотрел на тяжелые тучи, проплывающие над Брамбовой башней.

– Ты намерен начать войну с Терекенальтом? – спросил он у Кембри. – Может, не стоит?

– Мой повелитель, я намерен отвоевать Субу на благо империи, – церемонно ответил маршал.

– Но ведь семь лет назад, когда вы с Форнидой двинулись из Палтеша на Беклу, мы специально уступили провинцию Карнату, чтобы он не вмешивался в наши планы свергнуть Сенда-на-Сэя.

– Да, и тогда наша уступка имела смысл. Однако следует признать, что терекенальтцам и катрийцам на противоположном берегу Жергена самое место. Там пролегает естественная западная граница империи. В противном случае Бекле грозит опасность. Если мы вернем себе Субу, то Леопарды завоюют народную любовь, наша власть окрепнет и мятежники в Урте и Тонильде останутся без поддержки населения. Я верно мыслю, Сенчо?

Верховный советник подтвердил правильность рассуждений маршала.

– Войска Сендекара стоят у берегов Вальдерры, – продолжил Кембри. – Мелекрил они проведут в Раллуре, в расположении гарнизона. Как только закончится сезон дождей, я выведу своих людей на подмогу, и общими усилиями мы переправимся через Вальдерру и захватим Субу.

– И если твоя вылазка пройдет успешно, то Субу мы торжественно передадим Урте, так? – осведомился Дераккон. – Ты же помнишь, Суба подчинялась верховному барону Урты, прежде чем перешла во владения Карната. Кстати, уртайскому барону известно о твоих намерениях?

– Нет, мой повелитель. Если уведомить Кендрон-Урту о наших планах, о них тут же прознает Карнат. Вдобавок, если мы отвоюем Субу, то совсем не обязательно возвращать ее Урте. Благая владычица Форнида, например, выразила пожелание, чтобы Суба примкнула к Палтешу. По-моему, это вполне разумное предложение.

– Но это же несправедливо по отношению к уртайцам! – возразил Дераккон.

– Зато нам это на руку, да и Леопарды от этого только выиграют, – напомнил ему Кембри. – Если подарить Субу Форниде, она не станет упрячиться, когда ее попросят освободить престол благой владычицы, не правда ли, мой повелитель?

Дераккон давно задумывался о том, как втолковать тридцатичетырехлетней Форниде, что ее невозможно оставить на третий срок правления. По традиции наместница Аэрты была юной девушкой, и нарушение обычая вызовет недовольство. Народ сочтет это прямым вызовом богам, а оскорбление богов чревато невзгодами. К сожалению, Форнида славилась не только упрямством, но и сообразительностью, что делало ее весьма опасным противником.

– Нам почти ничего не известно о том, что происходит в самой Урте без ведома верховного барона, – продолжил маршал, не дожидаясь ответа Дераккона. – Это тревожит меня больше всего. Правитель Урты печется только о мире и покое в провинции. Да, он не допустит, чтобы уртайцы восстали против злодеев, отдавших Субу врагам, – то есть против нас. Но это пока он жив. До меня дошли тревожные вести о состоянии здоровья старого

барона. Что случится, когда старик умрет? Его наследник Эвд-Эжахлон – человек медлительный и нерасторопный, да и умом не блещет, но Форниду всей душой ненавидит, ведь она ославила его на всю империю. Его легко убедить выступить против нас, а мне совсем не хочется отправиться в Субу на войну с Карнатом, а потом обнаружить в тылу разъяренных уртайцев.

Он вопросительно поглядел на Сенчо, но верховный советник промолчал.

– А там еще ублюдок этот... – вздохнул Кембри. – Ну, баронов бастард, побочный сын от субанской танцовщицы. Как его? Байуб-Оталь. Из всех уртайцев он – самый ярый наш противник, потому что Суба ему в наследство обещана. Я хотел к нему убийц подослать, но отцу его, верховному барону, это не по нраву придется. Даже если подстроить несчастный случай, старик все равно не поверит, так что не стоит и рисковать. Поговаривают, что Байуб-Оталь что-то задумал. Хорошо бы узнать, что именно. Сенчо, может, твои осведомители что слышали? Байуб-Оталь на мелекрил в Беклу приехал.

Верховный советник на это ответил уклончиво: он не любил, когда ему указывали, как распоряжаться сетью осведомителей и куда подсылать лазутчиков. Вдобавок ни маршал, ни кто другой из Леопардов не имел права приказывать Сенчо. Подобная независимость охраняла верховного советника от угроз приятелей-заговорщиков – Кембри, Хан-Глата и Форниды. Надежные и достоверные сведения о смуте и готовящихся мятежах поступали к ним только через Сенчо; поэтому избавиться от него они не могли – верховный советник хранил в строжайшей тайне имена осведомителей и их задания.

Он в общих словах подтвердил, что предложение Кембри отвоевать Субу укрепит позиции Леопардов в империи, однако заметил, что от недовольства режимом не избавиться, если просто вернуть под власть империи край бесплодных болот, а уж тем более – если подарить его Форниде. Урта, провинция богатая и благодатная, с относительно стабильным управлением, не давала особых поводов для тревог; самое большое зло таили труднодоступные имперские окраины, населенные племенами воинственных дикарей, – от засланных туда лазутчиков поступали редкие и обрывочные сведения.

– Ты Халькон имеешь в виду? – уточнил Дераккон.

Сенчо кивнул и продолжил рассказ о глухих местах в лесистых предгорьях, там, где болота северной Йельды смыкались с топями южной Тонильды. Именно там, на окраинных землях, в глухомани – в трех днях пути от Тетгита, – после восстания Леопардов обосновался Энка-Мардет, племянник Сенда-на-Сэя. Верховный советник обладал счастливой способностью вынюхивать не только чужие секреты, но и тайных врагов, – собственно, за это его больше всего и боялись; вот и сейчас в нем зрело предчувствие, что в тонильданской глуши готовится какой-то заговор против Леопардов.

– Глупости все это! – презрительно фыркнул Дераккон. – По-твоему, Энка-Мардет так же рвется к власти, как ты восемь лет назад?

Сенчо оставил вопрос без ответа. Они с маршалом Кембри давно уговорились не возражать Дераккону, не спорить с ним и не высмеивать его редкие и бесплодные попытки отстоять свою власть и превосходство. Верховному барону Беклы не хватало уверенности в себе, и он полностью зависел от поддержки своих приятелей-заговорщиков.

Верховный советник вернулся к своим объяснениям. На первый взгляд Халькон не представлял такой немедленной угрозы, как Урта, однако Сенчо стало известно, что Сантиль-ке-Эркетлис, наиболее влиятельный барон Халькона, регулярно отправлял тайных гонцов к Энка-Мардету, а в поместьях обоих служило гораздо больше крепких молодых

людей, чем того требовалось. Очевидно, Эркетлис и Энка-Мардет что-то замыслили, хотя прямых доказательств у верховного советника не было.

– Значит, с Хальконом надо разобраться немедленно, не дожидаясь окончания дождей, – сказал Кембри. – Во-первых, мятежники этого не ожидают, а во-вторых, если нанести им удар сейчас, то весной нам ничто не помешает начать операцию по возвращению Субы; в противном случае придется одновременно вести военные действия у Вальдерры и подавлять мятеж в Хальконе.

– Не делай поспешных выводов, – остановил его Дераккон. – У нас нет доказательств дурных намерений Сантиль-ке-Эркетлиса. Если подослать к барону убийц, то против нас восстанет весь Халькон – и как раз тогда, когда все войска будут заняты на вальдеррском фронте. Мой отец был дружен с отцом Сантиля... – рассеянно добавил он.

Верховный советник с готовностью согласился. Убить барона он и не предлагал, однако заметил, что необходимо примерно наказать кого-нибудь из хальконских мятежников, с тем чтобы запугать хельдрилов, которые поддерживают Сантиль-ке-Эркетлиса. Подобные действия напомнят провинциальной знати, что в далекой столице хорошо известно о настроениях в захолустье и что верховный барон Беклы пресечет любые проявления недовольства. Если предпринять решительные действия в сезон дождей, то это произведет нужное впечатление.

– Решительные действия? – переспросил Дераккон. – То есть убийство?

Сенчо равнодушно пожал плечами и заметил, что самым эффективным примером послужит убийство Энка-Мардета.

– Да, Энка-Мардета убрать лучше всего, – подтвердил маршал. – Надо было раньше этим заняться, да случая удобного не было. Энка-Мардет – единственный близкий родственник Сенда-на-Сэя, а значит, всегда найдутся хельдрилы, которые ради него решатся на мятеж. До нас доходили слухи, что он поговаривал о восстании, но всегда умозрительно и в самых общих выражениях, поэтому у нас не возникало оснований для ареста. А сейчас, когда Сенчо узнал о его связях с Эркетлисом...

– Все равно прямых доказательств нет, – заметил Дераккон. – Одни подозрения. Если...

– Дело в том, – перебил его Кембри, – что убийство Энка-Мардета отрезвит хельдрилов, замешанных в заговоре. Из-за Энка-Мардета бунтовать никто не станет, не то что из-за Эркетлиса. Если племянника Сенда-на-Сэя устранить, то остальные быстро одумаются.

Беседа продолжалась почти час, после чего Дераккон неохотно поддался уговорам. Сенчо настаивал на немедленных действиях: из Беклы в Халькон необходимо отправить две сотни белишбанских воинов, из полка, что сейчас расквартирован в столице. Убить необходимо только самого барона и его семью – жену, двух сыновей и шестнадцатилетнюю дочь. Правда, нужно раздобыть дополнительные сведения по нескольким маловажным делам, но об этом Сенчо вызвался договориться с одним из белишбанских тризатов.

– Ну что ж, накажем Энка-Мардета, другим неповадно будет, – наконец сказал Кембри. – Однако нельзя забывать и об Эркетлисе – срочно необходимо выведать, что он задумал, и любыми способами это предотвратить. Сейчас нам известно лишь то, что он отправляет посыльных с сообщениями к Энка-Мардету и еще к нескольким приятелям. Сенчо, на тебя кто-то из его слуг работает?

Верховный советник объяснил, что в глуши слуг подкупать бесполезно, – как правило, они сообщают об этом хозяину, а затем начинают поставлять ложные сведения. Верные слуги Сантиль-ке-Эркетлиса его никогда не предадут, а пристроить постороннего в окружение

барона невозможно. Даже если бы и удалось подкупить кого-то из слуг, ничего существенного они бы не узнали. Разумеется, можно заняться гонцами, но если их задержать, то мятежники сразу же поймут, что их планы раскрыты.

– И что же нам делать? – спросил Кембри, подбросил углей на жаровню и наполнил вином кубок верховного советника.

Сенчо признался, что ему пришла в голову интересная мысль, и напомнил маршалу о банде белишбанских головорезов, которые четыре года назад орудовали на тракте из Хёрла в Дарай, используя в качестве приманки смазливую девчонку.

– Тут особенная девчонка нужна, – недовольно поморщился Кембри. – Одной красотой не обойдешься. Ну, допустим, соблазнит она гонца, а дальше что? Она должна соображать, что к чему, вопросы задавать умело, так чтобы ее не заподозрили, и нужные сведения выуживать по крупицам. А где такую девушку взять?

Верховный советник удовлетворенно улыбнулся и объявил, что среди его невольниц – та самая девчонка, которая служила приманкой в банде. Рабыня привлекательна внешне, любострастна – Хан-Глат может это подтвердить, – а вдобавок сообразительна и падка на деньги. Если ей хорошенько заплатить и пообещать вольную, то она с радостью согласится выполнить любое поручение.

– Мысль и правда интересная, – согласился маршал. – Одно плохо: девчонка из Белишбы, а ты хочешь отправить ее в Халькон. Там любой поймет, что она – чужестранка. И одну ее посылать нельзя... Как она жить будет? Ей нужен спутник.

Сенчо продолжил объяснения: недавно рабыня провинилась и ее выпороли, с последующей продажей Лаллоку. С работорговцем можно договориться, чтобы он продал белишбанку в заведение некой Домриды под названием «Лилейный пруд», в Теттит-Тонильде. В осведомителях у Сенчо состоял коробейник, хорошо знакомый с провинцией, – он исходил Тонильду вдоль и поперек, разнося товары по городам и деревням, и всякий раз, возвращаясь в столицу, передавал собранные сведения верховному советнику. В конце сезона дождей коробейник заберет девушку из «Лилейного пруда» и отправится с ней в Халькон, где они, под видом любовников, будут действовать по обстоятельствам, но главной их задачей будет выведать содержание сообщений, передаваемых мятежниками. Коробейник уже сообщил Сенчо имена гонцов – одного зовут Таррин, а другого...

Дераккон передернулся от омерзения. Кембри расхохотался во весь голос, оттолкнул глухонемого раба и сам стал растирать пузо верховного советника, на все лады расхваливая его план и утверждая, что если девчонка и правда так искусна, то предприятие непременно ждет успех. Потом он пожелал самолично убедиться в существовании рабыни с такими необычными способностями.

– Так ты же ее видел, – напомнил Сенчо. – На празднестве дождей, в своем собственном доме.

– Юная златокудрая красавица? – удивленно осведомился Кембри.

– Нет, смуглянка, – вздохнул верховный советник.

Маршал вспомнил хорошенькую белишбанку – такая прелестница легко вскружит голову всем мужчинам в хальконской глуши. Служанкой к барону ее не пристроить, но случайная встреча с миловидной чужестранкой на постоялом дворе или в дороге не вызовет ни у кого подозрений.

– Я тут еще подумал, что все-таки имеет смысл какую-нибудь девчонку из местных к Эркетлису подсунуть, – продолжил Кембри. – У тебя же есть невольницы из Тонильды?

Сенчо ответил, что тонильданданская рабыня у него имеется: он приобрел ее совсем недавно, за пятнадцать тысяч мельдов, и отправлять обратно не намерен. Не удержавшись, он добавил, что она невероятно податлива, похотлива и вдобавок умна, хотя, конечно, в любовных утехах еще не поднаторела, но старается, что извиняет ее неотесанность.

– Неотесанность? – хмыкнул Кембри, вспоминая златокудрую красавицу на празднестве дождей. – Я и сам не прочь такую красотку обтесать! Ссудил бы ты мне ее на вечер, а?

(На самом деле маршал, раздраженный тем, что Сенчо не уделил достаточного внимания положению дел в Урте, уже решил для себя, что делать с прекрасной невольницей, но верховному советнику об этом говорить не стал.)

– Ссужу, на обычных условиях, – буркнул Сенчо, жадно набивая рот нежным мясом раков и яйцами ржанки, которые только что принес раб.

– Да, конечно, – кивнул Кембри. – Я пришлю человека к твоей сайет, как ее... к Теревинфии. Ох, что-то я проголодался! – Он подошел к столу и предложил Дераккону: – Позвольте налить вам вина, мой повелитель. И не терзайтесь вы так о судьбе Энка-Мардета, – к сожалению, верховному барону часто приходится быть жестоким. Это все на благо империи, вы же понимаете.

Дераккон рассеянно поднес кубок к губам, но не отпил ни глотка до тех пор, пока маршал с верховным советником не удалились.

– Ох, как в мелекрил дома тоскливо было! – лениво произнесла Майя и, не вставая с кровати, протянула руку к чаше с виноградом. – Вот проснешься и думаешь: «Когда же дождь кончится?»

– У Домриды мы развлекались, – сказала Оккула. – Не так, как в столице, но все-таки... Ну, тебе-то было не до веселья.

– Ага, – кивнула Майя. – Скотину надо было кормить, рыбу ловить, а еще мы за хворостом ходили. Ох, как из дому выйдешь, так по колено в грязи и увязнешь.

– Ну, теперь-то у тебя жизнь получше.

– Еще бы, – хихикнула Майя. – Теперь мы – скотина, за нами ухаживают.

– Пора вставать, коровушка моя, – улыбнулась Оккула. – Очаг разгорелся, тепло. Я проголодалась, а ты?

– Ой, Оккула, ты же обещала научить меня танцевать, помнишь?

– Научу, только сначала давай поедим. Эй, Огма! Принеси нам завтрак! – крикнула Оккула и сказала Майе: – На киннаре я играть умею, для начала тебе хватит.

Час спустя Оккула, отложив киннару, стояла у бассейна рядом с Майей, терпеливо показывая подружке какие-то замысловатые, гибкие движения кистей рук.

– Пойми, банзи, это тебе не в деревне хороводы водить. Тут и ладони, и пальцы важны. Смотри, каждый палец отдельно двигаешь, вот так.

– Ох, Оккула, у меня так не получится!

– Получится, не сомневайся. У меня же получается. Просто упражняться надо, а там и умение придет, ты ловкая.

– Как, говоришь, две части называются?

– Сельпи и риппа. Понимаешь, банзи, смысл сенгуэлы в том, что одна танцовщица исполняет сразу три роли: Леспы, Шаккарна и старухи. Исполняет, а не просто танцует – так, чтобы зрители поняли смысл каждого жеста и всего представления. Ты привыкла плясать в толпе, среди других танцоров, где все просто веселятся. А сенгуэлу танцует одна исполнительница, для того чтобы зрителей развлечь. Когда все движения выучишь и роли освоишь, то сможешь танцевать как хочется, лишь бы красиво и понятно было. Ладно, потом разберемся, как пальцами двигать, – тебе придется каждый день по полчаса движения повторять, пока не запомнишь. Давай я тебе ритм задам, вот так... лучше мне все равно не сыграть. А ты пока представь, что ты – Леспа, в озере купаешься. Представила? Ну, для начала ложись на пол, закрой глаза и вообрази себе, что ты – Леспа. Вроде как перевоплотись в нее. Ты стораешь от нестерпимого желания. Главное – самой в это поверить, иначе зрители тебе не поверят. Вот, а теперь... это называется журчащая гармония. Давай сосредоточься и...

Наконец Майя, полностью захваченная танцем, скользящими шагами отступила под сень воображаемых деревьев и неожиданно наткнулась на Теревинфию, которая молча стояла у входа. Майя вздрогнула, споткнулась и испуганно замерла. Оккула отложила киннару.

– У тебя неплохо получается, – заметила Теревинфия, подхватив Майю под локоток. – Только не забудь, что подражать другим не следует. У каждой танцовщицы своя манера. Вот

Дифна стройнее тебя, у нее иначе получается.

– А вы, сайет, тоже сенгуэлу умеете танцевать? – спросила Оккула.

– Умела когда-то и видела, как ее другие танцуют, – все по-разному. Но я не танцы обсуждать пришла, у меня для вас новости есть. Во-первых, к верховному советнику коробейник заглянул, он сегодня в Теттит отправляется, хочет узнать, не надобно ли чего.

– Так дороги же залило! – удивилась Оккула.

– Коробейник своей выгоды не упустит, – пояснила Теревинфия. – Разносчики, которые грязи не боятся, за свои товары хорошие деньги выручают. А может, верховному советнику чего захотелось, вот он торговца в путь и отрядил. Так что вам случай представился весточку в Теттит-Тонильду передать, если надо.

– Спасибо, что предупредили, сайет. – Оккула, ослабив струны киннары, повесила инструмент на стену. – Если не возражаете, пусть разносчик к нам зайдет. У меня в Теттите подруга есть, он с ней знаком.

Зирек, в тяжелых сапогах до колен, неуклюже вошел в женские покои. Короб с товарами прятался под широкой длинной накидкой. Юноша опустил его на пол, ослабил ворот рубахи и прислонился к колонне у входа. Теревинфия предложила ему вина.

– Ах, красавицы, роскошно вы живете! – Он отпил глоток из кубка и утер рот рукавом. – Такого вкусного вина в Теттите не найдешь.

– Трудный путь тебе предстоит, Зирек, – заметила Оккула. – По грязи да под дождем. Ты куда думаешь сегодня добратся?

– До Накша к вечеру дойду, я привычный ноги бить. Как там моя кошечка Келинна? Я тебе ее в прошлый раз дал, верно?

– Ой, знаешь, разбилась случайно, – вздохнула Оккула. – Не уберегла я твой подарок.

– Ха, коты часто с крыши падают и на все четыре лапы приземляются. Правда, глиняная кошка – совсем другое дело. Ничего страшного, я тебе еще одну подарю – ваш хозяин мне выгодный заказ сделал. Была у меня где-то такая же, только полосатая. Вот, держи. А мне пора. До темноты три лиги под дождем пройти – дело нешуточное.

– Зирек, а ты не передашь от меня весточку подруге моей Бакриде, шерне из «Лилейного пруда»?

– Бакриде?

– Ей самой. Она мне прежде сказывала, что весной в Беклу по делам собирается.

– И что же ей передать?

– Если она на весенний праздник успеет, то мы с ней сможем встретиться – вечером, на пиршестве у озера Крюк. Ну, если верховный советник решит меня с собой взять. Я, конечно, занята буду, однако постараюсь минутку-другую улучшить.

Оккула покосилась на Теревинфию, но толстуха промолчала.

– Проще простого, – кивнул коробейник. – Загляну в «Лилейный пруд», передам твою весточку. – Он осушил кубок. – Все, красавицы, пора мне в дорогу собираться. После мелекрила увидимся, под дождем мне по грязи туда-сюда мотаться не с руки.

Юноша поклонился Теревинфии и вышел. Оккула потянулась к киннаре, но заметила, что толстуха многозначительно глядит на них с Майей.

– У меня для вас не одна новость, а несколько, – холодно произнесла Теревинфия.

– Ох, прошу прощения, сайет! – воскликнула Оккула.

– Так и быть, прощаю. А чтобы вы не сомневались в моем к вам расположении, я хочу вам кое-что предложить. Кто хочет занять опочивальню Мерисы?

– Опочивальню Мерисы, сайт? В смысле, с Мерисой комнатами поменяться?

– Нет, я спрашиваю, кто из вас хочет в опочивальню Мерисы переселиться? Тогда у каждой будет своя комната.

– А как же Мериса?

– Мерису продали.

– О великий Крэн, это еще почему? – недоуменно воскликнула Оккула, на миг забыв о почтении.

Теревинфия не ответила.

– Кому ее продали, сайт? – спросила Майя.

– Вас это не касается, – заявила Теревинфия. – Ну так кто хочет в опочивальню Мерисы?

Оккула с Майей переглянулись.

– Если позволите, сайт, мы с Майей вместе останемся, – сказала Оккула. – Нам вдвоем хорошо.

– Ну, как хотите. – Толстуха равнодушно пожала плечами. – В таком случае опочивальня Мерисы новой рабыне достанется, так что не вздумайте потом жаловаться и завидовать. А теперь вот что – предположим, я разрешу Майе одной в город выйти. Ты меня не подведешь, милочка?

– Одной в город? – нерешительно переспросила Майя.

Теревинфия, весьма довольная собой, уселась и велела Огме принести вина. Судя по всему, толстуха ждала от Майи дальнейших расспросов, но девушка, потупившись, молчала.

– Похоже, ей никуда не хочется, – вздохнула Теревинфия и обратилась к Оккуле: – А тебе?

– Как прикажете, сайт, так и сделаю, – дерзко ответила Оккула.

Майя испуганно ахнула, но ее подруга, по обыкновению, верно оценила настроение Теревинфии, и дерзость сошла ей с рук.

– Вы чем-то довольны, сайт? – не унималась Оккула. – Умоляю, скажите, в чем дело, не дразните бедняжку, она этого не заслужила. Вот и верховный советник на нее не жалуется... – Она обняла Майю за шею и поцеловала в щеку, прошептав на ухо: – Банзи, ей хочется, чтобы ты сама ее спросила.

– Как прикажете, сайт, – повторила Майя. – А куда надо идти?

– К очень высокопоставленному господину, – уклончиво ответила Теревинфия. – Но это только если я соглашусь. Мало ли кому из благородных ты приглянулась! Если я скажу, что ты пока к такой чести не готова, то все и расстроится.

– А разве это не зависит от желания... гм, высокопоставленного господина? – любопытствовала Оккула.

– Нет, все зависит от желания верховного советника, потому что Майя – его собственность.

– Сайт, по-моему, в отличие от меня, Майя не совсем понимает, в чем дело, – торопливо заметила Оккула. – Позвольте я ей объясню. Кто-то из знатных господ приметил ее на празднестве дождей и обратился к верховному советнику с просьбой ссудить ее на вечер, так? И вам эта просьба польстила, верно?

– Да, – благосклонно кивнула Теревинфия. – И мне, и самой Майе. Только я вот что скажу – не вздумай сбежать. Беглых рабынь на виселицу отправляют.

– Сбежать, сайт? – ошеломленно повторила Майя. – Отсюда? А зачем? Мне здесь очень хорошо.

Майя произнесла это с таким наивным удивлением, что Теревинфия сочла за лучшее сменить тему:

– Что ж, правила тебе известны...

– Правила, сайет?

– Ох, сайет, она же ничегошеньки не знает, – вскричала Оккула. – И не понимает, о чем вы. Ах, умоляю, скажите: кто ее приглашает? Я вся горю от нетерпения.

– Погоди, все узнаешь. Майя, ты знаешь, что такое лиголь?

– Нет, сайет. Слово вроде бы слыхала, но...

– Такой красавице, как ты, причитается не меньше сотни мельдов в подарок. За услуги. Вот это и называют лиголь. Но ты не девушка из дома утех, а собственность верховного советника. Твой хозяин ссужает тебя по просьбе знатного господина, в одолжение, а потому просить лиголь ты не имеешь права и обязана с благодарностью принять любой подарок, если предложат. – Теревинфия приподняла Майин подбородок и заглянула девушке в глаза. – В нашем доме невольнице щедро дозволено оставить себе две пятых доли этого подарка, остальное полагается верховному советнику – и мне. Понятно? Затверди это накрепко и не старайся увильнуть, иначе тебе не поздоровится, вот как Мерисе.

Глаза Теревинфии зловеще сверкнули. Майя вскрикнула, задрожала и отшатнулась:

– Нет, что вы, сайет!

– Вот и славно. Будем считать, что мы друг друга поняли, – вздохнула толстуха и потрепала Майю по щеке. – Как известно, носильщиков верховный советник не держит. Обычно мы отпускаем невольницу пешком, в сопровождении Джарвиля или кого-то из прислуги, но в сезон дождей на улицах такая слякоть, что придется нанять ежку. На месте тебя встретит господская сайет, она и с возчиком расплатится. Завтра будь готова к двум часам пополудни. Нет, лучше я сама приду – прослежу, чтобы все было чин по чину.

Теревинфия допила вино и направилась к выходу.

– Сайет, вы же так и не сказали, кто Майю пригласил! – умоляюще воскликнула Оккула, бросаясь следом за толстухой. – Прошу вас, не томите, раскройте тайну. Кто?

– Ах да, я и забыла, – пробормотала Теревинфия с порога. – Спасибо, что напомнила. Маршал Кембри-Б'саи, вот кто.

Оккула с Майей обменялись изумленными взглядами.

– Ох, Леспа в звездной короне! – прошептала Оккула. – Банзи, ты не представляешь, что это значит! – Она схватила Майю за руки, закружила в радостном танце, а потом отвесила ей церемонный поклон и передразнила Теревинфию: – Маршал Кембри-Б'саи, вот кто...

– Ой, перестань! – взмолилась Майя. – Оккула, я боюсь. Что мне делать?

– Как что? – расхохоталась Оккула и дернула свои короткие жесткие кудряшки. – Лечь на спину и ноги пошире расставить. Ну, для начала. А дальше сама сообразишь, что и как. Ты уж постарайся, подруга, не упускай такого случая.

Майю, завернутую в зеленую шелковую накидку поверх бледно-голубого метлана, доставили в крытый дворик маршальского особняка. Навстречу ежже вышла та же светловолосая женщина, что встречала невольниц на празднестве дождей. Майя, плененная ласковым, приветливым обращением, совсем забыла попросить сайет заплатить возчику – тот угрюмо переминался с ноги на ногу и покашливал до тех пор, пока ему не велели обратиться за деньгами к одному из слуг.

Сайет проводила Майю через двор к другой лестнице, ведущей в длинный коридор, где вдоль стены, увешанной яркими коврами, были расставлены семь статуй богов, почитаемых во всей империи: Крэн-громовежец, с зигзагами молний в кудрях, царственно простирал руки, отделяя небесную твердь от земной; венценосная Аэрта, выпятив тяжелый живот, кормила золотыми грудями двух младенцев; круторогий бородатый Шаккарн на топазовых копытцах, изрыгая клубы серы, потрясал огромным рубиновым зардом, будто копьем; милосердная красавица Леспа, в звездной короне, разбрасывала над землей сны из опаловой корзинки; медведь Шардик, с горящими угольками гранатовых глаз, вздыбившись, грозил врагам тяжелой лапой; из медных языков пламени выглядывал змеглавый Кенетрон, раскинув могучие орлиные крылья над Ступенями Квизо; неисповедимая Фрелла-Тильзе, с лицом, скрытым капюшоном накидки, указывала костлявым пальцем на росток тамаррика у ног.

Майя робко следовала за сайет, с опаской поглядывая на величественные изваяния, – казалось, боги вот-вот сойдут со своих постаментов. Наконец ее подвели к массивной двери темного дерева, украшенной светлыми зигзагами, как панели в пиршественной зале. Сайет остановилась и с поклоном раскрыла перед Майей тяжелую створку.

– Маршал здесь? – пролепетала Майя.

– Нет, – ответила светловолосая женщина, окинула невольницу взглядом и лукаво усмехнулась. – Входи, не бойся. Долго ждать не придется.

Майя, теряя самообладание, испуганно вцепилась в руку своей спутницы:

– Ах, сайет, я не знаю... я в первый раз...

– Считай, тебе повезло, – ласково ответила женщина с милой улыбкой. – С маршалом все просто. – Заметив Майино недоумение, она потрепала ее по плечу. – Не волнуйся, ступай.

Едва Майя переступила порог, дверь в противоположном конце покоев распахнулась и вошел маршал. От неожиданности Майя не успела разглядеть, куда попала, заметила только, что комната просторная, роскошно обставленная и теплая, с толстым ковром под ногами. Кембри в четыре шага пересек покои, подхватил обомлевшую Майю в объятия и осторожно опустил ее на огромную мягкую кровать.

Тут Майя наконец сообразила, что имела в виду сайет: от наложниц маршал не ожидал ничего, кроме беспрекословного повиновения. Он жадно набросился на Майю, будто не владея собой и удовлетворяя свое вожделение с каким-то безучастным напором, – так разливается в половодье бурная река. Только увидев маршала вблизи, Майя поняла, какой он великан. Суровый чернобородый исполин, с густыми щетинистыми бровями, даже без одежды казался облаченным в боевые доспехи. Она несколько приободрилась, невольно

осознав, в чем заключается его притягательность. Напряженное молчание маршала, жадная сосредоточенность на удовлетворении своих желаний и полное безразличие к Майиной неопытности говорили о неимоверной силе страсти. Майя, словно подхваченная вихрем, не заметила, что маршал не произнес ни единого слова, и покорно отдалась наслаждению. Таррин всегда отпускал скабрёзные шуточки и шептал ласковые, нежные глупости; Сенчо фыркал, кряхтел и ждал от нее непристойностей; Кембри же действовал бесстыдно, но без грубостей, с какой-то бездумной ненасытностью, будто поглощая все ее существо. Майя, беспомощно корчась под тяжестью громадного тела, внезапно вспомнила слова Оккулы: «Мужчина хочет женщину, а женщина хочет, чтобы ее хотели».

«О милосердная Леспа, это я его так распалила! – подумала Майя, когда великан наконец в последний раз содрогнулся, точно лавина сошла с горы. – Из сотен девушек на пиршестве он выбрал меня... Меня!»

Майя молча лежала, не зная, чего от нее еще потребуют. Впрочем, похоже было, что маршалу нужно было лишь податливое женское тело, пригодное для утоления его ненасытной похоти. Он не причинил ей намеренной боли, но Майе казалось, что она с ног до головы покрыта синяками. На ее невольные страстные стоны Кембри обратил не больше внимания, чем на предсмертный хрип поверженного противника на поле битвы. Затем, едва обессиленная Майя успела перевести дух, маршал снова жадно накинулся на нее.

Потом он отвалился, будто подрубленное дерево, и замер. Майя не знала, уснул он или просто погрузился в забытие среди мягких покрывал. Она ненадолго задремала, а проснувшись, задумалась, что ей делать. Одеться и уйти, как и положено невольнице, исполнившей свою задачу? Она осторожно выскользнула из-под одеяла, надела тонкую сорочку и метлан, подобрала с пола накидку и на цыпочках прокралась к двери.

– Вернись, – лениво произнес маршал.

Майя вздрогнула, как нашаливший ребенок.

– В чем дело? – Кембри недоуменно наморщил лоб.

– Ах, мой повелитель, вы меня напугали, – пролепетала она.

Он промолчал. Майя послушно разделась и забралась в постель, где, к своему изумлению, обнаружила, зачем ее позвали. Внезапно робкая невольница исчезла; Майя, как дерзкая деревенская девчонка, опустила руки на плечи маршала и лукаво поглядела на смуглое, испещренное шрамами лицо:

– Мой повелитель, вы знаете, что рассказывают в наших краях, на озере Серрелинда, про постоялый двор под названием «Тихая гавань»?

Он покачал головой; в густой черной бороде мелькнула улыбка – так мимолетно отрываются от своих занятий, чтобы поглядеть на забавную выходку щенка или котенка.

– Так вот, постоялый двор в Мирзате на берегу озера, – начала Майя. – Однажды к причалу подошла лодка. Хозяйка вышла посмотреть, кто там, а лодочник ей и говорит: «Я слышал, у вас вино хорошее, хозяйюшка. Принеси-ка мне на пробу кружечку вашего обычного зелья». Ну, она и принесла. Он выпил, поморщился и сказал: «Нет, не то. Принеси чего лучше». Она опять несет. Он кружку опустошил и опять за свое: «Нет, не то. Неси самого лучшего». Тут она ему целый кувшин приволокла. Он вино пригубил, посмаковал, наконец весь кувшин прикончил, да и говорит: «Да, правду мне сказали, славное у вас вино, так бы и пил. Ну ничего, я к вам еще зайду».

Маршал запрокинул голову, расхохотался и снова ненасытно подмял Майю под себя, будто бы в первый раз. Бедняжка едва не задохнулась под его весом. Кембри был не только

грамаден, но и очень силен – у Майи чуть ребра не затрещали под его пальцами. От острого осознания своей беспомощности у нее закружилась голова, но любострастие маршала подхватило ее, словно вихрем, и она пришла в себя только тогда, когда до крови прикусила плечо Кембри.

Майя испуганно отпрянула, нащупала свою сорочку и попыталась прижать к ранке. Маршал нетерпеливо выдернул из Майиных пальцев тонкую ткань и со смехом отшвырнул в сторону, давая понять, что ничего страшного не произошло.

Похоже, сон у Кембри как рукой сняло. Майя догадалась, что маршал ею очень доволен, и лежала тихо, слушая шум дождя и раздумывая, что будет дальше.

– Ну что, с тебя хватит? – наконец спросил маршал.

– А если я скажу, что нет? – хихикнула Майя.

– Придется кого-нибудь для тебя привести.

– Ага, мышонка после быка.

Кембри промолчал, и Майя испугалась своей дерзости, однако чуть позже он невозмутимо поинтересовался:

– Ну и как тебе живется у верховного советника?

Майя крепко-накрепко затвердила ответ на подобный вопрос. «Ни в коем случае хозяина ни с кем не обсуждай, даже если тебя золотом осыплют, – настоятельно повторяла Оккула. – Длинный язык куда опаснее длинного зарда».

– Хорошо, мой повелитель.

– И чем же вы с ним занимаетесь? – лениво осведомился Кембри. – Толстяк без посторонней помощи шага не сделает.

– Чего хозяин пожелает, тем и занимаемся, мой повелитель.

– К нему много людей приходит, со всех концов империи. Он их при тебе принимает?

– Нет, мой повелитель.

– А ты знаешь, что это за люди и зачем он с ними встречается? – Он протянул руку и легко повернул Майю лицом к себе, будто подушку поправил.

– Да, мой повелитель. Но о чем они разговаривают, нам неизвестно.

– А сайт ваша знает? Он же без нее не обходится. Она при разговорах присутствует?

– Мой повелитель, она с нами это не обсуждает.

Он умолк, словно бы исчерпав тему, и неожиданно спросил:

– Ты видела Отавису на пиршестве?

– Да, мой повелитель. Ах, она такая красавица!

– Между прочим, она – моя рабыня.

– Правда? Ой, а почему же она вместе с другими девушками пришла? Я ее на лестнице заметила.

– Она... мое поручение выполняла, а теперь я вольную ей выправлю. Мне так даже лучше – у шерны круг общения гораздо шире, чем у рабыни. – Он немного помолчал и добавил: – Ты верховному советнику об этом не говори, а то он убийц к ней подошлет.

– Мой повелитель, простите, но я не понимаю, о чем вы...

Кембри порывисто заключил ее в объятия, и Майя на мгновение решила, что он снова собрался ею овладеть.

– Я за тобой сегодня послал не ради постельных утех, – объявил он.

– Неужели, мой повелитель? – хихикнула Майя. – Наверное, мне приснилось...

– Хочешь место Отависы занять? Я тебя щедро вознагражу.

Майя изумленно уставилась на него.

– Мой повелитель, вряд ли верховный советник согласится меня продать... – начала она.

– Я не собираюсь тебя покупать, – отрезал он, поднялся с постели, накинул на широкие плечи стеганый халат и уселся на резной сундук у кровати. – Владыкам обычно говорят то, что они хотят слышать, но настоящий повелитель должен знать гораздо больше. Мне нужны сведения – те, что мне сообщать не хотят. Понимаешь?

– Мой повелитель, но ведь верховный советник... Это же его работа... поэтому к нему и приходят...

– Верховный советник тут ни при чем, мне свои осведомители нужны. Есть вещи, которые нельзя поручить такому человеку, как он. А если ты об этом обмолвишься – своему хозяину, сайет или еще кому, – я обвиню тебя во лжи и тебя повесят.

Майя испуганно замолчала. Маршал встал, открыл сундук, достал оттуда кошель, расшитый белыми бусинами, и, подбрасывая его на ладони, присел на кровать рядом с Майей.

– В нашем городе, да и по всей стране, люди доверяют только своим лучшим друзьям. А часто и им не доверяют. Чем могущественнее человек, тем меньше у него верных друзей. Все что-то скрывают, хранят тайны, о которых упоминать не следует. Однако, как ни странно, рано или поздно об этих секретах проговариваются, всегда кому-то о них рассказывают. Вот только при мне о них не говорят... а мне надо все знать. Поэтому нужно, чтобы секреты и тайны для меня кто-то подслушал.

Майя ошарашенно уставилась на него. Кембри помолчал, подбрасывая кошель на ладони. Монетки тоненько позвякивали, будто щелкало крошечное мельничное колесо. За окнами вздыхал дождь.

– При нас никто язык не распускает, – продолжил маршал. – Ни при мне, ни при Сенчо, ни при Деракконе. Другое дело – в постели или даже просто в присутствии хорошенькой рабыни, почти ребенка... Отавису все знают, и тем не менее ей многое удастся услышать. – Он улыбнулся. – А ты, малышка, еще больше услышишь – еще и потому, что мне не принадлежишь.

– Но, мой повелитель, если я вам не принадлежу, то...

Он предостерегающе поднял руку:

– Иногда рабыня случайно подслушивает обрывок разговора – и это хорошо, но мало. Для этого любая согрится. А вот красавица может вызнать все, что пожелает. Искусная прелестница кого угодно разговорит, как бы он ни остерегался. Знаешь сказку про волшебника, который за девушкой увивался, а она не соглашалась, пока он не отдал ей яйцо, в котором сердце свое хранил? Она яйцо взяла и тут же разбила.

– Но если я – не ваша невольница, то как же...

– Не тревожься, тебе все объяснят. Мы с тобой больше не встретимся – опасность слишком велика. Ты хорошенько подумай, Майя. Я тебя не обижу, щедро награжу. Если все получится и если ты уцелеешь, то будут у тебя и деньги, и вольная. Выйдешь замуж или шерной станешь – это уж как захочешь.

Майя погрузилась в размышления.

– Тебе придется с уртайцами дело иметь, – добавил Кембри. – Они люди суровые, гордые, задеть их легко. Так что действовать ты должна с умом, соображать быстро. Вот тебе для начала поручение – за три дня найди способ о своем решении меня известить. Заодно и проверим, годишься ты для этой работы или нет.

Не дожидаясь ответа, он взял со стола колокольчик и трижды позвонил. Светловолосая сайет вошла и встала у двери, почтительно приложив ладонь ко лбу. Маршал швырнул ей кошель:

– Девушкой я очень доволен. Ванна готова?

– Да, мой повелитель.

Кембри поднялся и вышел из опочивальни.

Теревинфия, Оккула и Дифна сидели у очага в женских покоях, что весьма удивило Майю, вернувшуюся из маршальского особняка, – обычно в это время дня сайет или одна из невольниц прислуживала верховному советнику. Оккула подбежала к подруге, помогла ей снять промокшую накидку и весело спросила:

– Ну что, банзи, ловко он тебя отбастал? Довольна?

Майя рассмеялась, стаскивая с рук тяжелые серебряные браслеты.

– Ох, по самое не могу! И в лепешку раскатал, и умаслил, и на вертел насадил, – ответила она в тон подруге; недавняя робость исчезла без следа.

– Тогда выкладывай подробности: что, как, куда и сколько, – захихикала Оккула.

– погоди, сейчас все по порядку расскажу... – Майя осеклась, заметив вопросительный взгляд Теревинфии, вспомнила о маршальском кошеле и поспешно вручила его толстухе.

– Он запечатан, сайет.

– Сама вижу, – проворчала Теревинфия. – Был бы не запечатан, тебе не поздоровилось бы. Я тебе нарочно про печать не сказала. Это Оккула тебя предупредила?

– Нет, сайет, – возразила Оккула. – По правде говоря, я о печати и забыла. Майя сама догадалась. Ой, давайте глянем, сколько там!

– Что ж, сейчас посмотрим... – Теревинфия высыпала на ладонь содержимое кошелька и удивленно ахнула.

– Ух ты! – воскликнула Оккула. – Двести сорок мельдов! Неслыханный лиголь... ну, по теттитским меркам, не знаю уж, как у вас тут в Бекле заведено.

– Да, сумма значительная, – весомо заметила Теревинфия. – Молодец, Майя. Держи свою долю. – Она пересчитала монеты. – Гм, тебе девяносто шесть полагается, но у меня мелочи нет, поэтому так уж и быть, ради почина бери полную сотню. Вот уж не думала, что маршал так расщедрится!

– Благодарю вас, сайет.

– Ну, банзи, еще сто пятьдесят раз так отличишься – на вольную заработаешь. Если, конечно, не надорвешься.

Ночью, под негромкий шорох дождя, подруги с головой накрылись одеялами. Майя, дрожа, прижалась к Оккуле и шепотом рассказывала о случившемся:

– ...а он говорит... опасность велика... щедро награжу... если уцелеешь... и деньги, и вольная!.. за три дня найти способ известить...

Оккула молча выслушала подругу, успокаивая ее ласковыми словами и нежными поглаживаниями, как малого ребенка или зверька.

– Послушай, банзи, – наконец прошептала она в Майино ухо. – Выбора у тебя нет, придется согласиться. Если откажешься, он решит, что ты слишком много знаешь, и велит тебя убить.

– Почему он вообще меня выбрал? – чуть слышно всхлипнула Майя и в голос застонала: – Я же ничего не знаю! И в Бекле недавно...

– Ш-ш-ш! Он сам тебе частично объяснил почему. Ты молоденькая, ведешь себя как наивная простушка, тебя никто не заподозрит. Вдобавок ты красавица, голову кому угодно

вскружишь. Судя по твоим рассказам, ты даже маршала с ума свела... ну, на пару часов. Ты пока не поняла, какое влияние красивая женщина оказывает на мужчин. Многие девчонки всю жизнь не понимают. Мужчины иначе устроены. При виде красавицы они теряют волю и голову, больше ни о чем думать не могут, только увиваются, как кобели вокруг течной суки. Не нужны им ни участие, ни дружба, ни любовь. Им главное – отбастать красавицу. Ради этого они на все пойдут, любые секреты выболтают. По-моему, Кембри тебе об этом тоже говорил, только ты не поняла. Надо же, а он-то думает, что ты сообразительная!

– Но почему? Он же ни слова не сказал, пока...

– Ты же тоже молчала? То-то же.

– А еще он предупредил, что это опасно.

– Знаешь, для нас все опасно. Не бойся, банзи, может, все и обойдется. Так что привыкай.

– Он велел ответ дать через три дня. И что теперь делать?

– Не волнуйся, я уже все придумала. Я сама ему твой ответ передам.

– Как?

– Очень просто. Завтра скажешь Теревинфии, что маршалу проболталась о своей чернокожей подруге и ему любопытно стало. Это гораздо убедительнее, чем сказать, что ты ему понравилась и он второй раз с тобой хочет встретиться. Понимаешь, тебе же никакой выгоды нет, если меня к нему пошлют.

– А она мне поверит?

– Нет, конечно. Но жадность пересилит – а вдруг за меня еще сто сорок мельдов перепадет? Наш боров ни трага из твоего лиголя не увидел, она все себе забрала, не сомневайся. Кстати, ему нездоровится – обожрался за ужином, лежит в постели, стонет. Поэтому мы все и сидели без дела, когда ты вернулась. Так что Теревинфия обязательно справится у маршальской сайет, а та к хозяину своему пойдет. Кембри же ожидает от тебя весточки, вот и сообразит, что к чему, меня к себе потребует.

– Но он же сказал, что если я кому обмолвлюсь...

– Не бойся, я ему твой ответ передам так, будто сама не понимаю, о чем речь, – мол, подруга моя благодарит вас, мой повелитель, и рада любую вашу прихоть исполнить. О великий Крэн, найду я, как ему это сказать, не сомневайся.

– Ах, Оккула, я тебя обожаю! А почему ты дрожишь? В чем дело?

– Ох, ужасный это город! – помолчав, вздохнула чернокожая невольница. – Семь лет назад здесь реки крови текли, и сейчас ничего не изменилось. Все то же самое. Молись всем богам, банзи, чтобы мы с тобой уцелели!

Следующим утром Оккула как ни в чем не бывало веселилась напропалую, придумывала всякие забавные игры и развлечения, соревновалась с Дифной, кто лучше соврет, изображала, как мужчины увиваются за Майей, и всякий раз, как подруга заливалась смехом, шлепала ее мухобойкой.

Сенчо нездоровилось; Теревинфия сказала, что в постели он проведет два-три дня, потому что доктор прописал ему слабительное, покой и сон. Никаких посетителей к верховному советнику не допускали, хотя к нему просились несколько человек.

Оккула заставила Майю несколько раз повторить историю, составленную для Теревинфии, и наконец разрешила подруге обратиться к сайет наедине. Толстуха, выслушав девушку, спросила, когда именно маршал хотел увидиться с чернокожей невольницей, но

Майя, наученная Оккулой, притворилась, что не помнит таких подробностей. Теревинфия отругала ее за невнимание к словам важного господина, однако улыбнулась, услышав Майино объяснение, – мол, маршал так ее отбастал, что у нее из головы все вылетело.

Одного из слуг отправили в маршалский особняк разузнать подробности. Подруги с тревогой ожидали его возвращения, но вскоре выяснилось, что Оккула была права: Кембри, сообразив, в чем дело, потребовал в тот же день прислать к нему чернокожую рабыню. Оккула приняла ванну с ароматическим маслом, посеребрила веки, вставила в ноздрю золотую серьгу, обвила шею ожерельем из когтей, с позволения Теревинфии надела оранжевый метлан и охотничью безрукавку и отправилась в ежже к маршалу.

Вернулась Оккула поздно: перед самым ее уходом маршальская сайет сказала, что с чернокожей невольницей хочет встретиться Эльвер-ка-Виррион, сын Кембри, чтобы показать ее своим приятелям. Разумеется, Оккуле пришлось повиноваться. Друзей молодого господина развлекали еще несколько девушек, в том числе Отависа и прославленная шерпа по имени Неннонира, любимица Леопардов.

– У них просто веселая пирушка была, никаких постельных утех, – добавила Оккула, протягивая Теревинфии полученный от Кембри лиголь в две сотни мельдов, из которых невольнице полагалось восемьдесят. – Зато я завела знакомство с богатыми и знатными господами, постаралась, чтобы они меня запомнили. Такие связи в будущем пригодятся, сайет.

После ужина Оккула пожаловалась на головную боль и ушла в опочивальню. Майя осталась с Теревинфией, помогая разбирать роскошные наряды невольниц верховного советника. Толстуха, узнав, что Майя умеет шить, заставила ее штопать оторванные подкладки и приметывать подола.

Наконец Майя отправилась в опочивальню. Оккула не спала, а сидела у лампы, выщарапывая что-то ножом на обратной стороне глиняной кошечки.

– Чем это ты занята? – спросила Майя, усаживаясь на кровать и расчесывая гребешком длинные золотистые кудри; после празднества дождей она поняла, как важно хорошо выглядеть, и старалась следить за своей внешностью.

Оккула поставила глиняную фигурку на полку:

– Да так, глупостями всякими. Должна же быть у кошки венда, иначе как жить?

– У тебя же голова разболелась, – недоуменно напомнила Майя.

– Ну да, – ответила Оккула. – Давай гаси лампу и ложись. Я тебе кое-что расскажу. Только мне надо, чтобы меня кто-нибудь обнял и приласкал. Ты сгодишься, пожалуй.

Под одеялом она зашептала Майе на ухо:

– Сработала наша задумка, банзи. Ну, для начала он меня отбастал... Правда, потом сам мне признался, что после вчерашнего еще не оправился. Ничего, четверть часа с пользой потратил, а после этого спросил, зачем меня прислали.

– А ты что?

– Я ему твое решение передала: мол, что ты всегда готова его ублажить, – и все. Объяснила ему, что мы с тобой подруги, рассказала, как мы встретились, как я тебя оберегаю. И про Геншеда упомянула мимоходом – мало ли, вдруг ему откликнется, гаду этому. Чуть погодя Кембри спросил, что ты мне про вчерашнее рассказала, только я прикинулась, будто не понимаю, о чем он. Тогда он начал про тебя спрашивать, мол, что и как. Ох, банзи, все-таки я сообразительная! Я ему тебя на все лады расхваливала, только предупредила, что ты пока неопытная и еще слишком наивная. И вроде как в шутку про

случай в Хесике упомянула – ну, про Зуно, ортельгийского торговца и золотого медведя. «Видите, мой повелитель, она кому хочешь голову вскружит, но за ней приглядывать надо. У меня это хорошо получается...» А потом извинилась, что всякие глупости ему рассказываю... Ну, он велел вина принести и угощения всякого, мы о разных пустяках поболтали, он меня еще раз отбастал и отправил домой. Похоже, он думал, что я о тайных поручениях заговорю, тогда бы он сразу понял, что ты мне все рассказала. Только я об этом ни полслова, вроде как и забыла обо всем. Он мне лиголь дал, я к выходу направилась, тут он меня и окликнул, велел дверь закрыть, рядом усадил и произнес речь, как тебе вчера, – про то, что ему глаза и уши нужны, особенно среди уртайцев. По-моему, он Сенчо то ли не доверяет, то ли убедить его не может к уртайцам осведомителей послать. Нет, он ясно не говорил, но я поняла, что для него это очень важно. Знаешь, все эти знатные господа – мошенники, веры у них друг другу нет. И похоже, нашим хозяином многие недовольны, мол, толку от него мало, весу не хватает... – Оккула хихикнула. – Вот только Сенчо слишком много знает, поэтому Кембри с Деракконом от него избавиться не могут.

Майя откинула одеяло до пояса и задумалась. Дождь перестал, только шелестела под ветром листва и прошмыгнул вдоль стены какой-то зверек – мышь, тушканчик или длиннохвостый чидрон.

Майя снова забралась с головой под одеяла и зашептала на ухо подруге:

– А мы-то тут при чем? Мы же рабыни. Какая нам выгода чью-то сторону принимать?

– Кембри пообещал тебе щедро заплатить и вольную отписать, – напомнила Оккула. – Конечно, в этом проклятом городе никому верить нельзя, но все-таки... Вдобавок мы с тобой знакомства обзаведемся, вот тебе и выгода.

– Мы с тобой?

– Конечно. Ой, банзи, я совсем забыла тебе сказать! Я маршала убедила, что тебе без моей помощи никак не обойтись, у меня опыта больше и сноровки. Уж не знаю, что он там нам поручит, но заниматься этим будем мы обе. Глядишь, одна из нас уртайцев и разговорит.

В следующие дни ничего не произошло. Сенчо, оправившись от недомогания, велел выпороть и продать одного из поваров и призвал к себе Лаллока, чтобы договориться о покупке нового.

Отношение Майи к хозяину оставалось неоднозначным: страх и смутное восхищение сменяли друг друга, как тени и солнечные лучи, скользящие по склону холма. Она поняла, что, как и объясняла Оккула, для Сенчо унижение других было важной составляющей плотских утех. Однажды вечером, когда Майя с Оккулой ублажали хозяина в бассейне, вошла Теревинфия и объявила, что к верховному советнику пришел осведомитель, пастушок из Урты, проделавший семь лиг в грязи, под дождем, по раскисшим дорогам. Сенчо благосклонно велел привести паренька, раздеть догола и хорошенько растереть, а потом, продолжая развлекаться с невольницами, усадил юношу у бассейна и заставил обнаженную Майю подать гостю угощение. Затем верховный советник начал подробно расспрашивать пастушка, наслаждаясь его смущением и неловкими попытками скрыть естественное возбуждение при виде красавиц-рабынь.

Дераккон прислал к Сенчо молодого офицера с каким-то поручением. Верховный советник выслушал его и осведомился, нравится ли ему Дифна. Офицер выразил свое восхищение рабыней, и Сенчо тут же предложил ему девушку, с условием, однако, что хозяин будет при этом присутствовать. Юноша, боясь вызвать неудовольствие верховного советника,

с заметной неохотой согласился выполнить его требование.

Сенчо любил развлекаться, причиняя девушкам боль под видом любовных ласк, – он щипал и шлепал рабынь, крутил им соски или дергал волоски в паху.

И все же, даже выполняя какие-то омерзительные действия – к примеру, вызывая у верховного советника тошноту или помогая ему опорожнить кишечник, – Майя не могла сдержать в себе странного возбуждения и восхищения хозяином. Впрочем, подобные чувства нередки у тех, кого насильно к этому принуждают. Выбора у нее не было, она во всем зависела от прихотей Сенчо. Верховный советник предпочитал обсуждать свои желания не с рабынями, а с поварами: от первых он ожидал безусловного повиновения, а от вторых – разнообразия и изобретательности. В доме Сенчо учитывались требования и удобства одного-единственного человека – хозяина. Майя покорно исполняла любые его приказания и смирилась с бесправным и зависимым положением, впрочем выгодно отличавшимся от положения тонильданской крестьянки. В отличие от своей подруги, Майя походила на великолепную борзую или сокола – она не задумывалась о тяготах своего существования. Сенчо был ее хозяином и предоставлял выход ее жизненным силам и энергии. Ублажать верховного советника и прислуживать ему было гораздо легче, чем ухаживать за скотиной, даром что навоза приходилось выгребать больше, чем из коровника, однако с меньшими усилиями, – Теревинфия весьма искусно заботилась о любых нуждах развратного обжоры, и в доме было много полезных и удобных приспособлений.

С утра до вечера Сенчо услаждал свой ненасытный аппетит, с необузданным бесстыдством предаваясь чревоугодию и извращенным утехам. Дни его протекали в блаженной праздности, излюбленной теми, кто начинал жизненный путь в крайней нищете. Пресытившись роскошными яствами и удовлетворив на время похоть, Сенчо в расслабленном забытии возлежал на ложе или в бассейне, как громадный отъевшийся паук, притаившийся в своей паутине. За долгие месяцы, проведенные у верховного советника, Майя так и не поняла, знает ли он грамоту, – читать и писать он всегда заставлял Теревинфию, полагая подобные занятия слишком утомительными.

Оккула и Дифна наловчились несколько усмирять жестокую похотливость хозяина, выполняя его требования с отрешенной покорностью, словно бы снисходя к капризам малого ребенка, однако Майе это не удавалось. После наказания Мерисы она ощущала загадочное, непонятное стремление удовлетворять любые, самые низменные желания Сенчо. Часто, когда Майя, обнаженная, в одних сандалиях и драгоценных украшениях, прислуживала ему, а он больно щипал или кусал ее, она, распаленная, не дожидаясь хозяйского повеления, бросалась к нему на ложе. Впрочем, на такую дерзость невольницы верховный советник не жаловался. Непредсказуемость его настроения стала неотъемлемой частью ликующего возбуждения, которое Майя испытывала в присутствии Сенчо. Вдобавок ее тешило сознание того, что она во всем удовлетворяет хозяина и он ни за какие деньги не пожелает расстаться с любимой невольницей.

Майя гордилась тем, что доставляет удовольствие богатому и знатному господину, не задумываясь о том, какие унижения ей приходится терпеть, – так простой солдат, доказывая свою доблесть командирам, гордится тем, что покорно сносит тяготы военной службы. Если бы Майе представился случай вернуться домой, на берег озера Серрелинда, она похвалялась бы перед всеми неоспоримыми свидетельствами своей привлекательности в глазах хозяина – как его извращенными выходками по отношению к ней, так и своими собственными поступками.

Впрочем, ей и без того было чем похвастаться – рабынь содержали в роскоши, уступающей только хозяйской. Жила Майя в женских покоях, обставленных со всевозможными удобствами; за чистотой и порядком в помещениях следили слуги. Верховный советник считал, что вкусная еда подстегивает любострастие, а потому невольниц кормили так сытно, что Оккуле пришлось ревностно следить за своим весом, чтобы не растолстеть, однако на Майе изобилие пищи никак не сказывалось, хотя она ежедневно наедалась до отвала. Они с Оккулой делили опочивальню и широкую мягкую постель – отдыху и сну, необходимому для поддержания красоты девушек, не мешали ни мухи, ни орудия младенцы.

Короче говоря, с невольницами обращались как с невероятно ценной собственностью. Теревинфия лично осматривала их, умело растирала и разминала, а при малейшем недомогании – больном горле или несварении желудка – вызывала врача. Однажды Дифна пожаловалась на мозоль, и из нижнего города тут же привели особого человека, который ее удалил. Ссоры, а тем более драки между невольницами строго запрещались – виновниц примерно наказывали. Как выяснилось, Теревинфия неспроста испытывала неприязнь к Мерисе: девушка отличалась непредсказуемым и вспыльчивым нравом, а исцарапанное лицо или синяки и ссадины на теле невольницы снижали ее ценность и вызывали неудовольствие верховного советника.

На наряды рабынь тратили не меньше денег, чем на удовлетворение обжорства Сенчо. Верховный советник требовал, чтобы девушек одевали с великолепием, подобающим его положению, – то есть их наряды роскошью превосходили одеяния самых богатых и знатных жительниц Беклы. Одежда, нижнее белье, украшения, обувь – любая мелочь на теле невольниц – отличались такой невероятной красотой, что Майя со стыдом вспоминала свое изумление при виде простенького платья, которым ее заманили работорговцы.

Как-то раз верховный советник устроил пир в честь приезда в столицу лапанского правителя Рандронота, известного своей расточительностью и пристрастием к очень молодым девушкам. Владыка Лапана, знаменитый военачальник и весьма притягательный человек, пользовался огромным уважением и любовью лапанцев, а потому Леопарды не возражали против его правления, хотя он и тратил общественные деньги на удовлетворение своих нужд.

Сенчо велел невольницам прислуживать на пиру и ничуть не удивился, когда Рандронот заявил о своем интересе к Майе. Верховный советник, польщенный откровенной завистью лапанского правителя и вдобавок имея веские причины заручиться его расположением, с готовностью предложил Рандроноту провести ночь с Майей.

Оставшись наедине с правителем, девушка стала медленно снимать великолепный наряд и внезапно заметила, что роскошные вещи вызывают у Рандронота не меньшее восхищение, чем скрытые под ними прелести. Он пощупал дорогую ткань, внимательно осмотрел драгоценные украшения и осведомился о цене. Майя ответила, что не знает. Тогда Рандронот объявил, что все это стоит не меньше семи тысяч мельдов.

– Это пустяки, мой повелитель. – Майя равнодушно пожала плечами и лукаво заметила: – То, что под этими безделушками, стоит в два раза больше.

Услышав такой ответ, владыка Лапана пришел в невообразимый восторг и донельзя распалился. Его восхищали не столько действия Майи, сколько само ее присутствие, как если бы в девушке нашли свое воплощение некие тайные, неутоленные желания Рандронота. Невольница, искушенная в постельных утехах, сочла бы такое поведение странным и

неуравновешенным; так знаток безошибочно распознает необычайное совершенство там, где человек необразованный не видит ничего особенного или чудесного. Майя все еще наслаждалась тем, что мужчины находят ее привлекательной, а потому восприняла безудержный пыл Рандронота как нечто само собой разумеющееся. На следующее утро лапанец объявил, что должен обязательно увидеться с ней еще раз, осыпал ее похвалами и потребовал заверений, что она тоже воспылала к нему страстью. Майя, догадываясь, что мужчины обычно говорят такое после бурной ночи, почтительно выразила ему свое восхищение, как и полагалось хорошо обученной невольнице.

Она всего лишь считала, что доставила высокому гостю ожидаемое удовольствие, и в своей наивной простоте не подозревала, к каким последствиям это приведет. На самом деле владыка Лапана совершенно потерял голову и полностью отдался на волю своего безрассудного увлечения.

Восхищенный беззастенчивым заявлением пятнадцатилетней девушки о своей ценности, Рандронот передал ее слова Сенчо. Верховного советника весьма обрадовало, что Майя сумела произвести должное впечатление на лапанского правителя, который простился с рабыней, как с единственной возлюбленной.

За свои труды Майя получила такой щедрый лиголь, что даже обычно невозмутимая Теревинфия не удержалась от похвалы.

Подобный образ жизни, несмотря на все унижения и оскорбления, пришелся Майе по душе – даже когда Теревинфия укладывала ее на ложе, чтобы Сенчо отшлепал упругие ягодицы своей любимой невольницы. Внутренняя удовлетворенность вкупе с искренней любовью и заботой Оккулы спасали Майю от скуки и праздности. Вскоре, подбадриваемая чернокожей подругой, она уговорила Дифну обучить их грамоте, освоила начатки игры на киннаре (хотя знала, что хорошей певицей никогда не станет, – голоса не хватало) и даже, подольстившись к Теревинфии, заставила толстуху нанять белошвейку для уроков вышивания.

Однако больше всего времени Майя посвящала своему любимому занятию – танцам. Под пристальным наблюдением Оккулы она проводила долгие часы, разучивая не только соблазнительные фигуры сенгуэлы, но и йельдашейские и белишбанские танцы и стремительные дильгайские пляски, – чернокожая девушка не без пользы провела шесть лет в «Лилейном пруду» и многое переняла у знакомых танцовщиц.

В те дни, когда Сенчо призывал к себе других невольниц, Майя, оставшись в одиночестве, безмятежно сидела у окна – не в тревоге или в унынии, а, по крестьянской привычке, думая ни о чем. Иногда она смотрела в окно, выходящее на север, откуда за крепостной стеной верхнего города виднелись Павлиньи ворота и высокие стройные башни нижнего города, теперь известные Майе поименно. За окном, выходящим на запад, простирались зеленые, напитанные влагой сады и березовая роща у озера Крюк, а на противоположном берегу озера высился Леопардовый холм, на вершине которого сиял дворец Баронов с двадцатью башенками. Однажды на закате дождь ненадолго прекратился, и сквозь тяжелые облака выглянуло солнце – громадный багровый шар, медленно плывущий по волнам зыбкого неба в далекие края: в Катрию, Терекеналыт и даже на родину Оккулы, в неведомый Серебряный Теджек за пустыней Говиг. «Может, оно там сияет как раз над длинной песчаной косой, где ярмарки устраивают, – лениво подумала Майя. – Наверное, очень красиво: алое солнце над серебристым песком». Разумеется, ей не пришло в голову, что в Теджеке до заката еще очень далеко.

Майя мимоходом вспоминала нищенское детство, оставшееся позади, – без огорчения, без сожалений, будто выброшенное старое платье или букет увядших цветов. Скучала она только по неоглядному простору озера Серрелинда и по своим любимым водопадам... да еще по Таррину – приветливому и улыбочивому, хотя и отъявленному плуту.

Теперь она хорошо понимала, что отчим был лентяем, мошенником и вообще распутным малым, который не устоял – да и не пытался устоять – перед возможностью соблазнить хорошенькую девчонку. А когда Майя исчезла, на этом все и кончилось: подумаешь, пропала и пропала, еще не то бывает. Как пришло, так и ушло. «Интересно, что матушка ему сказала? – думала Майя. – И что он ей ответил? Да ничего, наверное. Ну и пусть. Все равно он добрый был и обходительный, смешил меня, не обижал. А мы с ним славно повеселились. Я бы ему даже сейчас не отказала. Он меня не щипал, не кусал и по полу на четвереньках не заставлял ползать. Ох... – Тут она с удовлетворением оглядела свой роскошный наряд и украшения. – Вот бы я ему сейчас показала... Так бы и сказала: „Погляди, все это мне потому досталось, что тебе лень было меня отыскать. И вообще, некогда мне с тобой прохлаждаться, меня маршал в Бекле ждет – двести мельдов на дороге не валяются!“ Ой, и правда ведь, маршал же...»

При мысли о маршале все приятные воспоминания улетучились. Майя не особо тревожилась о неведомых поручениях и приказах, решив, что Кембри о ней и думать забыл. Но сейчас, в одиночестве, в тишине зеленоватых сумерек, пропитанных запахом дождя и пронизанных замысловатыми трелями дроздов, она вспомнила слова маршала о грозящих ей опасностях – так вода просачивается в щелку под дверь. Какие опасности? Откуда? Когда? «Если уцелеешь...» – то же самое, наверное, говорят командиры своим солдатам, отправляя их в бой. Эх, зря она Кембри послушала!

Впрочем, он обещал ей щедро заплатить и вольную выправить. Майя представила, как станет знаменитой бекланской шерной, и дух перехватило от восторга. Багровый шар солнца скрылся за тучами, снова пошел дождь, но все мысли Майи уже обратились к неясному, но великолепному будущему – ведь молодости неведом страх перед грядущими бедами и несчастьями. Нет, ей обязательно повезет – везло же до сих пор! Ее продали в рабство, а оказалось, что это к лучшему.

Тут за Майей пришла Теревинфия, чтобы отвести ее в обеденный зал, к хозяину. Майя отринула глупые страхи и поправила вырез платья, открывая пышную грудь, как любил Сенчо.

Оккула тоже тревожилась неизвестностью, хотя виду старалась не подавать. Она устроила в опочивальне алтарь, где покоилась черная фигурка Канза-Мерады, и Майя не раз заставляла подругу расprostертой на полу перед статуэткой.

– Всесильны законы подземного мира, о Канза-Мерада, смирись и молчи... – еженощно повторяла Оккула ставшие знакомыми слова странного гимна, впервые услышанного Майей у ручья на тракте из Хирдо в Хесик.

Подруга сжимала черную фигурку богини в ладонях, будто пытаясь выдавить из нее спокойствие, как сок из спелого плода.

Однажды Майя, разглядывая глиняную кошечку, заметила, что Оккула выцарапала на обратной стороне какие-то слова.

– Готова... сделать... что угодно, – медленно прочитала Майя. – Оккула, а что это значит?

– Что? Ах это! – вздрогнув, ответила подруга. – Молитва такая. Если ее выцарапать, то

больше помогает. Вроде как действенное становится. Это молитва повиновения.

– Повиновения? Чему?

– Ну... не знаю. Всему. Тому, что надо исполнить. – Оккула встала, зевнула и подняла руки над головой. – Лучше помоги мне платье снять! О великий Крэн, говорила же я Теревинфии, что белый атлас слишком тяжелый! И крючки сзади расстегни. Ох, и устала же я! Завтра целый день просплю.

Майя подбросила углей в жаровню, установленную в дальнем конце малого обеденного зала, взяла со стола чашу с желтками, сбитыми с сахаром, сладким вином и лимонным соком, и пристроилась в изножье ложа верховного советника.

Все утро Сенчо провел за разговорами с осведомителями – сомнительного вида типами в нищенских лохмотьях. Разумеется, невольницы при этом не присутствовали. Теревинфия по одному провожала посетителей к верховному советнику, а потом расплачивалась с ними сообразно повелениям хозяина. Впрочем, даже после этого их не отпустили: Сенчо, выслушав все сообщения, многих бродяг вызвал повторно, с тем чтобы окончательно прояснить не понятые прежде известия. Три посетителя, явившиеся в масках, дожидались приема в отдельных покоях.

К полудню верховный советник, пребывая в отличном расположении духа, велел Теревинфии накрыть стол в малом обеденном зале и привести туда Майю с Оккулой. Вскоре стало ясно, что полученные от осведомителей сведения так подстегнули аппетиты Сенчо, что через час после начала обеда, вынужденно оторвавшись от яств, чтобы дать отдых отягченному желудку, верховный советник не задремал, а велел своим невольницам себя развлечь.

Одним из любимых хозяйских развлечений являлись всевозможные игры с едой; Сенчо испытывал огромное удовольствие от намеренной порчи пищи, а горькие воспоминания о голодных детских годах заедал роскошными лакомствами. Иногда он велел привести в дом истощенного бродягу, на глазах у него смачно харкал в пирог или вываливал на пол содержимое блюда, а потом благосклонно позволял бедняге утолить голод; иногда приглашал в дом рабынь из захудалого дома утех, сулил щедрую награду той, что съест больше всех за полчаса, и с удовольствием наблюдал, как они наперегонки набивали рты и давились непривычно жирной пищей.

В этот раз он своими руками снял с Оккулы наряд и заставил чернокожую невольницу усесться в громадную серебряную лохань, до краев заполненную топлеными сливками. Девушка, исполняя повеление хозяина, игриво плюхнулась в лохань, так что белая пелена сливок покрыла темную кожу до пояса. Оккула поднялась и замерла перед Сенчо, который стал неспешно украшать ей лобок засахаренными вишнями, миндалем, фиалками и кусочками дягиля.

Майя, возбужденная видом подруги, с неслыханной расточительностью буквально облаченной в дорогую еду, бросилась помогать хозяину, пристраивая сережки из вишен на соски и в уши Оккулы, а потом очистила длинный плод итарга и воткнула ей между ног, гордясь своей находчивостью. Сенчо, умилившись поведению невольницы, вернулся к своему излюбленному занятию – чревоугодию, – не забывая время от времени слизывать лакомство с тела Оккулы, в то время как Майя, устроившись в изножье ложа, подобным же образом ублажала его самого, используя для этой цели сбитые желтки.

Как и предполагалось, игра завершилась полным удовлетворением верховного советника. Встрепанная и раскрасневшаяся Майя начала приводить себя в порядок, а Теревинфия обтирала Оккулу теплым полотенцем, но тут позвонил колокольчик у двери. По заведенному обычаю никто из слуг, кроме сайет, не имел права входить в обеденный зал,

когда хозяин развлекался с невольницами. Теревинфия вышла узнать, в чем дело, и по возвращении объявила, что молодой господин Эльвер-ка-Виррион со спутницей желают засвидетельствовать верховному советнику свое почтение, если он соизволит уделить им несколько минут своего драгоценного времени.

[Купить полную версию книги](#)